

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

185

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

120

К 70-летию профессора
Н.С. Борисова

«ВОССТАНЕТ ЦЕСАРЬ В ОПУСТЕВШЕЙ ЗЕМЛЕ»

люди, время
и пространство
русской истории

Труды исторического факультета МГУ

Коллектив авторов

**«Восстанет цесарь в опустевшей
земле»: люди, время и
пространство русской истории.
К 70-летию профессора Н.С.
Борисова. Сборник научных статей**

«Алетейя»

2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Коллектив авторов

«Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Борисова. Сборник научных статей / Коллектив авторов — «Алетейя», 2020 — (Труды исторического факультета МГУ)

ISBN 978-5-00165-171-0

Сборник приурочен к 70-летию выдающегося российского историка, заслуженного профессора МГУ Н. С. Борисова и включает в себя тексты, написанные его коллегами и учениками. Статьи посвящены широкому кругу проблем и сюжетов русской истории, изучению которой юбиляр посвятил свою жизнь. Для ученых, специалистов гуманитарных дисциплин и широкого круга читателей, которых интересует история России. На обложке: Поклонение волхвов. Миниатюра Сийского Евангелия 1340 г. (БАН, Санкт-Петербург)

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00165-171-0

© Коллектив авторов, 2020

© Алетейя, 2020

Содержание

Tabula gratulatoria	5
Юбилей Николая Сергеевича Борисова	6
От составителей	8
Чувство Родины профессора Борисова	12
О записках русского путешественника	16
«Историк – как музыкант» (встречи с Николаем Сергеевичем Борисовым и с его книгами)	21
Люди русской истории	24
Святые страстотерпцы и критерии их канонизации	24
Князь Рюрик Ростиславич в 1194–1210 гг	37
Похвала Ивану Калите в списке XVI в	43
Круг чтения семьи великого князя Дмитрия Ивановича по материалам записей на книгах	50
Кирилл Белозерский в Симоновом монастыре: штрихи к биографии святого	56
Влияние сочинений Нила Сорского на богословские труды митрополита Даниила	62
Русская церковь во второй половине XV–XVI вв.: на пути к установлению патриаршества	68
Два эпиграфических памятника смутного времени 302	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

«Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н. С. Борисова. Сборник научных статей

Tabula gratulatoria

Вместе с ответственным редактором, членами редакционной коллегии и авторами статей этого сборника к поздравлению Н. С. Борисова с 70-летием присоединяются:

Н. Г. Абрамова, доцент исторического факультета МГУ
А. Ю. Андреев, профессор исторического факультета МГУ
Д. А. Андреев, доцент, заместитель декана исторического факультета МГУ
Л. М. Артамонова, профессор Самарского университета
Ю. С. Белянкин, с. н. с. исторического факультета МГУ
Л. И. Бородкин, чл.-корр. РАН, профессор исторического факультета МГУ
А. И. Вдовин, профессор исторического факультета МГУ
Л. Н. Вдовина, доцент исторического факультета МГУ
А. Г. Голиков, профессор исторического факультета МГУ
А. А. Горский, профессор исторического факультета МГУ
Т. П. Гусарова, доцент исторического факультета МГУ
С. В. Девятков, профессор исторического факультета МГУ
Ф. А. Ильяшенко, иерей, проректор ПСТГУ
А. Ю. Карпов, редактор издательства «Молодая гвардия»
С. П. Карпов, академик РАН, президент исторического факультета МГУ
Л. В. Кошман, г. н. с. исторического факультета МГУ
И. П. Кулакова, доцент исторического факультета МГУ
А. А. Левандовский, доцент исторического факультета МГУ
Н. В. Литвина, с. н. с. исторического факультета МГУ
Г. Ф. Матвеев, профессор исторического факультета МГУ
С. В. Мироненко, чл.-корр. РАН, профессор исторического факультета МГУ
В. И. Моряков, профессор исторического факультета МГУ
А. В. Постернак, иерей, декан исторического факультета ПСТГУ
В. В. Симонов, профессор исторического факультета МГУ
Ю. Н. Смирнов, декан исторического факультета Самарского университета
О. В. Солопова, доцент, заместитель декана исторического факультета МГУ
Э. В. Шульгина, заведующая Отделом рукописей ГИМ

Юбилей Николая Сергеевича Борисова

Мы познакомились весной 1978 г. Студенту кафедры новой и новейшей истории и молодому научному сотруднику кафедры истории СССР периода феодализма была поручена ответственная миссия: сопровождать семью американского профессора Уолкера, приехавшего на исторический факультет МГУ по программе фонда Фулбрайта (США), в Загорск. Американцы были в восторге от увиденного и услышанного, но не меньший восторг испытал и я. Рассказ Николая Сергеевича Борисова о той давней эпохе, её людях, нравах и традициях, начавшийся по дороге в Загорск, продолжавшийся в самом монастыре и завершившийся по дороге обратно, завораживал и смахивал на некую сказку, в которую рукой мастера погрузились все путешественники. Позже я понял, как это произошло. Николай Сергеевич, последний ученик академика Б. А. Рыбакова, несмотря на юный возраст оказался не только блестящим знатоком истории Средневековой Руси и талантливым рассказчиком, но человеком, глубоко погружённым в события той эпохи и сопереживающим её героям.

Это впечатление усилилось в последующие годы, когда мы вместе с ним и с нашим другом искусствоведом Виктором Петровичем Головиным начали возить студентов по стране, по её «медвежьим уголкам», заброшенным монастырям и церквям. Особенно тщательно мы изучали памятники живописи и зодчества Ярославского края и Вологодчины. По этим регионам Николай Сергеевич издал впоследствии серию блестящих путеводителей. Его усилиями для студентов-историков фактически были открыты Соловецкие острова. Дидактическая значимость таких путешествий заключалась именно в попытке приобщить студентов к сопереживанию, без которого не может состояться настоящий историк.

Аналогичный подход был и остается присущ Николаю Сергеевичу в ежедневной учебной работе. Блестящие лекции сочетаются с глубокой проработкой источников на семинарах, а студенты, которым повезло попасть в его группу, впоследствии вспоминают своего учителя с теплотой и искренней благодарностью. Мудрый и внимательный научный руководитель, он подготовил не один десяток квалифицированных выпускников и кандидатов наук.

Заслуженный профессор Московского университета Н. С. Борисов принадлежит к числу наиболее ярких преподавателей и учёных исторического факультета МГУ. В нынешней корпорации отечественных медиевистов он по праву считается одним из крупнейших специалистов. Его научные и научно-популярные книги неоднократно переиздавались, а написанные им учебники и учебные пособия пользуются заслуженной популярностью среди студентов, абитуриентов и многочисленных любителей истории. Он автор более ста двадцати научных работ, в числе которых два десятка книг, посвящённых важнейшим проблемам отечественной средневековой истории. Простой перечень лишь наиболее значимых из них свидетельствует о широте исторической эрудиции автора: «Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв.» (1986), «Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв.» (1988), «Политика московских князей. Конец XIII – первая половина XIV вв.» (1999), «Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света» (2004), «Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья» (2010), «Возвышение Москвы» (2011) и др. В популярной серии «Жизнь замечательных людей» им были написаны книги о преподобном Сергии Радонежском, а также о русских князьях XIV–XV вв. – Михаиле Тверском, Иване Калите, Дмитрии Донском, Василии Тёмном, Иване III. Монографии Николая Сергеевича, принадлежащие к разным жанрам, объединяет не только глубокое знание источников и оригинальность их интерпретации, широта охвата и новизна наблюдений, но и доступный для восприятия, изящный стиль изложения. Сочетание фундаментального подхода с легкостью стиля делает монографический багаж Николая Сергеевича особенно ценным. Не случайно он является членом Союза писателей России.

Н. С. Борисов деятельно способствует популяризации исторического знания и продвижению исторического факультета и Московского университета в медийном пространстве нашей страны и за её пределами. Он проходил научные стажировки и участвовал в международных конференциях в Италии, США, Индии, Белорусии и в других странах, прочитал несколько циклов лекций в просветительских проектах на телевидении (в т. ч. в проекте «Академия»), регулярно выступал в качестве эксперта в исторических радио- и телепередачах. Ему не раз доводилось быть консультантом и сценаристом исторических фильмов и сериалов (в т. ч. «Софья Палеолог», «Борис Годунов» и др.).

Свою масштабную научную и просветительскую деятельность Николай Сергеевич успешно сочетает с руководством родной кафедрой истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ, которую он возглавил в 2008 г. Н. С. Борисов является членом Российского исторического общества, диссертационного совета по отечественной истории МГУ, а также научно-экспертного совета по присуждению премии памяти митрополита Макария (Булгакова) и диссертационного совета при Общецерковной аспирантуре и докторантуре имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Заслуги Николая Сергеевича перед обществом и университетом оцениваются многочисленными грамотами, памятными знаками, премиями и благодарностями. Однако главным мерилом профессионального успеха и общественного признания является искреннее уважение коллег по цеху и учеников, которым пользуется Н. С. Борисов.

С юбилеем, дорогой Николай Сергеевич!

Л. С. Белоусов, академик Российской академии образования, доктор исторических наук, профессор, исполняющий обязанности декана исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

От составителей

Историки бывают разные.

Одни парят «под облаками» и оттуда, словно хищные орлы (или современные космические спутники), видят то, что не видно с грешной земли. Их обобщения определяют развитие науки на десятилетия вперед.

Другие, словно археологи в глубоком шурфе, всю жизнь просиживают над какой-то узкой темой, но оттачивают её до того ослепительного блеска, который разит врагов прежде, чем их коснётся клинок.

Но есть и такие, которые ходят по земле, всматриваются в лица людей, вслушиваются в их речи – иногда великие и дерзновенные, а иногда и бессвязные, слышат шум дубрав и рокот земли под копытами вражеских полков, вдыхают аромат ладана, запах спелых полей и смрад поверженных городов, знают и торные тракты, и неприметные лесные тропы, физически чувствуют, как через всё, встречающее им на пути, протекает таинственный и неуловимый поток времени, и они готовы быть проводниками в этот загадочный и прекрасный мир истории людей и пространств. Доскональное знание источников соединяется у них со знанием человеческой природы, научная беспристрастность, порой оставляющая на губах нетерпимую горечь, – со светлым и неизбывным чувством любви «к отеческим гробам», ясность мысли – с восхищающей точностью слова.

Таков профессор Николай Сергеевич Борисов.

Осип Эмильевич Мандельштам, читая Гомера, уже в монотонном перечислении ахейских кораблей почувствовал главную тему, которой был вдохновлен автор «Одиссеи»¹. Перечисление книг Н. С. Борисова даёт ясное представление о сферах истории, которые вдохновляют его как учёного. По большому счёту, таких сфер две.

Первая из них, перефразируя слова самого историка, – это «тайна, имя которой Москва»². Превращение маленького окраинного города Владимиро-Суздальской земли в столицу одного из величайших государств мировой истории, совершившееся всего за два столетия, – вот тема, интересующая Борисова на протяжении многих десятилетий. А если говорить точнее, во всех своих работах он пытается понять людей, благодаря которым, через которых и вопреки которым совершилось это таинственное «возвышение Москвы». Данный подход неизменен и в проблемных монографиях Борисова, и в его блистательном биографическом цикле, «сём длинном выводе», охватившем без малого три века отечественной древности.

К монографическому жанру относятся четыре книги: «Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв.» (1986), «Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV вв.)» (1999), «Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света» (2004), «Возвышение Москвы» (2011). Ещё восемь книг посвящены биографиям важнейших исторических деятелей русского Средневековья: «Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII веков» (1988), «Русские полководцы XIII–XVI веков» (1990), «Михаил Тверской» (2017), «Иван Калита» (1995), «“И свеча бы не угасла...” Исторический портрет Сергия Радонежского» (1990; в позднейших переизданиях – «Сергий Радонежский»), «Дмитрий Донской» (2014), «Василий Темный» (2019) и «Иван III» (2000). Все эти книги помимо внимания к личностному плану прошлого отличают широкий исторический контекст, масштабность обсуждаемых проблем, внимание к культурным и религиозным факторам развития русского общества, тонкий анализ политических процессов, пристальный интерес к глубинным смыс-

¹ Мандельштам О. Э. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси, 1990. С. 95 (стихотворение «Бессонница. Гомер. Тугие паруса»).

² Борисов Н. С. Иван Калита. М., 1995. С. 5–6.

ловым слоям источников (в том числе библейским и иным литературным аллюзиям), во многом новаторский подход к анализу точных летописных дат и другие узнаваемые черты творческого метода исследователя. При этом Борисов не берётся за по-аптекарьски точные расчёты параметров прошлого, не высушивает его до схем и таблиц, а зовёт прикоснуться к жизни Средневековья в всём её богатстве и многообразии. Когда-то А. В. Арциховский назвал миниатюры Радзивилловской летописи «окнами в исчезнувший мир». Борисов предлагает не только взглянуть в яркие картины прошлого, но и не побояться пройти по разбитым средневековым дорогам.

Важной особенностью книг и статей Н. С. Борисова, посвящённых средневековой тематике, является то, что они интересны не только коллегам, но и, как принято говорить, – «широкой читающей публике». Ошибёмся ли мы, если скажем, что ни один другой отечественный историк-медиевист не привёл в эпоху ранней Москвы столько благодарных читателей «с улицы»? И большинству из этих людей после чтения книг Борисова не оставалось ничего иного, как полюбить ранее неведомый им, суровый и кровавый, но и завораживающий своей напряжённой красотой мир русских князей и великих старцев «золотого века русской святости».

Другая сфера, где плодотворно трудится Н. С. Борисов, – это история отдельных городов и весей, история русской провинции, без разговора о которой размышления о Москве теряют и смысл, и глубину. Этой теме не чужды и книги, которые мы перечислили выше. Но в некоторых своих работах учёный обращается к провинциальной теме специально. Таковы изданные в знаменитой «жёлтой серии» путеводители «Окрестности Ярославля» (1984), «От Ярославля до Вологды» (1995), «Рыбинск. Мышкин. Пошехонье (архитектурно-художественные памятники XVII–XIX вв.)» (2001), а также наполненная «горестными заметками сердца» и тонким добродушием памяти книга «Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья» (2010).

Можно сказать, что Н. С. Борисов создал для людей «эпохи сапсанов» подлинные русские итинерарии. Не слишком торопливому и внимательному страннику встречаются на пути многие чудеса. С холмов ему открываются панорамы мощных крепостей, среди лесов он встречает недавно основанные монастыри, в дремучих чащах улавливает едва различимые слова молитв, доносящиеся из кельи отшельника. Он желанный гость в великокняжеских палатах, в хоромах удельных правителей, в городских усадьбах, в крестьянских избах. Щедрый на яркие образы реальный мир русского прошлого открывается ему не только через свидетельства источников, но и через истины Священного Писания, через гул ветра, смешанный с колокольным звоном, через отражения часовен в озёрной глади.

Сам по натуре путешественник, Н. С. Борисов зовет своих читателей отправиться вместе с ним на поиски дороги, «которая ведет к здоровым суждениям и трезвым оценкам; дороги, которая учит истории лучше всех учебников и профессоров»³. И речь в этом приглашении идёт не только о путешествии во времени истории, но и в пространстве современности. Как не вспомнить тут Марка Блока с его знаменитым определением истории: «наука о людях во времени, наука, в которой надо непрестанно связывать изучение мертвых с изучением живых»⁴!

Это искусство «связывания мёртвых и живых» Н. С. Борисов на протяжении многих десятилетий передаёт своим ученикам, да и не только им.

Список принадлежащих перу Н. С. Борисова учебников и учебных пособий, как предназначенных для студентов, абитуриентов или школьников, так и «для всех интересующихся историей Отечества», не менее значителен, чем список его научных работ. Эти книги тоже давно уже проторили дорогу к уму и сердцу взыскательного читателя. Например, учебник

³ Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М., 2010. С. 9.

⁴ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 29.

«История России. С древнейших времён до конца XVII века. 10 класс» с 2005 по 2014 гг. издавался девять раз. Но главный секрет Борисова-педагога, наверное, всё же не в этом. Существует расхожее мнение: либо историк хорошо пишет, либо увлекательно говорит, однако почти никогда не делает удачно и то, и другое. Однако Борисов умеет облечь свои наблюдения не только в ризы неподражаемых текстов, но и создать из них убедительный рассказ. Настоящий мастер живого слова, утончённый ценитель стиля, он будит в слушателе трепетный интерес к истории и исторической науке, заставляет размышлять, чувствовать себя одновременно и участником, и беспристрастным созерцателем прошлого. Сухие строки исторических источников превращаются в устах мастера в живые картины ушедшего. Его доклады на научных конференциях, лекции в университетских аудиториях, экскурсии «в русских городах, дальних и ближних», выступления по телевидению одинаково глубоки по мысли и искусны в плане её словесного выражения – всегда лаконичного и точного.

Настоящая мастерская историка – университетские семинары Н. С. Борисова. Его студенты учатся не только интерпретировать источники и анализировать историографию – он прививает им широту кругозора, способность неординарно мыслить, чувствовать предмет исследования, угадывать в истории невидимые нити, идущие из первобытности и античности через Средневековье в наши дни. Борисов обращает внимание на сюжеты, обычно не занимающие большого места в обзорных курсах и учебных пособиях. Он с увлечением рассказывает о значении библейских образов для культуры Руси, о символике частей православного храма, о чуме как одном из факторов возвышения Москвы, об истории обретения икон Звенигородского чина, о практике тушения пожаров в эпоху Ивана III... И ещё – настоятельно советует первокурсникам «читать классиков»: от Геродота, Плутарха и Светония до Карлейля, Хёйзинги и Марка Блока. Когда-то Томас Манн начал свой знаменитый роман-эпос «Иосиф и его братья» со слов: «Прошлое – это колодец глубины несказанной. Не вернее ли будет назвать его просто бездонным?»⁵. Это драгоценное для начинающего исследователя ощущение Борисов с успехом передаёт вчерашним школьникам, перешагнувшим порог Московского университета.

Хорошо зная чувство мистической сопричастности прошлому, возникающее во время поездок по историческим местам – будь эти места цветущими городами или брошенными пустырями, заросшими крапивой и иван-чаем, – Н. С. Борисов привил многим студентам вкус к путешествиям. И эти научные путешествия, простираясь от Воробьёвых гор до Куликова поля, предгорий Карпат, Белого моря и Сибири, долгие годы оставались одной из важнейших практик для студентов кафедр отечественной истории, оказываясь полноценным методом знакомства историков с прошлым. Важную роль в подготовке и проведении этой практики вместе с другими преподавателями всегда играл Борисов. Особо надо отметить, что благодаря Борисову у студентов и преподавателей исторического факультета возник неугасающий уже многие десятилетия интерес к истории Соловецкого архипелага. Его плодами помимо студенческих практик стали статьи и диссертации, книги и выставки, а также Соловецкий Морской музей, созданный при активном участии учеников Борисова.

Под научным руководством Н. С. Борисова защищены десятки дипломных работ и десять кандидатских диссертаций. Отзывчивый научный руководитель, он не стремится контролировать каждый шаг ученика, предоставляя ему свободу творчества и самовыражения. Но отданные ему на суд тексты неизменно возвращаются автору с многочисленными пометами и правками, мыслями на полях, важными цитатами и идеями. При этом мастер не настаивает на безусловном и обязательном принятии его замечаний, он приглашает к совместному осмыслению источников.

Борисов умеет вдохновить. Иногда – каким-нибудь парадоксальным способом, чаще – собственным примером.

⁵ Манн Т. Иосиф и его братья. М., 1987. Т. 1. С. 29.

В год 250-летия Московского университета был снят небольшой фильм о студентах и преподавателях исторического факультета. Авторы брали интервью и у Н. С. Борисова. Отвечая на вопрос, что же самое важное в профессии историка, он сказал, что важно «почувствовать историю не как совокупность каких-то мертвых фактов, а как жизнь: жизнь, которая ушла, но которая была. Когда воспринимаешь историю как жизнь, то возникает как бы второй мир. Историк в этом отношении – счастливый человек. У него две жизни: одна – его реальная жизнь, которой он живет каждый день, вторая – та, в которой мы живем вместе с нашими героями: князьями, полководцами, великими мыслителями...

Поэтому настоящий путь в историю лежит прежде всего через чувство личной причастности к прошлому, в этом главная перспектива».

* * *

Книга, которую читатель держит в руках, — знак почтения учеников и коллег Николая Сергеевича Борисова. Её выход в свет приурочен к 70-летию учёного. Большинство статей сборника посвящены русскому Средневековью: проблемам политической и духовной культуры, в том числе истории русской Церкви, развитию общественно-политической мысли и международных связей. Но поскольку юбиляр в своих работах никогда не замыкается только в рамках Древней Руси, стремясь понять историю России как целое, в сборник включены и работы по другим периодам. В нескольких статьях речь идет о жизни и творчестве видных русских историков. Открывают же сборник тексты, посвященные самому юбиляру и его трудам.

Заглавие сборника — парафраз отрывка знаменитой приписки к Сийскому Евангелию 1340 г.: «*В последнее время в апустъвиши земли на западъ въстанеть цесарь, правду любя и соудъ не по мздь судяи, ни в поношение поганымъ странам*»⁶. Небольшая, но богатая библейскими образами приписка представляет собой похвалу князю Ивану Калите, стоявшему у истоков возвышения Москвы. Это один из самых ранних памятников московской политической мысли, проникнутый надеждой на будущее возрождение Руси. Образ Ивана Калиты — благочестивого и мудрого правителя, в трагических обстоятельствах своего времени твёрдо и бережно ведущего вверенную ему землю к процветанию — можно назвать центральным для всего научного творчества Николая Сергеевича Борисова.

*Алексей Лаушкин,
Татьяна Матасова,
Аркадий Тарасов.
Москва, май-июнь 2020 г.*

⁶ Мещерский Н. А. К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 95.

Чувство Родины профессора Борисова

Ю. А. БОРИСЁНОК⁷

Professor Borisov's Sense of the Motherland

Annotation. The article is devoted to N. S. Borisov's research in the field of Russian history of the 19th century and the daily history of Russian regions with rich historical traditions. The famous scientist vividly and convincingly reconstructs the features of travels in Russia of the previous century and, based on numerous sources, creates his own image of the past, which significantly differs from the class approach adopted in the Soviet era.

Key words: history of Russia of the 19th century, N. S. Borisov, the history of everyday life, A. I. Herzen, autocracy, class approach.

О Николае Сергеевиче Борисове как человеке, вне всяческих сомнений замечательном, надобно писать большую и подробную биографию, в которой найдется место многим значимым его личным и научным достижениям. В таком жизнеописании, на мой пристрастный взгляд, не обойтись и без рассказа о вкладе ученого в зримое развитие того очень непростого жанра, который походя именуют научно-популярным. Ибо заставить читателя, в особенности современного, поверить автору из когорты крупных специалистов и сделать так, чтобы оный читатель, посредством ли бумажной книги или ее электронной версии, приобрел к качественной версии отечественной истории, нынче непросто до крайности. Но Николаю Сергеевичу это удастся, чему свидетелями неоднократно становились среди прочих и читатели журнала «Родина». Беседы с профессором Борисовым в уже занесенных песком утраченного времени «закромах Родины» на Новом Арбате, 19, которые мне с Андреем Анатольевичем Смирновым, моим однокурсником и выпускником уважаемой кафедры, по старинке меченой классовой печатью «феодализма», приходилось вести неоднократно⁸, неизменно отличались помимо чеканности и емкости исторических формулировок ещё и повышенной концентрацией той самой роскоши человеческого общения, которой не хватает всегда, а уж тем паче «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий» весны 2020 г.

Тем же неповторимым присутствием роскоши человеческого общения отличается и вышедшая в свет в 2010 г., одна из самых ярких книг Николая Сергеевича «Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья»⁹, на которой в этом небольшом тексте имеет смысл сосредоточиться. Работа эта и спустя десять лет востребована и актуальна – и удивительно глубоким для историка, известного прежде всего своими исследованиями о русском средневековье, погружением в Российскую империю позапрошлого, XIX столетия, и наличием в ней не просто любви к Родине, а чувства Родины.

Нынче подзабылось, но в свое время вынужденно замечалось, что в ноябре 1981 г. в журнале «Новый мир» именно под таким названием «Чувство Родины» уже ставший к тому времени лауреатом Ленинской премии в области литературы Леонид Ильич Брежнев опубликовал очередную главу своих воспоминаний. В отличие от «Малой земли», «Возрождения» и

⁷ Борисёнок Юрий Аркадьевич (Yury A. Borisenok); кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; rodina2001@mail.ru.

⁸ См., например: Борисов Н. С. Эпоха преподобного Сергия / Беседовали Борисёнок Ю. А., Смирнов А. А. // Родина. 2014. № 5. С. 4–8.

⁹ Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М., 2010.

«Целины» глава эта не дождалась включения в школьную программу. И не только потому, что через год, в ноябре 1982-го, мемуарист скончался, но и вследствие наличия в данном тексте откровенной ревизии марксизма-ленинизма. Ведь всякий советский школьник и тем более студент в теории должен был внимательно читать «Манифест Коммунистической партии» молодых, но рьяных К. Маркса и Ф. Энгельса и вынести оттуда заряд пролетарского интернационализма в таких вот чеканных строках: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет»¹⁰.

А вот у рабочего Брежнева, появившегося на свет в поселке Каменское 19 декабря 1906 г., оказалось не просто отечество, а осознанное чувство Родины. Авторы воспоминаний генсека, явно с согласия самого мемуариста, облекли это ощущение в такую вот словесную форму: «Чувство Родины у всех у нас развито очень сильно. Прекрасное чувство! И оно питается, конечно, не только созерцанием красоты нашей земли. Надо, как говорится, врасти в неё корнями, и когда человек до пота потрудится на ней, хлеб вырастит, заложит город, построит новую дорогу или окопы будет рыть на этой земле, защищая её, – вот тогда он поймёт до конца, что такое Родина. Говорю об этом к тому, что в начале 20-х гг. началась для меня пора узнавания родной страны. На поездах, на речных пароходах, иногда верхом на лошади, а больше пешим порядком пришлось «отмерить» многие тысячи километров. Началось всё с поездки в края, откуда был родом отец. На курской земле я узнал, что такое крестьянская жизнь, приобщился к труду хлебороба»¹¹.

Читателям книги Н. С. Борисова впору зачислить Леонида Ильича в русские путешественники – человек, мучительно долгие для современников 18 лет пребывавший на самом вершине власти, на склоне лет вспомнил о своих корнях и истоках, прямо и недвусмысленно увязав чувство Родины с опытом своих по большей части вынужденных странствий в молодые годы. Заметим, что идеологические конструкции тех самых молодых брежневских лет свято блюли правоту марксова манифеста. Вот что писал Максим Горький в статье «По поводу одной легенды», опубликованной одновременно в «Правде» и «Известиях» 5 марта 1931 г. в разгар мирового экономического кризиса: «Рабочие всей земли ещё раз могут убедиться в том, что ожидать помощи капиталистов, буржуазии, гуманитарного “свободного слова” – дело столь же безнадежное, как ждать молока от быка. Пролетариям всех капиталистических стран пора, наконец, понять, что в словах “у пролетария – нет отечества” заключена суровая, неоспоримая, пролетарская истина. В своё время эту истину провозгласил Карл Маркс, её многократно повторял создатель большевизма Владимир Ленин. Буржуазные “мыслители”, защитники власти капитализма и экономического рабства для трудового народа, оспаривали эту истину. Но вот наступило время, когда капиталисты сами, и не словом, а на деле, утверждают, что рабочие – действительно чужие люди в странах своего языка, что капиталистический строй не может помочь десяткам миллионов безработных, созданных его бессмысленной страстью к наживе»¹².

Правда, уже в 1930-е гг., как известно, в арсенале советской идеологии появился советский патриотизм, несомненно наложивший отпечаток и на переживания Брежнева. Упомянутая публикация в «Новом мире» заканчивается так: «Чувство Родины у каждого из нас начинается с памяти детства, со своего дома, своей улицы, своего города или села. И вместе с тем живо в нас ощущение большой, великой Родины, которая в дни опасностей и больших испытаний вся от края и до края становится вдруг до боли близка и дорога»¹³. Стало быть, начина-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 444.

¹¹ Брежнев Л. И. Чувство Родины [Электронный ресурс]. URL: supol.narod.ru/archive/books/Breznev/chuvstvo.htm (Дата обращения: 25.06.2020).

¹² Горький М. По поводу одной легенды // Правда. 1931. 5 марта.

¹³ Брежнев Л. И. Чувство Родины [Электронный ресурс]. URL: supol.narod.ru/archive/books/Breznev/chuvstvo.htm (Дата обращения: 25.06.2020).

лись размышления Леонида Ильича об отечестве весьма перспективно, а закончились в ритме звеневшей в ту пору отовсюду песни «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». Тщательно выписанный маститыми спичрайтерами текст воспоминаний однозначно позволяет судить о небольшой глубине того самого чувства у конкретного человека Брежнева, присутствие которого за стилистически причесанными фразами всё-таки кое-где удастся различить.

И дело даже не в скромности экскурсов в семейную генеалогию – в вышедшей одновременно с «Чувством Родины» части воспоминаний советского вождя под названием «Жизнь по заводскому гудку» находим примечательную географическую оплошность. Леонид Ильич утверждал, что в посёлок Каменское его отец Илья Яковлевич Брежнев прибыл со своей родины, «из Курской губернии, из деревни Брежнево Стрелецкого уезда»¹⁴. Но никакого Стрелецкого уезда в Курской губернии никогда не было, хотя авторы брежневских жизнеописаний пишут об этом до сих пор, а были две Стрелецкие волости, в уездах Курском и Старооскольском. Деревня Брежнево по сей день существует в Курском районе, хотя проживает в ней уже меньше 50 человек, сохранился даже Брежневский сельсовет, правда, с центром в другой деревне – Верхнекасиново. Деревне Брежнево так и не удалось снискать славы другой курской деревни – Калиновки, что ныне в Хомутовском районе, откуда родом был Никита Сергеевич Хрущев.

Сравнение текстов 1981 и 2010 гг. не оставляет никаких сомнений в том, чьё чувство Родины, генерального секретаря ЦК КПСС или профессора Московского университета, глубже и осознаннее. У Николая Сергеевича зримое преимущество перед Леонидом Ильичом и в стилистике выражения этого чувства, его книга на протяжении всех четырехсот с лишним страниц читается с неослабевающим интересом и пользой уму, чего, к сожалению, нельзя сказать о замышлявшихся как обязательное чтение для миллионов советских людей и писавшихся осознанно в популярном ключе группой профессионалов словесного цеха мемуарах советского лидера.

Более чем уместно также и сравнение глубины погружения Н. С. Борисова в родной для русского путешественника XIX в. Глубина эта живо и явственно чувствуется с первой же страницы повествования, и порукой тому не только обширная, по-настоящему эрудитская историко-литературная база из 221 позиции, но и уместное, грамотное, высокопрофессиональное прочтение мемуарного наследия эпохи и прочих примкнувших к нему документальных и художественных материалов. Главное же, что многие упомянутые в книге пути русского бездорожья самим Николаем Сергеевичем исхожены лично и тщательно, что даёт дополнительный импульс погружению в позапрошлое столетие – даже в сравнении с теми, кому удавалось проникнуть во многие значимые события века с прилежанием книжного червя.

Логично сопоставить творческую манеру нашего современника с крупнейшим польским знатоком российского XIX столетия – неутомимым Яном Кухажевским (1876–1952), опубликовавшим свои изыскания по эпохе от Николая I, одного из главных персонажей и повествования Н. С. Борисова, до Александра III в семи объёмистых томах, увидевших свет в межвоенный период¹⁵. Эрудиция польского автора, заставшего позапрошлый век и лично, и привлёкшего значительные для своего времени массивы источников, включая подзабытых уже в то время историков и литераторов второго и третьего ряда, несомненна. Но внушительному многотомнику реально не хватает именно того, чему посвящена книга нашего современника – ощущения сопричастности к историческому процессу.

¹⁴ *Брежнев Л. И.* Жизнь по заводскому гудку [Электронный ресурс]. URL: supol.narod.ru/archive/books/Breznev/zshizn.htm (Дата обращения: 25.06.2020).

¹⁵ *Kucharzewski J.* Od białego caratu do czerwonego. Warszawa, 1923–1935. Т. 1–7; В русском переводе в пяти книгах увидели свет первые четыре тома: *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма / Пер. Ю. А. Борисёнка, под ред. Г. Ф. Матвеева. М., 2015–2019. Т. 1–4.

Кухажевский подробнейшим образом останавливается на реалиях николаевской эпохи, вынося её в название первого тома своего сочинения и многожды возвращаясь к ней в томах следующих. Ряд основополагающих выводов обоих авторов совпадает, равно как и их склонность прибегать в поисках своих обобщений к утончённому перу А. И. Герцена. Польский исследователь, скажем, с удовольствием бы подписался под меткой характеристикой российского историка о времени Николая Павловича, допускающей и расширительное толкование на многие некроткие правления отечественной истории: «Его долгое царствование (1825–1855) характеризуется отсутствием на правительственном уровне свежих идей и ясных перспектив»¹⁶.

Но такого вовлечённости важного ракурса, сквозь дорожную пыль, в тысячах страниц текста Кухажевского мы не обнаружим: «Среди других парадоксов русской жизни иностранцев поражало присущее России сочетание плохих дорог со всеобщей страстью к быстрой езде. Тон задавал сам император Николай Павлович. Он вообще был самым неутомимым русским путешественником своего времени. Подсчитано, что в период с 1825 по 1850 г. он в среднем проезжал по 5500 вёрст ежегодно. Его стремительные рейды по России приводили в трепет провинциальных чиновников и военных. Царь очень ответственно относился к своим обязанностям и желал лично следить за порядком в империи»¹⁷. За польского автора и впрямь можно порадоваться: сделавшему неплохую адвокатскую карьеру в Варшаве в последние годы существования Российской империи не суждено было познать ни Владимирку как шоссе повстанческих энтузиастов, ни сибирские достопримечательности глазами ссыльных и политкаторжан. Но и вовлечённости в эпоху вживую Кухажевскому при всей его кипучей эрудиции всё же не хватает, не говоря уже о том, что его чувство Родины в исследовании российской истории если и помощник, то уж никак не надёжный.

Профессору Борисову же именно это чувство позволяет постигать события и явления как позапрошлого столетия, так и переменной облачности наших дней объёмно, рельефно и без ретуши. И пусть и в 2020 г., как и за десять лет до того, в момент выхода книги, «картина весьма напоминает николаевскую эпоху». Но ничуть не устарел выстраданный призыв Николая Сергеевича: «Заняв свое место где-то в седьмом десятке мирового рейтинга уровня жизни, Россия должна, наконец, определить свои реальные (а не выдуманные) цели и приоритеты. Главное на сегодняшний день – задача самопознания. Среди многочисленных дорог, на которые зовут нас политические зазывалы, нет той единственной дороги, которая только и может вывести из нынешнего духовного “бездорожья”. Дороги, которая ведет к здравым суждениям и трезвым оценкам; дороги, которая учит истории лучше всех учебников и профессоров; дороги, которая пахнет ветром и дымом...»¹⁸. Одну поправку сделать к этому призыву строго необходимо: профессора всё-таки замечательно учат истории в том случае, если у них развито настоящее чувство Родины.

¹⁶ Борисов Н. С. Повседневная жизнь... С. 7.

¹⁷ Там же. С. 63.

¹⁸ Там же. С. 8–9.

О записках русского путешественника

А. П. ШЕВЫРЁВ¹⁹

About the Notes of a Russian Traveller

Annotation. The article is a reflection of one of the leading Russian historians on the form and content of the book of prof. Nikolay S. Borisov, dedicated to the historical and cultural phenomenon of the Russian road and travelling in Russia.

Key words: Russian road, travel, Nikolay S. Borisov, research, admiration.

Николай Сергеевич Борисов любит писать книги. И любит их дарить. В моей библиотеке наберётся его книг почти на целую книжную полку. Правда, стоят они на разных полках: монографии на одной, биографии – на другой, учебники – на третьей, серия «Повседневная жизнь» – на четвёртой, путеводители – на пятой. Монографии я просматривал, биографии читал, учебники анализировал, с путеводителями путешествовал, а есть книга, которая стоит у меня на полке над письменным столом – это книга о путешественниках и дорогах, и называется она «Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья»²⁰. Эта книга мне дороже всего, потому что она больше всех других объединяет меня с её автором – и по теме, и по времени. Ведь почти половина книги – об эпохе Николая I, о моем XIX веке. И когда я читаю и перечитываю её, я всякий раз с завистью спрашиваю сам себя: почему эту книгу не написал я? Но всякий раз со смирением признаю: я бы так не смог.

А не смог бы в том числе и потому, что Николай Сергеевич – настоящий путешественник. И первооткрыватель. В своё время он открыл почти безграничные возможности использовать БЭСМ – Базу экспедиционных и специальных машин МГУ – для проведения экскурсионных поездок студентов по городам и весям Подмосковья, сопредельных и запредельных областей. И когда я начал работать на историческом факультете, то я уже просто шёл по проторенной дороге организации многодневных автобусных экскурсий на все официальные праздники, которые в те далёкие годы гарантированно простирались от трёх до пяти дней. Коля делился не только опытом работы с БЭСМ и бухгалтерией МГУ, но и водителями автобусов, среди которых были и такие, что за немалую «премию» готовы были ехать куда угодно и сколько угодно, вплоть до преодоления за один день почти 900 км от Москвы до Полтавы.

Открыл в своё время Николай Сергеевич для исторического факультета и Соловки. Это был просто гениальный проект. Соловки в советское время были закрыты для простых смертных – туда можно было попасть только на туристическом теплоходе с программой максимум на два дня. Нечего говорить о том, что это стоило огромных денег, да и достать путёвку на один из двух ходивших на острова теплоходов было весьма нелегко. С конца 60-х гг. на Соловки ездили студенты физического факультета МГУ в стройотряд по реставрации памятников архитектуры, поэтому этот канал поездок для студентов-историков на Соловки был уже закрыт. И вот усилиями тогдашнего заместителя декана по учебной работе Н. И. Цимбаева, который завязал контакты с Соловецким музеем-заповедником, и Н. С. Борисова, который в 1984 г. организовал на острова первую экспедицию, заработал этот интереснейший и очень полезный

¹⁹ Шевырёв Александр Павлович (Alexander P. Shevryev); кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; london7579@yandex.ru.

²⁰ Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М., 2010.

для студентов способ проведения практики. Уже на следующий год Коля уступил мне право проведения Соловецкой экспедиции, и я смог по достоинству оценить этот проект.

Во-первых, он действительно именовался экспедицией, а это значит, что и студенты, и руководители получали не обычные суточные, а полевое довольствие. Во-вторых, студенты работали там экскурсоводами. В течение весеннего семестра им читали лекции по истории Соловков, по прибытии на место музейщики проводили с ними занятия по методике проведения экскурсий, затем они сдавали зачёт и приступали к повседневной работе с экскурсионными группами, прибывающими на теплоходах. Практика длилась целый месяц, и, конечно, это было невероятной удачей – жить так долго в келейном корпусе Соловецкого монастыря, иметь возможность в свободные от экскурсий дни разгуливать по всему острову и даже втайне от администрации музея посещать запретный остров Анзер.

Хотя я ехал только во вторую по счёту экспедицию, отправлялся я туда уже на всё готовенькое. Николай Сергеевич в первый год наладил контакты со всеми музейными сотрудниками и нужными людьми на острове, проработал логистику перемещения на острова и обратно, организовал питание и быт студентов (с максимальной для них выгодой!) и напутствовал меня весьма подробной инструкцией и мудрым и остроумным сводом правил выживания, о которых я не раз вспоминал во многих простых и сложных жизненных ситуациях на Соловках. Несмотря на совсем небольшую разницу в возрасте, Коля долгие годы был для меня старшим наставником во всём, что касалось путешествий и познания истории через пространство. А потом те поездки и практики прекратились, и учёба у Николая Сергеевича для меня закончилась. Поэтому и книга о путешествиях стала для меня книгой учителя, из которой я черпаю то, чему учитель не успел меня научить на уроках.

В книге две части, разделённые по описываемому времени: одна об эпохе Николая I, другая – о нынешних временах, точнее, о первом десятилетии XXI в. Их объединяет то, что обе части о путешествиях и путешественниках, и обе части об эпохе бездорожья. В этом слове для автора кроется и реальное состояние дорог, которое хотя со времен Николая и изменилось безмерно и даже не «лет чрез пятьсот», как прогнозировал в свое время Александр Пушкин, тем не менее «на русских просторах, как и сто, и двести лет назад, царит все то же унылое бездорожье»²¹. Это слово – также и метафора, характеристика духовного состояния общества тогда и сейчас, и в этом отношении Николай Сергеевич критичен к русской жизни и в то же время полон желания найти ответы на «проклятые вопросы», или, если пользоваться его же образом, – найти ту «единственную дорогу, которая только и может вывести из нынешнего духовного “бездорожья”»²².

В первой части книги автор рассказывает о путешествиях в николаевской России. Время выбрано неслучайно. Во-первых, это последняя эпоха перед железнодорожной эрой. Правда, первые рельсовые пути пролегли по России уже в царствование Николая I, но в жизни русского путешественника они изменили только способы перемещения между двумя столицами – настоящая дорожная революция начнётся только в следующее царствование. Во-вторых, Николай I, как никто другой из русских монархов, уделял внимание путям сообщения и в особенности путям сухопутным. Поэтому в известной мере его царствование можно считать эталонным в проявлении государственной заботы о состоянии дорожной сети.

Основа этой части книги – записки реальных путешественников, а также отраженные в книгах русских писателей впечатления и действия литературных героев, путешествующих по России. Автор проделал, казалось бы, простую, хотя и кропотливую работу: проанализировал эти произведения и систематизировал извлечённые из них факты по соответствующим разделам. Получилась очень добротная картина материальной стороны путешествия в России

²¹ Там же. С. 8.

²² Там же. С. 8–9.

XIX в.: способы путешествия, виды экипажей, состояние дорог, ямская служба, путеводители, гостиницы, почтовые станции и тому подобное. Эта картина позволяет работать историческому воображению и живо представлять, с какими трудностями сталкивался всякий человек, перемещавшийся в пространстве Российской империи, и почему эти перемещения редко становились путешествиями, а чаще всего просто дорогой «из Москвы в Мордасы, через Казань». Главы о дорожной инфраструктуре служат также прекрасным объяснением тех явлений, с которыми сталкивается обычный читатель при знакомстве с русской классической литературой XIX столетия. Этот жанр уже хорошо известен в научной и научно-популярной литературе – достаточно вспомнить очерки дворянского быта пушкинского времени в комментариях к «Евгению Онегину» Ю. М. Лотмана²³.

Но Н. С. Борисов идёт дальше и в своем анализе, и в своем повествовании. Он внимательно вслушивается в своих героев и стремится передать их душевные переживания и духовные искания, связанные с дорогой. Сам путешественник, Николай Сергеевич тонко чувствует эти стороны жизни в дороге, благодаря чему ему удалось создать увлекательные и оригинальные главы, такие как «Дорожные разговоры», «Дорожные романы», «Дорожные записки», «Дух дороги». Опыт путешественника слышится и в его постоянных параллелях с днём сегодняшним, в том, как автор примеряет на себя те расстояния, те экипажи, те пейзажи, ту поэзию, ту дорожную скуку, те дорожные рытвины, и в том, как он объясняет те реалии через сопоставления их с дорожным поведением сегодняшнего человека, как, скажем, сравнивая внимание того путешественника к осмотру лошадей с выбором «лошадей» под капотом и ручной или автоматической коробки передач современным автомобилистом²⁴.

Вторая часть книги – это само путешествие. Путешествие автора по его любимой Ростовской дороге. Путешествие, которое он проделал, нет сомнения, несколько десятков раз. И читатель становится спутником Николая Сергеевича в этом путешествии.

Ростовская дорога по современным меркам недолгая. Даже при соблюдении требуемого скоростного режима можно домчаться до Ростова на автомобиле всего за два с половиной часа²⁵. Но автор растягивает удовольствие читателя на две с половиной сотни страниц, и это путешествие, хотя и совершается в наши дни, но своим темпом, познавательностью, задушевностью напоминает нам записки русского путешественника эпохи, описанной в первой части книги.

В этом разделе книги читатель становится и экскурсантом на насыщенном достопримечательностями маршруте, и попутчиком замечательного путешественника. Николай Сергеевич имеет большой опыт как экскурсовод Московского городского бюро путешествий и экскурсий, освоивший «большую часть всех автобусных маршрутов, которые предлагало Бюро»²⁶. Будучи автором многих книг по истории древней России и путеводителей по Ярославщине и Вологодчине, он обладает и огромными академическими знаниями. Всё это превращает его экскурсию в увлекательное и познавательное путешествие по стране, её истории, её героям, её архитектуре и тем многочисленным сокровищам, которые располагаются на Ростовской дороге.

Но ещё увлекательнее превратиться в попутчика и собеседника Николая Сергеевича в этом несложном путешествии. Автор книги – прекрасный рассказчик. Его повествование во многом сродни стилистике русской классической литературы – в нём слышится и гоголевская

²³ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1983. С. 35–110.

²⁴ Борисов Н. С. Повседневная жизнь... С. 29.

²⁵ Замечу попутно, что собственный опыт в качестве пассажира Коли Борисова говорит мне о том, что он спокойный, уверенный, получающий удовольствие от езды водителем и отнюдь не лихач, но Н. С. Борисов всё же считает, что ограничение скорости в населенных пунктах 60 километрами в час ничем не оправдано и «ни один водитель не станет по доброй воле ползти с этой скоростью через бесконечную безлюдную деревню, когда широкий асфальт так и просит надавить на газ» (Борисов Н. С. Повседневная жизнь... С. 363). Впрочем, вполне возможно, что присутствие пассажира сдерживает его порывы, а самому автору «приятно гнать одному по пустому шоссе, отдаваясь соблазну скорости» (Там же. С. 389).

²⁶ Борисов Н. С. Повседневная жизнь... С. 425.

ирония, и бунинская поэзия, и толстовское нравоучение. Но его рассказы – это и приглашение к беседе, к размышлениям о русской истории, о русском характере и русском менталитете, о том, что меняется и что остается неизменным. Николай Сергеевич – опытный собеседник. Он знает, как начать беседу, как поставить хороший вопрос, как предложить свой ответ, как заставить собеседника задуматься над вопросом и ответом и как потом изящно выйти из беседы²⁷. Дорожная беседа, как правило, не бывает слишком глубокой. Сама дорога появлением новых объектов и новых впечатлений вынуждает менять темы разговора, но интерес к беседе не остывает, и читатель ждет новой главки в книге, чтобы узнать, о чём теперь поговорит с ним её автор. Тема меняется, а мысли и чувства по поводу прочитанного остаются, и читателю хочется задать вопросы автору, а то и поспорить с ним. Но путешествие продолжается, и течёт неспешная и приятная беседа, как неспешно и приятно въётся по лесам, полям, холмам, городам и сёлам дорога на Ростов.

Есть в этом путешествии пункты, насыщенные большими смыслами, которые не так легко ухватить с первого взгляда. Таким срединным пунктом на пути в Ростов становится Лавра. Автор выходит вместе с читателем из вагона электрички и тут же предлагает «сменить мерную поступь странника на осторожный шаг охотника, подкрадывающегося к добыче», охотника «за духовной добычей»²⁸. Правда, он честно предупреждает, что в Лавре есть всё: и «привкус официального высокомерия», и нищие – «хроническая болезнь Троицы», и огромное кладбище – «прямой предшественник современного Новодевичьего или Троекуровского кладбища», где «получали место для упокоения за большие заслуги или за большие деньги». Лавра – это и ««Академия Генштаба» Русской православной церкви» – место, где «наука встречается с религией, причем обе стороны не проявляют особой радости от этой встречи», и «торговый центр», над товаром которого «витают дух церковного или псевдорусского ширпотреба»²⁹. Но для него в Лавре главное всё же не это, а «дух преподобного Сергия – дух любви и милосердия», и слова Н. С. Борисова о том, что «всякий, кто ощущает своё духовное родство с Россией, смотрит на Лавру с каким-то особым, сыновним чувством»³⁰, относятся, разумеется, и к нему самому.

И неслучайно, что самый трогательный и чувствительный рассказ в этом путешествии по Ростовской дороге приходится на Радонеж – место, где «витают тень “великого старца” – преподобного Сергия Радонежского»³¹. Это рассказ о Вячеславе Клименкове. «Был он человек незаметный, – повествует о нём автор, – не стяжавший ни славы, ни почестей», но своим небольшим очерком Николай Сергеевич воздал ему и славу, и почести. Меня, знакомого со Славой Клименковым, хотя и недолго – в течение одной соловецкой экспедиции, – этот рассказ потряс своей пронзительной искренностью. Но, я думаю, и стороннего читателя подглавка «Палитра заката» не оставит равнодушным. И место для неё в своем путешествии Николай Сергеевич выбрал глубоко продуманное и прочувственное: не на Пятницком кладбище, где похоронен Вячеслав Клименков, а в Радонеже, в Сергиевских местах, потому что этот человек «жил с такой же верностью себе, с какой жил и святой Сергий»³².

В рассказах опытного путешественника всегда присутствует много полезного, что называется по-разному: правила выживания или, более современно, лайфхаки. Николай Сергеевич – большой знаток выживания в странствиях по родной стране. И есть в этой книге особая глава,

²⁷ Когда мы встречаемся с Колей Борисовым в факультетском коридоре, он всегда начинает разговор с вопроса: «А как ты думаешь, Александр Павлович?», и дальше звучит то, что на академическом языке называется постановкой проблемы. Разговор может оказаться совсем коротким, но, продолжая свой путь по длинному коридору, я начинаю размышлять над тем – порой парадоксальным – вопросом, который был мне задан как бы мимоходом.

²⁸ Борисов Н. С. Повседневная жизнь... С. 349.

²⁹ Там же. С. 352–354.

³⁰ Там же. С. 350–351.

³¹ Там же. С. 331.

³² Там же. С. 333.

которая называется «Постоялец» и которая посвящена выживанию постояльца в советских и российских гостиницах. Эта глава насыщена юмором, иронией и в то же время полезными, хотя и большей частью устаревшими советами³³. Всякий, кто путешествовал в старые и относительно недавние времена, легко узнает все родовые черты советских гостиниц, в немалой части унаследованные их современными преемниками. Чего стоит только «Перечень предметов, входящих в комплектацию одноместного номера» с загадочным Открывателем!³⁴ И всё же в этой гоголевской характеристике гостиничного быта с философским советом «не удивляться и не задавать русофобского вопроса: почему так?» остаётся место и для свойственной прозе Н. С. Борисова поэзии – для воспоминаний о счастье регулярного проживания в дни юности в номере, напоминавшем «поставленный на бок спичечный коробок»³⁵.

И это неслучайно. Потому что, несмотря на иронию, ворчание, язвительность, гнев и возмущение, которые автор не стесняется выплёскивать на страницы своего путешествия, оно наполнено чувством любви и нежности к своей стране, боли за её невзгоды и потаённой надежды на лучшее: «Прожив жизнь в России и прожив её так, как живет огромное большинство её граждан, мы не ждём от этого никаких привилегий, кроме одной, – права судить обо всём, что есть в России, права говорить – “у нас...”»³⁶.

³³ Всё-таки за минувшие с момента выхода книги десять лет гостиничный сервис претерпел значительные изменения.

³⁴ *Борисов Н. С. Повседневная жизнь...* С. 419.

³⁵ Там же. С. 426–427.

³⁶ Там же. С. 350.

«Историк – как музыкант» (встречи с Николаем Сергеевичем Борисовым и с его книгами)

А. Р. КАНТОРОВИЧ³⁷

“A Historian is Like a Musician”

(Meetings with Nikolay S. Borisov and His Books)

Annotation. The article presents the memories of one of the leading modern archaeologists about meetings and communication with Prof. Nikolay S. Borisov, whom the author remembers from the authors' student years.

Key words: Nikolay S. Borisov, historian, historical science, Lomonosov Moscow State University, admiration.

Наше знакомство с Николаем Сергеевичем началось осенью 1980 г., когда я поступил на исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Куратором (или, по тогдашней терминологии, «начальником») нашего курса был назначен молодой преподаватель Н. С. Борисов. Мне не довелось заниматься у него на первом курсе, но я уже тогда слышал от моих однокурсников, оказавшихся в группе, где Николай Сергеевич вёл семинары по истории Отечества периода феодализма, уважительные и добрые отзывы о нём как о преподавателе и учёном. Эти впечатления полностью подтверждались при личном общении с нашим куратором.

А осенью 1981 г., будучи вместе с остальными сокурсниками на 40-дневной «картошке» в Подмоскowie, я увидел ещё одну грань личности Николая Сергеевича, которому (по статусу начальника курса) неизбежно пришлось стать командиром нашего студенческого отряда. Речь идёт о его способности быть прекрасным организатором сложного дела, при том, что действовать ему приходилось в непростых условиях сельского хозяйства Нечерноземья советской эпохи. И хотя помощники у Николая Сергеевича были отменные (комиссар – Лев Сергеевич Белоусов, начальник штаба – Виктор Петрович Головин), и они, как могли, старались облегчить «власти сумрачное бремя», возложенное на командира отряда, всё же основную ответственность за наш разновозрастный и отчасти весьма буйный курс нёс Николай Сергеевич лично. И он достаточно легко и спокойно (на взгляд со стороны) решал сложные и хлопотливые вопросы труда и быта, вмешиваясь при этом в жизнь студентов (людей вполне взрослых или, по крайней мере, считавших себя таковыми) только тогда, когда этого требовала необходимость.

Так продолжалось и далее, на протяжении нашего обучения в Московском университете. При всей той объективной дистанции, которая закономерно разделяет преподавателя и студента, мы знали, что всегда можем рассчитывать на внимание Николая Сергеевича, на его заботу и на его мудрый совет.

Для студентов курируемого им курса Николай Сергеевич организовывал замечательные автобусные экскурсии по историческим местам, и эти поездки в самых разных направлениях (Торжок – Опочка («и путешествия в Опочку, и фортепьяно вечерком») – Пушкинские Горы; Кострома – Галич – Чухлома – Солигалич; Владимир – Арзамас; Новгород-Северский –

³⁷ Канторович Анатолий Робертович (Anatoly R. Kantorovich); доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; kantorovich@mail.ru.

Путивль...) оставили у участников, в числе которых, к счастью, был и я, незабываемое впечатление: и от самих исторических памятников, и от захватывающих и глубоко содержательных рассказов Николая Сергеевича, и от нашего тесного студенческого общения, и, опять же, от той видимой легкости, с которой Николай Сергеевич решал всяческие проблемы, возникавшие в ходе наших путешествий и приключений.

А в 1984 г. Николай Сергеевич инициировал и возглавил первую экскурсионную практику студентов нашего курса в Соловецкий музей-заповедник, что положило начало многолетней славы традиции ежегодных поездок преподавателей и студентов исторического факультета МГУ на Соловки.

В 1985 г., выступая на выпускном собрании нашего курса при вручении дипломов, Николай Сергеевич сказал, что он изначально воспринял свое пятилетнее кураторство как некую новую, дополнительную научную тему. Николай Сергеевич деликатно умолчал при этом, сколько времени, сил и нервов потребовал от него этот «исследовательский процесс»; однако я думаю, что наш дорогой куратор достиг вполне успешного результата (как и на других своих творческих поприщах), поскольку выпуск 1985 г., надеюсь, получился вполне достойным нашей Alma Mater.

Тогда же, на выпускном собрании, Николай Сергеевич, помнится, дал нам такое напутствие: интерес и внимание к человеку – это главное, что мы должны были почувствовать по отношению к себе (и чему мы должны были научиться по отношению к другим) за время своего пребывания на историческом факультете Московского университета.

Затем, во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. я мог наблюдать, как выходили из печати, книга за книгой, созданные Николаем Сергеевичем на широком историческом фоне замечательные жизнеописания крупнейших деятелей российской истории – Сергия Радонежского и других церковных иерархов, а также полководцев. В последующие годы в славной серии «Жизнь замечательных людей» вышли написанные Н. С. Борисовым биографии Ивана Калиты, Ивана III, Дмитрия Донского, Михаила Тверского, также ставшие важными вехами в нашей исторической науке. Меня в этих книгах впечатляет, наряду с огромной фактологической базой и увлекательным изложением, умение Николая Сергеевича проникнуть в психологию средневекового человека, основанное на глубоком знании и понимании, «ощущении» источников. Эта способность проявляется и в блестящих содержательных лекциях Николая Сергеевича, которые были записаны на телевидении в последние десятилетия и которые, к счастью, ныне доступны всем.

Возвращаясь к началу 1990-х гг., вспоминаю, как в 1993 г. меня, в то время школьного учителя истории, чрезвычайно порадовало появление «Ключа к истории Отечества» – пособия для абитуриентов, созданного Николаем Сергеевичем Борисовым в соавторстве с Андреем Анатольевичем Левандовским и Юрием Александровичем Щетиновым. Тогда, в период крайнего дефицита качественных учебников по отечественной истории, написанных на современном уровне, это было не просто очередное пособие для старших школьников, а увлекательная книга (предназначенная для её внимательного чтения разновозрастными читателями), где изложение было ясным и тщательно продуманным, где всё было в меру и всё было по делу, где не скрывались ни победы, ни поражения, ни достижения, ни провалы. Авторы действительно давали читателю «ключ к пониманию закономерностей исторического процесса», как это было заявлено ими в аннотации пособия. И с годами создание учебников и пособий по истории России сделалось неотъемлемой частью творчества Николая Сергеевича.

Когда в 1994 г. я начал работать на кафедре археологии исторического факультета МГУ, у меня вновь появилась счастливая возможность часто общаться с Николаем Сергеевичем – на этот раз как преподавателю с преподавателем. Как это было и в студенческие времена, я неизменно находил его поддержку и помощь. Для меня большая честь, что Николай Сергеевич пришёл на защиту моей докторской диссертации.

В моём представлении абсолютной закономерностью стало то, что Николай Сергеевич Борисов в 2008 г. возглавил свою родную кафедру истории СССР периода феодализма / кафедру истории России до начала XIX века. И отрадно, что при всей своей интенсивной творческой и административной деятельности Николай Сергеевич неизменно находит время для общения с некогда курируемым им курсом 1985 года выпуска, приходит на юбилейные встречи нашего курса, по-прежнему интересуется нами и нашей жизнью. Он делом подтверждает своё напутствие, данное нам, студентам, на том далёком уже выпускном собрании курса.

Слова, вынесенные в заголовок данной заметки, были когда-то давно сказаны Николаем Сергеевичем автору этих строк в частной беседе. Я тогда не решился переспрашивать, но растолковал для себя афоризм Николая Сергеевича следующим образом: *история – музыка, источники – ноты, а историк – музыкант*. А сам глубокоуважаемый Николай Сергеевич Борисов, с этой точки зрения, истинный *виртуоз*: как учёный, как популяризатор фундаментальной науки, как преподаватель и учитель.

Люди русской истории

Святые страстотерпцы и критерии их канонизации

*Е. В. РОМАНЕНКО*³⁸

The Holy Sufferers and the Criteria of Their Canonization

Annotation. The article is devoted to the thousand-year history of the formation of the rank of sufferers in Rus (Russia). The features of the feat of the holy rulers and the criteria for their canonization are considered.

Key words: the sufferers, the martyrs, the great martyrs, Princes Boris and Gleb, the miracle, the Passion, the canonization.

Лик страстотерпцев – святых правителей, пострадавших в ходе династической борьбы и претерпевших «страсти» подобно Христу (тяжёлые моральные страдания, пытки и мученическую кончину), так и не утвердился в византийской системе почитания святых. Зато на Руси он сформировался как особый чин святости. Мученичество первых русских святых – князей Бориса и Глеба было осмыслено в посвящённой им агиографической литературе как особый духовный подвиг. (По мнению ряда исследователей, истоки формирования культа страстотерпцев на Руси следует искать в западнославянской практике канонизаций³⁹.)

События, связанные с прославлением святых Бориса и Глеба описаны, главным образом, в трёх источниках: в «Чтении о житии и о погублении блаженную страстотерпцу Бориса

³⁸ Романенко Елена Владимировна (Elena V. Romanenko); кандидат исторических наук, редактор ЦНЦ «Православная энциклопедия»; elenagom7@yandex.ru.

³⁹ См. об этом: *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003. По мнению Д. М. Буланина, киевские представления о христианском государстве, а также о нравственно-политических добродетелях христианского правителя были ориентированы на западные образцы. «В восточнославянской рукописной традиции известна молитва Троице, в которой упоминаются, рядом со скандинавскими святыми страстотерпцами, западнославянские (Вячеслав, Войцех)» (*Буланин Д. М.* На пути к академической «Истории русской литературы»: (Оригинальные идеи из наследия В. М. Живова) // *Русская литература.* 2019. № 4. С. 22; *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин.* СПб., 2014. С. 419.).

и Глеба», составленном прп. Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря; в анонимном «Сказании, и страсти, и похвале святому мученику Бориса и Глеба» и в «Сказании чудес святому страстотерпцу Христову Романа и Давида», сохранившемся в составе Успенского сборника конца XII – начала XIII в. Время возникновения этих сочинений, их источники и текстологические взаимоотношения до сих пор являются предметом научных дискуссий⁴⁰. Большинство исследователей считают, что «Чтение о житии...» возникло в 80-е гг. XI в.⁴¹, «Сказание, и страсть...», вероятнее всего, – в киевское правление князя Изяслава Ярославича (после 1054 г., но до 1072 г., поскольку в памятнике не упоминается о происшедшем в том году торжественном перенесении мощей Бориса и Глеба)⁴². «Сказание чудес...» было создано, вероятно, не ранее 1115 г., поскольку содержит рассказ о состоявшемся в этом году новом перенесении мощей святых Бориса и Глеба и многочисленные похвалы в адрес Киевского князя Владимира Мономаха (1113–1125)⁴³.

Борис и Глеб, сыновья князя Владимира, Крестителя Руси, были убиты старшим братом Святополком в 1015 г., после смерти своего отца, поскольку являлись возможными претендентами на киевский стол (по мнению А. В. Поппэ, до 1011 г., по инициативе княгини Анны, жены Владимира Святого, состоялась церемония на stolования на киевское княжение Бориса-Романа как прямого наследника Владимира и Глеба-Давида как соправителя, что и стало причиной столь острой реакции Святополка)⁴⁴. В разное время их похоронили около деревянной церкви святого Василия в Вышгороде. Однажды пономарь забыл горящую свечу в храме, и тот загорелся. Но из огня пожара удалось спасти иконы и другие святыни, что было воспринято как чудо. Об этом доложили Киевскому князю Ярославу Мудрому. Посоветовавшись с митрополитом Иоанном I, он повелел поставить на месте сгоревшей церкви некую «клеть» (видимо, часовню) и перенести в нее мощи Бориса и Глеба. После того как часовня была готова, Киевский князь и митрополит отправились в Вышгород в сопровождении «клироса и всего поповства». Накануне обретения мощей в часовне отслужили «всенощное пение». Наутро после совершения молитвенного последования захоронение Бориса и Глеба с благоговением вскрыли и обнаружили, что останки князей, долгое время находившиеся в земле, остались нетленными и источали благоухание: «...копающемъ же и исхожааше благая воня от гробу ею святою. И отъкопавъше изнесоша я отъ земле. И приступивъ митрополитъ Иоанъ съ презвутеры съ страхомъ и любввию отъкры гроба святою. Ти видѣша чудо преславно, телеси святою ни какая же ѣзвы имущи, нъ присно все цѣло и лица бяста свѣтълѣ акы ангела, яко дивити ся и архиепископу зѣло и всѣмъ людѣмъ испльншемъ ся благоухания многа. И вьнесъше въ ту храмину, яже бяше поставлена на мѣстѣ погорѣвшия църкъве, и поставиша я надъ землею на деснѣй стране»⁴⁵. Несмотря на нетленность мощей и благоухание, исходящее от них, решение о признании князей святыми принято не было.

Довольно часто в исторических трудах встречается мнение, что ни в Византии, ни на Руси в XI в. не существовало разработанной процедуры канонизации⁴⁶. Однако это суждение вызывает сомнения, поскольку уже в литературных памятниках XI в. присутствует четкое понимание критериев святости, без которых прославление не могло состояться. Первая русская кано-

⁴⁰ См. об этом: *Назаренко А. В.* Борис и Глеб, святые князья-страстотерпцы // ПЭ. М., 2003. Т. 6. С. 45; *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы... С. 285–286.

⁴¹ *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы... С. 285.

⁴² *Назаренко А. В.* Борис и Глеб... С. 45.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Поппэ А. В.* Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // ТОДРЛ. СПб., 2013. Т. 54. С. 313.

⁴⁵ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 60.

⁴⁶ См. об этом: *Рачин А. М.* О формировании почитания святых Бориса и Глеба и времени их канонизации // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. М.; Вологда, 2017. С. 455. Прим. 1; *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы... С. 227; *Виноградов А. Ю.* Особенности борисоглебских торжеств в свете византийской традиции // Slověne. 2012. № 2. С. 93.

низация – князей Бориса и Глеба – обнаруживает определённую последовательность действий со стороны княжеской и церковной власти в этом вопросе.

Источники сообщают, что через некоторое время после обретения мощей у гробов Бориса и Глеба совершились два чуда: исцелился отрок вышгородского посадника Миронег, имевший сухую и скорченную ногу и ходивший с помощью костыля, а потом прозрел слепой. Посадник сообщил киевскому князю о чудесах. Услышав о них, Ярослав призвал митрополита. Архиерей подал князю совет построить в честь святых красивую церковь. Это сообщение свидетельствует о том, что решение о причислении Бориса и Глеба к лику святых было принято князем и митрополитом. Хотя в анонимном Сказании о Борисе и Глебе говорится, что первоначально митрополит Иоанн не поддерживал идею канонизации князей: «бысть преужаснь и въ усъмнении»⁴⁷. Он сказал: «...лепо ли бы нам, благоверный царю, церковь имя ея възградити и уставити день, вонже праздновати има»⁴⁸. Однако князь отдал распоряжение готовить древесину для строительства храма.

Именно чудеса стали решающим фактором в вопросе прославления князей, а побудительным мотивом послужило некое бедствие в виде пожара, которое было воспринято как действие Божественного провидения (в последующей истории канонизаций русских святых довольно часто обретению мощей предшествовали пожары, подтопления храмов, вынужденные ремонты и иные события не чудесного характера). По приказу Ярослава был построен пятиглавый храм, украшенный фресками «и всею красотою». 24 июля, в день памяти убиения святого Бориса сюда перенесли мощи князей, торжественную процессию возглавили Ярослав Мудрый и митрополит Иоанн. После перенесения мощей храм освятили⁴⁹. «...И шьдъше съ хръсты Иоанъ митрополитъ и князь Ярославъ и все поповъство и людие, и принесоша святая и церковь святиша и уставиша праздникъ праздновати месяца иулиа въ 24 въ нь же день убиень преблаженни Борисъ, въ ть же день и церкви священа и принесена быста святая»⁵⁰. На первой литургии, во время которой возносились молитвы новым святым, на глазах у князя и митрополита произошло третье чудо – исцеление хромого. «И ещё бо имъ всѣмъ сущимъ на святѣи литургии, и человекъ хромъ, не могы ходити, съ трудом же великом прилѣзе к рацѣ святою, моляшеся, припадая, и яко приближишася к ракама, ту абие утвердистася нозѣ его, и воставъ хожаше предъ всеми, слава Бога и святою»⁵¹. Ярослав Мудрый повелел написать икону святых Бориса и Глеба и поместить её в храме, «да входяще вѣрнии людии въ церковь ти видяще ея образъ написанъ, и акы самою зряще, ти тако с вѣрою и любовию покланяющеся има и цѣлующе образъ ея»⁵².

Таким образом, после канонизации князей была освящена во имя новых святых церковь, установлен день их памяти, написана икона. В источниках ничего не говорится о том, что митрополит Иоанн испрашивал у Константинопольского патриарха разрешение на канонизацию

⁴⁷ *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. М., 2007. С. 550 (158). По мнению М. Д. Присёлкова, утвердившемуся в советской историографии, Византия упорно препятствовала формированию культов русских святых, и князь Ярослав с трудом преодолел сопротивление митрополита-грека (*Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XI–XII вв. СПб., 2003. С. 45–46).

⁴⁸ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подг. Д. И. Абрамович. Пг., 1916 (Памятники древнерусской литературы. Вып. 2). С. 18.

⁴⁹ По мнению А. Ю. Виноградова, само освящение храма совершилось посредством мощей Бориса и Глеба; (*Виноградов А. Ю.* Особенности борисоглебских торжеств... С. 84).

⁵⁰ Успенский сборник... С. 61. Прочтение источника не оставляет сомнений в том, что храм был освящён во имя святых князей Бориса и Глеба. Это важнейшее обстоятельство находится в тесной связи с установлением дня памяти святых иписанием их иконописного образа. Однако А. В. Поппэ без каких-либо оснований предположил, что Ярослав Мудрый освятил храм во имя святых патронов погибших, т. е. св. Романа Сладкопевца и св. Давида, царя и пророка; см. об этом: *Поппэ А. В.* Земная гибель... С. 329.

⁵¹ Жития святых мучеников Бориса и Глеба... С. 19.

⁵² Там же. С. 18.

Бориса и Глеба. Возможно, оно не требовалось. Следующим шагом стало составление службы (древняя служба надписана именем митрополита Иоанна)⁵³ и жития, которым стало Несторово «Чтение о житии . . . Бориса и Глеба». В основе памятника, как заключают исследователи, находятся некие записи о чудесах святых, которые велись при Борисоглебской церкви в Вышгороде во времена Ярослава Мудрого⁵⁴.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, какую значительную роль в прославлении святых сыграл правящий киевский князь: он инициировал строительство часовни на месте сгоревшего храма, обретение и перенос мощей. Получив известие о чудесах, Ярослав призвал к себе митрополита, и, в конечном счете, убедил его согласиться на канонизацию святых. Забегая вперед, стоит сказать, что подобная ситуация сохранялась в Русской Церкви и в последующее время, вплоть до масштабных канонизаций эпохи императора Николая II⁵⁵. Князья, цари, императоры всегда играли большую роль в инициировании прославления святых⁵⁶. Подобная практика канонизаций хорошо вписывается в византийскую систему симфонии властей, при которой императоры имели значительное влияние на жизнь Церкви: созывали Вселенские соборы, председательствовали на них, влияли на принятие решений⁵⁷.

Историки высказывают разные мнения о времени строительства первого храма в честь Бориса и Глеба, а соответственно, и канонизации святых: некоторые относят это событие к 1030-м гг., другие – ко второй половине 1040-х гг. или к первой половине 1050-х гг.⁵⁸ Первоначально почитание святых князей сосредоточилось, главным образом, в Вышгороде и Киеве. По мнению М. Ю. Парамоновой, это обстоятельство вряд ли можно интерпретировать как свидетельство местной канонизации святых, сменившейся впоследствии общерусской. «Культы святых, даже очень почтенных и популярных, как правило, концентрировались там, где находились их захоронения или реликвии, а их территориальное расширение не могло быть результатом одноразовой церковно-правовой процедуры. Главным источником распространения культа были члены княжеской семьи. . .»⁵⁹. «Чтение о житии. . .» сообщает, что сын Ярослава Мудрого – Киевский князь Изяслав Ярославич ежегодно посещал Вышгород в день памяти святых князей и «творя-ше и праздникъ велии на память святою». 20 мая 1072 г. состоялось перенесение мощей князей-страстотерпцев в новый одноглавый Борисоглебский собор, построенный Изяславом Ярославичем вместо обветшавшего. Новое перенесение мощей проходило намного торжественнее предыдущего: в нём участвовали сам князь

⁵³ О датировке древней службы Борису и Глебу см.: *Ранчин А. М.* О формировании почитания. . . С. 463. Некоторые историки считают, что автором службы мог быть другой митрополит – Иоанн II (1076–1089). Первым такое предположение высказал И. И. Срезневский (См.: *Срезневский Н. И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). СПб., 1882).

⁵⁴ *Назаренко А. В.* Борис и Глеб, святые князья-страстотерпцы. . . С. 49–50.

⁵⁵ «В годы правления Николая II состоялось семь общероссийских канонизаций, кроме того, были восстановлены некоторые старинные русские культы, в частности, в 1909 г., – почитание Анны Кашинской» (*Семеновко-Басин И. П.* Культ императора Николая II в традициях русского православия // *Религиоведение. Благовещенск*, 2009. № 3. С. 28).

⁵⁶ Важную роль в подготовке знаменитых Макариевских Соборов 1547 и 1549 гг., на которых было канонизировано около 39 святых, сыграл царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Житие Московского митрополита Ионы даже называет царя инициатором созыва Соборов: царь «возжел от всея душа. . . иже в Русской земли царския ему державы премирное богатство взыскати и собрати, иже от многих времен и доныне сокровенно и забвению предано, великия светилники, новейшиа чудотворцы, овех своима царскыма очима видево, о овех иже от многих известных самовидец слышав». Исследователи уже отметили тот факт, что список святых, прославленных на Соборе 1547 г., практически идеально совпадает с маршрутом царских богомолий и походов. «Очевидно, паломничество царя выявило тот факт, что богослужение почитаемым русским святым не было представлено «соборным пением» прежде всего в самой Москве. Исправлению противоречия между всероссийской значимостью этих святых и отсутствием общецерковного богослужения и были посвящены соборные мероприятия митрополита Макария. . .» (*Мусин А. Е.* Соборы св. митрополита Макария 1547–1549 гг.: Факт истории или факт историографии // *Сообщения Ростовского музея. Ростов*, 2003. Вып. 13. С. 74). Совместная деятельность святителя Макария и царя Иоанна IV по прославлению русских святых явилась проявлением той симфонии государственной и церковной власти, о которой мечтали лучшие умы Грозненской эпохи.

⁵⁷ См. об этом: *Рансимен С.* Византийская теократия // *Восточная схизма. Византийская теократия*. М., 1998. С. 141–217.

⁵⁸ *Ранчин А. М.* О формировании почитания святых Бориса и Глеба и времени их канонизации. С. 461.

⁵⁹ *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы. . . С. 251.

Изяслав, его братья – князья Святослав и Всеволод Ярославичи с сыновьями, митрополит Георгий со своим клиром, настоятели киевских монастырей, среди которых был и преподобный Феодосий Печерский. Особенно важно отметить присутствие архиереев южнорусских епархий: Неофита Черниговского, Петра Переяславского, Никиты Белгородского, Михаила Юрьевского⁶⁰. Некоторые историки считают перенесение мощей Бориса и Глеба в 1072 г. их действительной канонизацией. Выдающаяся исследовательница русских месяцесловов О. В. Лосева считала, что «память Бориса и Глеба была внесена в календари только после официальной канонизации, которой являлось подтверждение митрополитом-греком Георгием в 1072 г. святости князей-страстотерпцев»⁶¹. Однако правильнее, на наш взгляд, здесь вести речь не об официальной канонизации святых (она уже состоялась при Ярославе Мудром), но об установлении нового дня их памяти. Именно в таком контексте об этом событии сообщает «Сказание чудесь...»: «И отголь утвердися таковой праздньникъ мѣсяца мая въ 20, въ славу и честь святыма мученикома»⁶². Перенесение мощей при участии епископов разных епархий, клириков, паломников, безусловно, способствовало распространению почитания князей. В третьей четверти XI в. оно достигло Новгорода: имена князей упомянуты в списке святых на новгородской берестяной грамоте № 906, которая стратиграфически относится к этому времени: «Х[рист]а: Б[огороди]це: Петра и П[ав]ла Козма Дъмьяна: о[т]ча Василья: и Бориса и Глѣба: и свѣхъ с[вя]т[ы]хъ»⁶³. В конце XI в. почитание Бориса и Глеба фиксируется в Чехии: в Сазавском монастыре как драгоценные реликвии хранились частицы их мощей⁶⁴. Во имя святого Глеба и его брата был освящен алтарь обители, о чем сообщает монастырская хроника 1095 г.⁶⁵ В конце XI – начале XII в. память Бориса и Глеба была одновременно внесена в богослужебные календари разных типов: в Минею служебную (РГАДА. Син. тип. № 121. Л. 28 об.–31), в Кондакаръ при Студийском уставе (Государственная Третьяковская галерея. К–5349) и в месяцеслов Мстиславова Евангелия⁶⁶. Однако, следует отметить, что включение имён святых в святцы могло значительно отставать от времени их канонизации. Так, в южнорусских месяцесловах память Бориса и Глеба появилась не ранее первой трети XIII в.⁶⁷ Наиболее надёжным признаком состоявшейся канонизации является освящение храма в честь святых, что все источники относят к эпохе Ярослава Мудрого. Как справедливо полагает М. Ю. Парамонова, для «...авторов обоих житий, писавших буквально по следам событий 1072 г., было странным утверждение об установлении праздника святым при Ярославе в том случае, если реально это произошло в ходе более поздней церемонии»⁶⁸.

2 мая 1115 г. состоялось новое перенесение мощей святых Бориса и Глеба в каменный храм, строительство которого завершилось при князе Владимире Мономахе. Эта церемония была похожа на событие 1072 г.: в ней участвовали митрополит, епископы южнорусских

⁶⁰ На церемонии отсутствовали епископы Полоцка и Новгорода, см.: *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы... С. 243. Прим. 78; *Поппэ А.* О зарождении культа святых Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia Medievals*. 1995. Т. VIII. № 1. С. 46. Прим. 37.

⁶¹ *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 93. Такого же мнения придерживаются многие исследователи: *Мюллер Л. О.* О времени канонизации святых Бориса и Глеба // *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 71–87; *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы... С. 226–227; *Милотенко Н. И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб / Ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2006. С. 45, 48–52; *Поппэ А. В.* Земная гибель... С. 328.

⁶² Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им... С. 56.

⁶³ *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. // *Вопросы языкознания*. М., 2000. № 2. С. 6.

⁶⁴ *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Прага, 1935. Т. 1. С. 107.

⁶⁵ *Ревелли Д.* Христианские воззрения в «Чтении» Нестора // *ТОДРЛ*. СПб., 2003. Т. 54. С. 74.

⁶⁶ См.: *Лосева О. В.* Русские месяцесловы... С. 92.

⁶⁷ *Турилов А. А.* Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. / *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 1999. Т. 23. № 1. С. 18. Прим. 10; *Лосева О. В.* Русские месяцесловы... С. 93.

⁶⁸ *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы... С. 226.

епархий – Черниговской, Переяславской, Полоцкой, Юрьевской, игумены крупнейших монастырей. Новое перенесение мощей и строительство каменного храма в честь Бориса и Глеба способствовало росту их почитания. В месяцесловах память первого перенесения 20 мая впоследствии слилась с памятью 2 мая, которая получила наибольшее распространение⁶⁹. В XII в. во имя святых Бориса и Глеба было освящено множество храмов по всей Руси: существующий ныне Борисоглебский собор в Чернигове (построен до 1123), в Рязани (1120–30-е гг.), в Полоцке (середина XII в.), в Кидекше под Суздалем (1152), в Новгороде (1167) и в других городах. Почитание русских мучеников достигло столицы Византийской империи. Об этом факте свидетельствует существование храма в честь святых Бориса и Глеба в предместье Константинополя. Борисоглебская церковь располагалась близ храма в честь иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный источник», куда совершали паломничества византийские императоры⁷⁰. Она датируется 1120–1122 гг. Церковь упоминает русский паломник Антоний Новгородец, посетивший Константинополь около 1200 г.: «...а во Испигаѣ градѣ есть церковь святыихъ мученикъ Бориса и Глѣба: въ томъ градѣ явишася святии, и исцѣления многа бывають отъ нихъ»⁷¹. Русский паломник свидетельствует также о чудесном явлении святых и исцелениях по молитвам им. Вероятно, именно эти события послужили причиной строительства храма во имя русских мучеников в столице Византийской империи. Признание Константинопольским патриархом князей-страстотерпцев святыми – факт исключительный, поскольку Византия, по общему мнению исследователей, почти не знала причисленных к лику святых правителей, хотя многие императоры были вероломно убиты своими соперниками⁷². С. А. Иванов считает, что это признание было вызвано нарастающим почитанием в самой Византии императора Никифора II Фоки, убитого в 969 г. своим родственником и другом Иоанном Цимисхием⁷³. «Этот правитель, как и братья-Рюриковичи, был убит не за веру, а “за политику”, и не иноверцами, но христианами»⁷⁴. Слово «страстотерпцы» по отношению к Борису и Глебу было использовано на Руси как перевод термина ἁθλοφόρος⁷⁵, употребленного в византийской агиографической литературе для характеристики мученичества Никифора Фоки. Однако канонизация убиенного императора, несмотря на активные попытки, предпринимавшиеся его родственниками, не состоялась, и в XI в., по наблюдениям С. А. Иванова, термин ἁθλοφόρος перестал встречаться в агиографической литературе. Однако на Руси он утвердился и был употреблен во всех произведениях, посвященных святым Борису и Глебу.

Борисоглебский цикл находится у истоков формирования особой топики святости, относящейся к страстотерпцам. Убийства в борьбе за власть были обычным явлением для княжеских междоусобиц: сам князь Владимир, Креститель Руси, сел в Киеве в 978 г., убив своего брата Ярополка. В ходе династического кризиса 1015 г., кроме Бориса и Глеба, был убит ещё один сын Владимира – Святослав, княживший в Древлянской земле (по мнению А. В. Поппэ, летописное сообщение о гибели Святослава, появившееся в летописном тексте не ранее

⁶⁹ Лосева О. В. Русские месяцесловы... С. 165.

⁷⁰ См. об этом: Иванов С. А. О византийском контексте борисоглебского культа // Борисоглебский сборник / Ред. К. Цукерман. Париж, 2009. Вып. 1. С. 356. О дате возведения храма см.: Турилов А. А. Два византийско-русских историко-архитектурных сюжета // Sofia. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. М., 2006. С. 458–460.

⁷¹ Книга Паломник: Сказание мест Святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 году / Ред. Хр. М. Лопарев // Православный Палестинский сборник. СПб., 1899. Т. XVII. Вып. 3. С. 33; упоминания храма: Там же. С. 64, 90.

⁷² Ранчин А. М. О формировании почитания святых... С. 476; Дагрон Ж. Священник и царь: этюд о византийском «цезаропапизме» / Пер. и ред. А. Е. Мусин. СПб., 2010. С. 194–204.

⁷³ Иванов С. А. О византийском контексте борисоглебского культа. С. 356–357.

⁷⁴ Там же. С. 356, ср.: 360.

⁷⁵ ἁθλοφόρος – получающий (получивший) награду на состязании, вышедший победителем (Древнегреческо-русский словарь / Ред. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 1. С. 44); при этом слово ἁθλος может иметь три значения: 1) борьба, состязание; 2) труд, задание, дело; 3) мучение, страдание (Там же).

исхода XI в., следует считать недостоверным)⁷⁶. Феномен святости Бориса и Глеба преподобный Нестор объяснял тем, что князья отказались от сопротивления и продемонстрировали христианское отношение к власти. Их смирение и следование Христу в непротивлении мучителям было воспринято как христианский подвиг. «Видите ли, братие, коль высоко покорение, еже стяжаста святая к старейшу брату (имеется в виду Святополк. – *Е. Р.*). Си аще бо быста супротивилася ему, едва быста такому дару чудесному сподоблена от Бога. Мнози бо суть ныне детескы князи, не покоряющесе старейшим и супротивящесе им, и убиваемы суть: ти не суть такои благодати сподоблени, яко же святая сия (т. е. Борис и Глеб. – *Е. Р.*)»⁷⁷. (По мнению исследователей, мотив покорности своей участи Бориса и Глеба возникает в Сказании о них под влиянием культа св. Вячеслава Чешского: агиограф от имени Бориса в сцене моления князя накануне убиения вспоминает «среди других мучеников, принявших смерть от руки родственников (Никита и Варвара), о князе Вячеславе Чешском».)⁷⁸

В агиографических произведениях, посвященных Борису и Глебу, много внимания уделено описанию душевных переживаний князей накануне своей гибели. Они предчувствуют свою смерть, у них есть возможность изменить свою судьбу, например, бежать, но они покорно ждут исполнения предназначенного им. Состояние Бориса накануне убиения уподоблено в тексте жития страданиям Христа в Гефсимании. «Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно: побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, то минует Меня чаша сия, впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26: 38–39). Накануне гибели Борис совершает вечерню в своем шатре, ночью он видит тяжелый сон, его мучают дурные предчувствия: «И бяше сънь его въ мьнозѣ мысли и въ печали, крѣпыцѣ и тяжыцѣ и страшне, како предатися, како пострадати и течение съпопытати и вѣру съблюсти, яко да и щадимый вѣныцѣ прииметь от руки Вьседержителевы»⁷⁹. Внутри князя совершается непрерывная молитва о том, чтобы с честью перенести предназначенные ему страдания. Совершив заутреню, Борис ложится якобы отдохнуть на свою постель. Но на самом деле его поведение выглядит как полный отказ от сопротивления убийцам, которые вскоре его здесь и настигают.

В подвиге страсотерпцев важное духовное значение имеет переживание страдания, вызванного предательством близких людей. Подобно тому, как Христос был предан своим учеником Иудой, так и князей Бориса и Глеба обрек на гибель их брат Святополк, старейшинство («отцовство») которого они признали. Обращаясь к Святополку, севшему на киевском столе после смерти отца, Борис произносит слова: «Ты ми буди отець, ты ми брат и старей»⁸⁰.

Владими́ро-Суздальский князь Андрей Боголюбский († 1174) также пал жертвой заговора, главную роль в котором сыграли приближенные к нему «милостьники или “паробки”», т. е. те, кто кормились и богатели за счёт милостей князя⁸¹. Он был убит с особой жестокостью и коварством. Летописный рассказ «О убьении Андрееве» построен на аналогии с описанием кончины святых Бориса и Глеба: в тексте говорится, что Андрей «кровью мученичскою умывся прегрешений своих со братома своима с Романом и с Давыдом (т. е. с Борисом и Глебом. – *Авт.*)»⁸². Меч святого Бориса, привезённый Андреем из Вышгорода, стал символом духовного родства и общности судьбы двух князей. Хотя реальные обстоятельства гибели

⁷⁶ *Поптэ А. В.* Земная гибель... С. 305. Прим. 3.

⁷⁷ Жития святых мучеников Бориса и Глеба... С. 25.

⁷⁸ *Булашин Д. М.* На пути к академической «Истории русской литературы»... С. 22.

⁷⁹ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им... С. 33.

⁸⁰ По мнению А. В. Поптэ, этих слов не следует приписывать изобретательности агиографа, «они взяты из княжьего обихода»; см.: *Поптэ А. В.* Земная гибель... С. 317.

⁸¹ Древнейшее известие об этом событии содержит Новгородская 1-я летопись под 6682 г., см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Изд. А. Н. Насонов. М.; Л., 1950. С. 34, 223.

⁸² ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 371.

Андрея, описанные с большой точностью очевидцем события или со слов очевидца, отличались от обстоятельств кончины святых Бориса и Глеба, автор несомненно искал сходные черты. Так, он утверждает, что Андрей знал накануне о замыслах врагов: «убийство слышавъ напередъ до себе»⁸³. Но при этом князь ничего не предпринял для своего спасения. Однако по ходу дальнейшего рассказа становится ясно, что убийцы застали князя врасплох. Он ищет в спальне свой меч, но не находит, поскольку накануне ключник Анбал выкрал его из княжеской спальни. Князь отчаянно сопротивляется, автор Повести отмечает, что Андрей обладал большой физической силой. По мнению замечательного исследователя княжеских житий Н. И. Серебрянского, «параллель Андрея со святыми Борисом и Глебом вызвана не столько действительным сходством отдельных событий в жизни этих святых, сколько желанием дать одинаковое агиографическое освещение не совсем сходных событий...»⁸⁴. Важной характеристикой святости страстотерпца является его личное христианское благочестие. Автор рассказа воспеваает храмоздательскую и монастырскую деятельность князя, его щедрую благотворительность, любовь к молитве. По мнению агиографа, Андрей за свою благочестивую жизнь всё равно был бы прославлен после кончины в лике святых, но Господь даровал ему высочайшую честь стать мучеником и сподобиться тех же венцов, которых удостоились его святые предки Борис и Глеб. В конце своего повествования автор обращается к князю с молитвой: «Ты же, страстотерпче, молися ко всемогущему Богу о племени своемъ и о сродницѣхъ и о землѣ Русьскои»⁸⁵. Это обращение говорит о том, что Повесть об убиении Андрея Боголюбского создавалась для его канонизации. Однако она не состоялась. Вероятной причиной могло послужить отсутствие чудес. Повесть ничего не сообщает о чудесах, происходивших по молитвам князю или около места его погребения, в то время как все житийные памятники о Борисе и Глебе свидетельствуют о чудесах, совершившихся по молитвам этих святых. Другая причина несостоявшейся канонизации могла заключаться в отсутствии на то политической воли. Авторитарное правление Андрея Боголюбского стало причиной сильного недовольства у населения Владимиро-Суздальской земли. Пришедший ему на смену в 1178 г., после завершения междоусобной войны, Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, возможно, считал, что для канонизации брата нет достаточных оснований. По мнению исследователей, убийство Андрея Боголюбского было расценено правящим князем, прежде всего, как государственное преступление: на стене Преображенского собора в Переславле-Залесском, где в 1175–1176 г., ещё до окончания междоусобицы, находился Всеволод, было сделано граффити об убиении Андрея Боголюбского⁸⁶. Убийц князя подвергли церковному проклятию: позднее их имена высекли на той же стене Преображенского храма в параллельном столбце⁸⁷. Андрей Боголюбский был прославлен в лике святых только в XVIII в. 15 октября 1702 г. во время ремонта владимирского Успенского собора обрели его мощи и положили в раке на северной стороне храма. В 1768 г. при новом освящении Успенского собора, северный придел которого до того был посвящен Благовещению Пресвятой Богородицы, переосвятили во имя Андрея Боголюбского⁸⁸.

В эпоху татаро-монгольского нашествия 1237–1240 гг. на Руси появляются «условия» для классического мученичества: русские князья погибают от рук иноверцев, которые пытками пытаются сломить их волю и вынудить отречься от христианской веры. В летописной повести

⁸³ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 584.

⁸⁴ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. М., 1915. С. 57.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 585.

⁸⁶ *Гитиус А. А., Михеев С. М.* Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из СпасоПреображенского собора в Переславле-Залесском // ДРВМ. 2017. № 3 (69). С. 32.

⁸⁷ *Стефанович П. С.* Об убийцах Андрея Боголюбского в свете новых данных // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Комплексный подход в изучении Древней Руси (Материалы X международной научной конференции 9–13 сентября 2019 г. Москва, Россия). М., 2019. С. 190.

⁸⁸ *Назаренко А. В.* Андрей Юрьевич Боголюбский // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 397.

о нашествии Батые владимирские князья, погибшие в 1238 г. на р. Сити, именуются мучениками за Христа: про ростовского князя Василька Константиновича в тексте сказано, что он «кровью мученичьею омылся прегрешении своих с братом и отцем Георгием, с великим князем»⁸⁹. Однако канонизация владимирских князей состоялась многие столетия спустя после их подвига. Первым из русских князей был прославлен князь Михаил Всеволодович Черниговский, который явил пример добровольного мученичества в ставке Батые 20 сентября 1246 г. Это событие произвело неизгладимое впечатление на современников и потомков, отразилось во всех русских летописях и послужило сюжетом литературного сказания, распространившегося в огромном количестве списков. Житие Михаила Черниговского представляет собой классическое житие мученика. А вот в подвиге другого русского князя – Михаила Ярославича Тверского, крещённого в честь Михаила Черниговского, агиограф увидел черты и мученика, и страстотерпца. Тверской князь стал жертвой соперничества с Юрием Даниловичем Московским за титул великого князя Владимирского, случайная смерть в тверском плену сестры хана Узбека Кончаки приблизила развязку⁹⁰. 6 августа 1318 г. Михаил Ярославич получил вызов к хану. Его старшие сыновья Дмитрий и Александр предложили поехать к Узбеку вместо него. Но князь ответил, что в Орде хотят именно его «головы». 6 сентября он прибыл в Орду, через полтора месяца состоялся суд. В житии Михаила Ярославича говорится, что ханский эмир Кавгадый привез в Орду верных Юрию Даниловичу князей и новгородских бояр, готовых свидетельствовать против тверского князя, а также, по повелению московского князя, подготовил грамоты с ложными обвинениями⁹¹. Михаил Ярославич отверг все выдвинутые против него обвинения, но его осудили на смерть, так как его участь была уже решена. Князя заковали в тяжелую деревянную колоду: «И терпел блаженный князь Михаил несказанную ту муку 26 дней...»⁹² В присутствии своих дружинников он старался не показывать своей скорби. Когда хан пошёл на охоту, у пленника появилась возможность спастись. Слуги говорили ему: «Вот, господине, проводники и кони готовы, убеги в горы – спасёшь жизнь»⁹³. Князь, понимая, что оставшиеся в ставке Узбека дружинники будут казнены, ответил, что не оставит их в такой беде, и добавил: «Да будет воля Господня». Подробности его мученической кончины описаны духовником князя – игуменом Александром, сопровождавшим его в Орду. Рано утром в среду, 22 ноября 1318 г., Михаил Ярославич, предчувствуя свою кончину, повелел служить заутреню, канон и часы. С плачем он выслушал правило ко святому причащению. После исповеди князь попросил дать ему для утешения Псалтирь, сказав: «...“велми бо ми есть прискорбна душа моя”. Чаяше бо сий в сердца – при дверех пришел есть святыи зватый по блаженную его душу»⁹⁴. Князь был казнен в семь часов дня. Убийцы сначала сильно ударили закованного в колоду Михаила Ярославича об стену, так что та проломилась. А затем некий Романец «вытащил нож и ударил святого в грудь, справа, и, вращая нож туда и сюда, вырезал честное и непорочное сердце его»⁹⁵. Свой рассказ об убиении Михаила Ярославича автор завершил словами о том, что тверской князь «приобщился к лику святых вместе со сродниками своими с Борисом и Глебом и тезоименитым своим Михаилом Черниговским»⁹⁶. Князь был жестоко убит иноверцами и потому удостоился мученического венца подобно Михаилу Черниговскому. Однако у него не требовали отречения от веры, как у черниговского князя: Михаил Ярославич был предан на смерть по доносу и ложным обвинениям своих же соотечественников. Жизнь неод-

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467.

⁹⁰ См. подробно о событиях династической борьбы: *Коняевская Е. Л.* Михаил Ярославич // ПЭ. М., 2017. Т. 46. С. 31–36.

⁹¹ Житие Михаила Ярославича Тверского // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 76–77.

⁹² Там же. С. 85.

⁹³ Там же. С. 87.

⁹⁴ Там же. С. 84.

⁹⁵ Там же. С. 87.

⁹⁶ Там же.

нократно ставила его перед тяжелым и мучительным выбором. Понимая, что в Орде его ждет страшная смерть, Михаил мог отказаться от поездки и спасти свою жизнь, но тогда он бы обрек на разорение Тверское княжество. Зная приговор суда, Михаил Ярославич получил возможность бежать. Но ради спасения ближних ничего не предпринял для своего освобождения. В сокращённой повести, представленной в Рогожском летописце, говорится о том, что Михаил был убит не ради веры, как другие мученики, но ради главной заповеди Евангелия, «положив душу свою за други своя»: «Ревность же имыи въ сердци божественую, часто въспоминаше подвигы и тръпѣνια святыхъ мученикъ иже пострадаша вѣры ради Христовы, желаа самъ тоя чаша испити, тѣмъ и сподоби его Богъ одинаго за многыи родъ христианьскыи приати блаженую страсть, аще же и не вѣры ради убиень бысть блаженны, яко же святии мученици, но по заповѣди же Спасовѣ иже въ Еуангелии рече болша сея заповѣди любве нѣсть, иже кто положитъ душу свою за други своя»⁹⁷. Идея жертвы стала лейтмотивом летописных рассказов о гибели Михаила Тверского. Обстоятельства мученической кончины тверского князя, а главное, мотивация его поступков оказались близки подвигу страстотерпцев, поэтому в тексте Повести использованы сюжетные мотивы и образы из Сказания о святых Борисе и Глебе⁹⁸. Особенно ярко это проявилось в описании молитвенного состояния Михаила Тверского в день кончины. Пространная редакция жития Михаила Тверского отразилась, в свою очередь, на тексте службы, посвящённой мученику⁹⁹. Как отметила Н. С. Серёгина, стихирь Михаилу Ярославичу составлены по образцу стихирь святым Борису и Глебу: «...киевские князья погибли также «яко агнцы», став жертвой в династической борьбе. Взяв песнопения им за образец, тверской гимнограф обозначил святость жертвенности Михаила»¹⁰⁰.

В агиографических и гимнографических памятниках, посвящённым сыновьям угличского и звенигородского князя Андрея Васильевича Большого – Ивану Андреевичу († 1522 или 1523, или 1525) и Димитрию Андреевичу († не позднее 31 августа 1544), для характеристики их подвига также применён термин «страстотерпцы», хотя княжичи избежали мученической кончины¹⁰¹. Ивана и Димитрия арестовали после того, как их отец Андрей Большой 5 сентября 1491 г. был схвачен в Москве по приказу своего брата великого князя Иоанна III и посажен в тюрьму. Княжичей отправили в пожизненное заключение сначала в Переславль, затем в Белоозеро и в Вологду. Пришедший к власти в октябре 1505 г. сын Иоанна III – Василий III ничего не сделал, чтобы облегчить участь своих двоюродных братьев или освободить их. Иван Андреевич провёл в заключении более 30 лет и перед смертью был пострижен в схиму с именем Игнатий в Спасо-Прилуцком монастыре. Младший Димитрий Андреевич сидел в тюрьме около 50 лет и был освобождён незадолго до своей кончины. О его последних днях и преставлении сообщает, в частности, Постниковский летописец: «Лета 7052-го преставися князь Дмитрей Андреевич углицкой, внук великого князя Василья Васильевича, в Переславле штидесяти лет, а сиде в железех в тыну 54 лета. И привезоша его на Вологду и погребоша у Спаса на Прилуке, идеже положен брат его князь Иван Андреевич, во мнишеском чину Игнатей, его же Бог прослави угодника своего чудесы»¹⁰². Несмотря на то, что принявший монашеский постриг Иван был канонизирован в лике преподобных, его именовали и страстотерпцем ввиду особенностей трагической жизненной судьбы. В службе преподобному Игнатию Прилуцкому, составленной в XVI в., святой прославляется как страстотерпец: «Радуйся, страстотерпче Христов, темничнымъ озлоблениемъ непобѣдимый, но присно побѣдивый диявола

⁹⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 41.

⁹⁸ См. подробный текстологический анализ в кн.: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 134–135.

⁹⁹ *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 167.

¹⁰⁰ *Серёгина Н. С.* Песнопения русским святым. СПб., 1994. С. 191.

¹⁰¹ См. о жизни мучеников: *Булъчѣв А. А., Романова А. А.* Игнатий, прп., Прилуцкий // ПЭ. М., 2009. Т. 21. С. 96–100.

¹⁰² ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 180.

своимъ крѣпкимъ терпѣниемъ¹⁰³. В XVIII в. в старообрядческой среде Углича было составлено житие князя Андрея Угличского и его сыновей, в заглавии памятника княжичи названы «новыми страстотерпцами»: «Житие святого и благоверного князя Андрея Васильевича Углецкаго и чад его благоверных князей Иоанна и Дмитрия, новых страстотерпцев»¹⁰⁴.

Обстоятельства трагической кончины малолетнего сына царя Иоанна Грозного Дмитрия Иоанновича, погибшего в Угличе 15 мая 1591 г., определили его последующую канонизацию в лике страстотерпцев. 19 мая в Углич для расследования прибыла специальная комиссия под руководством боярина Василия Иоанновича Шуйского. 2 июня выводы комиссии были доложены на совместном заседании Боярской Думы и Освященного собора под председательством патриарха Иова¹⁰⁵. В соответствии с результатами следствия Боярская Дума и Освященный собор пришли к заключению, что смерть царевича стала результатом несчастного случая. Однако когда рассматривался вопрос о канонизации царевича, было фактически признано его убийство. Официальное сообщение о прославлении святого содержит грамота царя Василия Шуйского от 6 июня 1606 г. Празднование царевичу было установлено «трижды в год: первое празнество – рождение, второе – убийство, третье – принесение мощем к Москве»¹⁰⁶. Концом 1606 г. датируется написание первого жития Дмитрия Иоанновича («Месяца тогоже в 15 день убийство святого и благоверного и христолюбиваго царевича князя Дмитрия Ивановича углецкаго и всея России чудотворца»), вошедшего впоследствии в состав Четых-Миней Германа (Тулупова)¹⁰⁷. Автор жития рассказывает о том, какие гонения и скорби перенес царевич, находясь в Угличе, где жил изгнанником: «брат» Борис Годунов неоднократно пытался его отравить, но яд не причинил святому отроку никакого вреда. Наконец, наемные убийцы (житие называет их имена) перерезали ему горло: «...и яко агньца незлобива смерти предаша беззаконии»¹⁰⁸. В житии царевич называется «страдальцем» и «добропобедным мучеником». В Четых-Минях Германа (Тулупова), как и во многих других списках памятника, после жития следует Похвальное слово святому («Слово похвальное благовѣрному царевичу князю Дмитрию новому мученику»)¹⁰⁹. Оно завершается акафистными хайретизмами, в которых мученичество царевича уподобляется подвигу его родственников – святых Бориса и Глеба: «Радуйся, твердое основание граду своему! Радуйся, сродникомъ своимъ Борису и Глѣбу собесѣднице!» Царевич Дмитрий здесь назван «страстоносцем» («...и страстоносцу возопиемъ и прилежно того умолимъ»¹¹⁰) и российским чудотворцем: «Пречюдень бо сый и на земли яко солнце сияя изрядными чудесы...»¹¹¹.

Последующее осмысление судьбы убиенного царевича сопровождалось усилением степени его святости. Новая редакция жития была создана князем С. И. Шаховским в конце 20-х гг. XVII в.¹¹² В этом сочинении царевич Дмитрий именуется великомучеником («Повесть извѣстно сказуемая на память великомученика благовѣрнаго царевича Дмитрия о убьении его и о преславномъ обрѣтении телеси...»¹¹³). Шаховской, как и автор Повести о убийстве свя-

¹⁰³ РГБ. 173/1 (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 628. Трефолой русским святым. Л. 166 об., 30-е гг. XVII в.

¹⁰⁴ Единственный список: ГИМ. Увар. № 818. Л. 142–167 об., 80-е гг. XVIII в. Об истории создания жития см.: Романова А. А. Житие Игнатия (Иоанна) Вологодского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского: Тексты и словоуказатель / Ред. А. С. Герд. СПб., 2008. С. 8. Прим. 1.

¹⁰⁵ См. об этих событиях: Флоря Б. Н., Турилов А. А. Дмитрий Иоаннович, св. царевич // ПЭ. М., 2007. Т. 15. С. 133–136.

¹⁰⁶ Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14: Первая половина. С. 71.

¹⁰⁷ Солодкин Я. Г. Житие Дмитрия Угличского // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 338.

¹⁰⁸ РГБ. 304. I (Троиц.). № 676. Л. 473, 1630 г.

¹⁰⁹ Там же. Л. 475–482 об.

¹¹⁰ Там же. Л. 481.

¹¹¹ Там же. Л. 482.

¹¹² См. о С. И. Шаховском: Буланин Д. М. Шаховской Семен Иванович // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 273–286; о написании жития царевича Дмитрия Иоанновича: Там же. С. 277.

¹¹³ РГБ. Ф. 173/III (Собрание по временному каталогу библиотеки МДА). № 213. Л. 264–285 об.

того Михаила Ярославича Тверского, начинается житие с рассказа о ликах святости: сначала писатель говорит о святых отшельниках, спасавшихся в пустыне, затем о монахах-преподобных, подвизавшихся в общежительных монастырях. Третий чин, представленный в его рассказе, – мученики. Именно к этому лику относится царевич Димитрий. Но угличский святой, по мнению писателя, не простой мученик. Для того, чтобы читатель это понял, автор жития акцентирует внимание на том, что царевич был убит своим сродником – Борисом Годуновым. Для нравственной характеристики этого убийства он даже использует библейскую параллель Авель-Каин¹¹⁴. Понятно, что Борис Годунов не являлся кровным родственником и тем более братом царевича. Но он был членом царской семьи, а, следовательно, родственником. Этот аргумент необходим Шаховскому, чтобы показать, почему царевич принадлежит к лику страстотерпцев. Агиограф доказывает, что Димитрий пострадал как законный наследник российского престола несмотря на то, что родился от шестого, неканонического брака царя Иоанна Грозного. В этом довольно обширном пассаже о происхождении Димитрия присутствует скрытое оправдание своего героя, поскольку в древнерусской литературе традиционно утверждалась мысль о том, что благой плод может произойти только от доброго корня. В Сказании о святых Борисе и Глебе подчеркивается связь греховного происхождения Святополка¹¹⁵ и злодейской природы его личности. В противоположность Святополку князья Борис и Глеб были рождены от законного брака, имели царское происхождение и «светились по-цесарски». Автор жития царевича Димитрия утверждает, что святой сын искупил грехи своего отца. В сочинении Шаховского ярко прозвучала идея о царе как о «помазаннике Божиим»: «Разумно убо да есть, яко царь ничтоже ино токмо образ Божий одушевленъ...»¹¹⁶. Поэтому посягательство на жизнь его наследника есть преступление против Бога, за которое был наказан не только узурпатор власти Борис Годунов, но и пострадало всё Российское царство. Утверждая это, автор, переживший все события Смуты, выступает в качестве авторитетного свидетеля. Согласно житию Шаховского, страстотерпец Димитрий – законный носитель царской власти, избранник Божий, преданный и убитый членами своей семьи. Его святость засвидетельствована многими чудесами.

В русле внутреннего развития русской традиции святости, по мнению исследователей, находится канонизация в лике страстотерпцев императора Николая II Александровича, его супруги – императрицы Александры Феодоровны, цесаревича Алексея, великих княжон Ольги, Татианы, Марии и Анастасии. Решение о прославлении святых было принято на Архиерейском юбилейном Соборе Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 г.¹¹⁷ В Деянии о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских сказано: «В последнем православном Российском монархе и членах его Семьи мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных Царской семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбурге в ночь на 4 (17) июля 1918 г. был явлен побеждающий зло свет Христовой веры...»¹¹⁸.

Тысячелетняя история русской святости явила миру примеры удивительного подвига страстотерпцев – православных князей и царственных мучеников, вознесённых на самую высо-

¹¹⁴ «Оле страшнаго падения... яко же треокаянный Каинъ, дерзнувый на прведнаго брата своего Авеля...» (РГБ. Ф. 173/ I (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 213. Л. 279 об.).

¹¹⁵ Захватив Киев в 978 г. и убив Ярополка, Владимир сделал его беременную жену своей наложницей: «залеже ю не по браку». Впоследствии он признал родившегося мальчика своим сыном, назвав его Святополком. Но даже в имени последний сохранил родовое имя своего настоящего отца. См. об этом: *Назаренко А. В.* Владимир (Василий) Святославич // ПЭ. М., 2004. Т. 8. С. 693.

¹¹⁶ РГБ. Ф. 173/ I (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 213. Л. 284.

¹¹⁷ См. о подготовке канонизации: *Семененко-Басин И. П.* Культ императора Николая II в традициях российского православия // Религиоведение. Благовещенск, 2009. № 3. С. 28–38.

¹¹⁸ Цит. по статье: *Черникова Н. В., Никитин Д. Н.* Николай II Александрович // ПЭ. М., 2018. Т. 50. С. 471.

кую степень земной власти, но презревших её и самую жизнь ради соблюдения Евангельских заповедей.

Князь Рюрик Ростиславич в 1194–1210 гг

А. П. ПЯТНОВ¹¹⁹

Prince Riurik Rostislavich in 1194–1210

Annotation. The article is dedicated to the last years of political activity of Riurik Rostislavich – one of the most famous and long-living princes in the South Rus during the second half of the 12th and the beginning of the 13th century. The main principal purpose is to uncover the main impacts on the policy of Riurik in 1194–1210 and to investigate the unions and coalitions he was involved in.

Key words: Riurik Rostislavich, principality of Kiev, inter-princely relations, South Rus.

1194 г. стал рубежным в судьбе белгородского и овручского князя Рюрика Ростиславича. На протяжении тринадцати лет (1181–1194) его дуумвират с киевским князем Святославом Всеволодичем определял политическую стабильность в Южной Руси и поддерживал баланс сил смоленских Ростиславичей и Ольговичей. Смерть Святослава Всеволодича (25 июля 1194 г.)¹²⁰ в третий раз привела Рюрика Ростиславича на киевский стол и позволила объединить ему в своих руках Киев и Киевскую землю.

После занятия Киева Рюрик Ростиславич пригласил на «снем» брата, смоленского князя Давыда Ростиславича († 23. 4. 1197), для обсуждения с ним новых политических реалий¹²¹. В результате они «ряды вся оуконча о Роуской земле и о братьи своеи, о Володимере племени»¹²². Вскоре к киевскому князю обратился на правах «старейшего» владимирский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо с требованием «причастия» в «Русской земле». Ситуация осложнялась тем, что владимирский князь настаивал на получении городов (Торческ, Корсунь, Богуславль, Треполь, Канев), которые Рюрик Ростиславич при вступлении в Киев передал своему зятю, волынскому князю Роману Мстиславичу. Киевский князь пытался предложить владимирскому князю другие владения, но Всеволод Большое Гнездо не уступал. Рюрик Ростиславич был вынужден обратиться к киевскому митрополиту Никифору с тем, чтобы тот снял с него крестное целование к зятю. Однако Роман Мстиславич оказался довольно стоворчив, согласившись обменять свои города на какие-то другие владения или на денежный эквивалент¹²³. Требуемые города Рюрик Ростиславич передал во владение Всеволоду Большое Гнездо.

Казалось бы, конфликт был улажен, однако владимирский князь, в свою очередь, передал Торческ своему зятю, сыну киевского князя Ростиславу Рюриковичу¹²⁴. Это вызвало недовольство Романа Мстиславича, посчитавшего, что между Рюриком Ростиславичем и Всеволодом Большое Гнездо имел место стовор, направленный на то, чтобы лишить его волостей в Киевской земле и передать их Ростиславу Рюриковичу¹²⁵. Никакие доводы киевского князя на

¹¹⁹ Пятнов Андрей Петрович (Andrew P. Pyatnov); заведующий редакцией Отечественной истории научного издательства «Большая Российская энциклопедия»; pyatnov_a@mail.ru.

¹²⁰ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 412; М., 1998. Т. 2. Стб. 680; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 207.

¹²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 681.

¹²² Там же. Стб. 682.

¹²³ Там же. Т. 2. Стб. 684–685; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 96.

¹²⁴ Там же. Т. 2. Стб. 685; Т. 25. С. 96.

¹²⁵ Там же.

Романа Мстиславича не подействовали, и он, «ловя извета на тесте своемъ и не хотя съ нимъ любви, и поча думати с моужи своими, слася къ Ольговичу...»¹²⁶

Союз Романа Мстиславича и черниговского князя Ярослава Всеволодича († 1198), владения которых граничили с Киевской землёй с запада и востока, представлял серьёзную угрозу для Рюрика Ростиславича. Роман Мстиславич отправился в Польшу, надеясь на поддержку своих двоюродных братьев по матери, сыновей Казимира Справедливого – Лешка Белого и Конрада¹²⁷. Однако из-за внутреннего конфликта в Польше между Казимировичами и их дядей Мешко III Старым (который приходился дядей и Роману Мстиславичу), волынскому князю пришлось вступить в эту борьбу на стороне Казимировичей. В результате его неумеренной активности 13 сентября 1195 г. в сражении на р. Мозгаве польско-русские войска под его командованием потерпели поражение от сил Мешка III¹²⁸. Неудача и ранение в этом бою заставили Романа Мстиславича отправить послов к Рюрику Ростиславичу и киевскому митрополиту Никифору с просьбой о мире¹²⁹. Мир был заключен, Роман Мстиславич получил г. Полонный и «поль тьртака Корьсоуньского»¹³⁰.

Рюрик Ростиславич умело воспользовался сложившейся ситуацией и направил послов к черниговскому князю Ярославу Всеволодичу от своего имени, а также от имени Всеволода Большое Гнездо и смоленского князя Давыда Ростиславича, выдвинув совершенно неприемлемое условие: восстановить «ряд Ярослава» (соглашение 1026 г. между киевским князем Ярославом Владимировичем Мудрым и его братом, черниговским князем Мстиславом Владимировичем Храбрым), по которому владения черниговских князей ограничивались Днепром, а Киев, таким образом, сделать исключительным владением Мономашичей¹³¹. Ярослав Всеволодич этих условий не принял, ответив, что «при вашемъ (Рюрика, Всеволода и Давыда – А. П.) животе не ищемъ его (Киева – А. П.), ажь по вас, кому Богъ дастъ»¹³². Этот ответ не удовлетворил Мономашичей, и Всеволод Большое Гнездо решил организовать поход на Ольговичей зимой 1195/96 г. Ярослав Всеволодич хорошо понимал, что справиться только черниговскими силами с коалицией киевского, смоленского и владимирского князей не удастся, поэтому он совершил тонкий дипломатический ход. С одной стороны, он отправил послов к Всеволоду Большое Гнездо, «кланяючися и емлючися емоу по всю волю его», что заставило Всеволода приостановить военные приготовления, а с другой – направил второе посольство в Киев, предложив Рюрику Ростиславичу заключить перемирие до того момента, пока Ольговичи будут решать проблемы с Всеволодом Большое Гнездо и Давыдом Ростиславичем¹³³. Киевский князь не только принял это предложение, но и согласился уступить черниговскому князю Витебск¹³⁴, что стало серьезным просчётом. Его брат Давыд Ростиславич, игравший активную роль в политической жизни Полоцкой земли, к 1196 г. вернулся к более традиционной для Ростиславичей ещё с 1160-х гг. опоре на витебских князей; более того, по всей видимости, витебский князь Василько Брючиславич являлся зятем смоленского князя¹³⁵. Таким образом, киевский князь поставил брата в тупиковое положение: он должен был согласиться на потерю Василько Брючиславичем собственного родового владения. В сражении 12 марта 1196 г. успех сопутствовал черниговцам и их союзникам (силам Полоцкого и Друцкого княжеств), которые сумели захва-

¹²⁶ Там же. Т. 2. Стб. 686; См. разночтения по Хлебниковскому списку; Т. 25. С. 96.

¹²⁷ Там же. Т. 2. Стб. 686; Пауцто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 423. Таблица 4.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 687; Пауцто В. Т. Внешняя политика... С. 164.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 687.

¹³⁰ Там же. Стб. 688. Относительно интерпретации второго объекта в историографии существуют различные мнения.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. Стб. 689.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. Стб. 689–690, 693.

¹³⁵ Пятнов А. П. Полоцкая земля в последней четверти XII в. // *Rossica Antiqua*. 2010. Т. 1. С. 139–141, 143.

тить в плен племянника киевского князя Мстислава Романовича¹³⁶. Черниговский князь решил развить успех, выступив на Смоленск против Давыда Ростиславича, однако в ответ Рюрик Ростиславич двинулся на Чернигов, предварительно отправив Ярославу Всеволодичу «крестные грамоты». В результате черниговский князь приостановил военные действия и начал переговоры с киевским князем, которые оказались безрезультатными¹³⁷. Посольство Рюрика Ростиславича к Всеволоду Большое Гнездо, отправленное после пленения Мстислава Романовича, также не достигло успеха: «от Всеволода же не бьашеть вести все лето»¹³⁸. В итоге, киевскому князю пришлось действовать самому, и «тако воевашася между собою, ездячи все лето и до осени»¹³⁹.

Осенью 1196 г. ситуация осложнилась вступлением в противостояние на стороне Ольговичей волынского князя Романа Мстиславича. Одной из главных причин для этого стало его решение развестись с дочерью Рюрика Ростиславича Предславой и стремление отправить её в монастырь. Из Полонного, принадлежавшего волынскому князю, его отряды разорали владения Ростиславичей в Киевской земле¹⁴⁰. Дабы нанести ответный удар, Рюрик Ростиславич отправил своего племянника Мстислава Мстиславича Удатного к галицкому князю Владимиру Ярославичу († 1199), чтобы организовать удар по Волыни. Войска галицкого князя и Мстислава Удатного разорили волынские земли около города Перемиль, а белгородский и торчешский князь Ростислав Рюрикович вместе с Владимировичами (внуки Мстислава Великого, дети его младшего сына Владимира – А. П.) и чёрными клобуками напали на окрестности города Каменца¹⁴¹.

В этот момент Всеволод Большое Гнездо наконец выступил против Ольговичей вместе с Давыдом Ростиславичем и рязанскими князьями, разоряя северные районы Чернигово-Северской земли. В свою очередь, Рюрик Ростиславич вступил во владения Ольговичей с запада. Ярослав Всеволодич стремился разделить своих противников и направил послов к владимирскому князю, предлагая мирное соглашение. Давыд Ростиславич выступил резко против заключения мира без ведома Рюрика Ростиславича, Всеволод же выдвинул черниговскому князю встречные условия: отпустить Мстислава Романовича, изгнать из Черниговской земли Ярополка Ростиславича (участника усобицы в Северо-Восточной Руси в середине 1170-х гг.) и отступить от союза с волынским князем Романом Мстиславичем¹⁴². В результате, владимирский и черниговский князья нашли компромиссный вариант, при котором последний выполнил первые два условия, что удовлетворило обе стороны; кроме того, Ольговичи отказались от претензий на Киев «подъ Рюрикомъ» и Смоленск «подъ Давыдомъ»¹⁴³. Всеволод Большое Гнездо сообщил о заключении мира Рюрику Ростиславичу, который расценил действия союзника как предательство и занял все уступленные им владимирскому князю города в Киевской земле. Таким образом, союз киевского и владимирского князей распался, что ослабило позиции Рюрика Ростиславича.

Обострение конфликта Рюрика Ростиславича и объединившего около 1199 г. Волынское и Галицкое княжества Романа Мстиславича нашло отражение во второй части годовой статьи Лаврентьевской летописи, помещённой под 1202 г.¹⁴⁴ Н. Г. Бережков, разбирая состав этой статьи, определил ее как ультрамартовскую (т. е. повествующую о событиях 1201/1202

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413; Т. 2. Стб. 691–692; Т. 25. С. 98.

¹³⁷ Там же. Т. 2. Стб. 693–694.

¹³⁸ Там же. Стб. 695.

¹³⁹ Там же. Стб. 696.

¹⁴⁰ Там же. Т. 1. Стб. 412–413; Т. 2. Стб. 696–697.

¹⁴¹ Там же. Т. 2. Стб. 697–698.

¹⁴² Там же. Стб. 699–700.

¹⁴³ Там же. Стб. 700.

¹⁴⁴ Там же. Т. 1. Стб. 417–418.

г.), одновременно отметив вероятность принадлежности группы сообщений о Южной Руси во второй части статьи к 1200/1201 г.¹⁴⁵ На основании детального сопоставления летописных данных со сведениями Никиты Хониата А. В. Майоров склоняется к датировке второй части 1200/1201 г.¹⁴⁶ Думается, что аргументы исследователя можно усилить, основываясь на его же справедливом предположении о том, что посетившее Константинополь в мае 1200 г. посольство Романа Мстиславича вело переговоры как о помощи Византии против половцев, так и о втором браке галицко-волынского князя¹⁴⁷. Если этот вывод исследователя верен, то одним из поводов обострения противостояния киевского и галицко-волынских князей стал окончательный разрыв Романа с Предславой Рюриковной и его новый брак.

Другой причиной обострения конфликта стал, по всей видимости, сам факт перехода Галича к Роману Мстиславичу. После пресечения династии галицких князей в связи с отсутствием законных наследников у князя Владимира Ярославича, Галицкое княжество могло рассматриваться как выморочное и, соответственно, на него могли претендовать «старейшие» князья. В Южной Руси таковым считался киевский князь, в связи с чем Рюрик Ростиславич мог рассматривать занятие Галича воынским князем как нарушение своих законных прав на выморочное владение.

Осенью 1200 г. (менее вероятно, что 1201 г.) Рюрик Ростиславич попытался нанести удар по Галичу в союзе с черниговскими Ольговичами. Однако Роман Мстиславич опередил своего противника, сумев не только раньше выступить в поход, но и привлечь на свою сторону черных клобуков, братьев Владимировичей¹⁴⁸. К галицко-волынскому князю приехали и жители некоторых городов «Русской земли»¹⁴⁹. Киевляне добровольно открыли Роману Мстиславичу Подольские ворота в Копыревом конце города. Галицко-волынский князь принудил Рюрика Ростиславича и Ольговичей целовать к нему крест, после чего отправил Рюрика в Овруч, а Ольговичей – за Днепр¹⁵⁰. Подобно Андрею Юрьевичу Боголюбскому в 1169 г., Роман Мстиславич не занял киевский стол, а посадил на него своего двоюродного брата, луцкого князя Ингвара Ярославича. На Юге Руси установился новый порядок, при котором вся реальная власть сосредоточилась в руках галицко-волынского князя, опиравшегося на союз со Всеволодом Большое Гнездо, а киевские князья стали лишь марионетками могущественного соседа.

Подготовка реванша заняла у Рюрика Ростиславича около 2 лет. 1–2 января 1203 г. соединённые войска овручского князя, черниговских Ольговичей и половцев взяли Киев на щит¹⁵¹, Рюрик Ростиславич в четвёртый раз занял киевский стол. Тем не менее, политическая ситуация складывалась не в пользу киевского князя, так как реальных сил для противостояния Роману Мстиславичу он не имел. Встреча противников состоялась 16 февраля у Овруча¹⁵². По сути, галицко-волынский князь вынудил киевского князя разорвать союз с Ольговичами и половцами в обмен на сохранение за ним Киева. Рюрик Ростиславич целовал крест к Роману Мстиславичу, Всеволоду Большое Гнездо и его сыновьям, обязавшись отправить во Владимир своего посла вместе с послом Романа Мстиславича, для того чтобы Всеволод Большое Гнездо

¹⁴⁵ *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 86–87.

¹⁴⁶ *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011. С. 230–235.

¹⁴⁷ Там же. С. 234–235.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. Стб. 417–418.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418 (2 января); М., 2000. Т. 3. С. 45, 240 (1 января); М., 1995. Т. 41. С. 124–125 (2 января); *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 87, 247, 315 (прим. 84).

¹⁵² ПСРЛ. Т. 25. С. 100; М., 1965. Т. 30. С. 79–80; Т. 41. С. 125.

подтвердил легитимность княжения Рюрика в Киеве. Владимирский князь, «не помяну зла Рюрикова... но да и ему опять Киев»¹⁵³.

Весной 1203 г. (датировка подтверждается исследованием Н. И. Милютенко¹⁵⁴), Рюрик Ростиславич вошел в число организаторов большого похода против половцев¹⁵⁵. Поход оказался весьма успешным, однако в Треполе, где собрались киевский князь с сыновьями Ростиславом и Владимиром Рюриковичами и Роман Мстиславич, необходимо было «рядь положити о волостехъ, кто како страдалъ за Русьскую землю»¹⁵⁶. Рюрику и Роману не удалось договориться, и галицко-волынский князь пошел на крайние меры: он заставил Рюрика Ростиславича, его жену и дочь Предславу (свою бывшую жену) постричься в монахи, а сыновей Рюрика – Ростислава и Владимира захватил в плен и отвел в Галич¹⁵⁷.

Фактически, эти события должны были завершить политическую карьеру Рюрика Ростиславича, однако судьба благоволила князю. 19 июня 1205 г. близ польского города Завихост совершенно неожиданно погиб галицко-волынский князь Роман Мстиславич. Когда известие об этом дошло до Рюрика, он немедленно расстригся и в пятый раз занял киевский стол, сменив своего сына Ростислава Рюриковича¹⁵⁸ (в 1204 г. благодаря деятельному вмешательству Всеволода Большое Гнездо был освобожден из плена Романом Мстиславичем и получил киевский стол). Со смертью Романа Мстиславича активизировались и Ольговичи: свои претензии на Галич выдвинули сыновья черниговского князя (1198–1201) Игоря Святославича, приходившиеся внуками по женской линии галицкому князю (1153–1187) Ярославу Владимировичу Осмомыслу. Между Рюриком Ростиславичем и Ольговичами был вновь заключён союз¹⁵⁹, однако первый поход союзников на Галич в том же 1205 г. оказался безрезультатным. Возвращаясь из него, Рюрик Ростиславич передал Ольговичам Белгород, где был посажен зять киевского князя Глеб Святославич¹⁶⁰. В 1206 г. союзники запланировали ещё более масштабный поход на Галич. В Чернигове на «снем» собрались черниговские князья во главе со Всеволодом Святославичем Чермным; к ним присоединился смоленский князь Мстислав Романович со «своими сыновци» и половцы. Уже в Киеве к этим силам присоединился Рюрик Ростиславич с сыновьями, вышгородским князем Ростиславом и Владимиром, со «своими сыновци» и чёрными клобуками. С запада на Галич двинулись братья Казимировичи – Лешко Белый и Конрад, приходившиеся Рюрику Ростиславичу племянниками. В результате этого похода галичане были принуждены принять на княжение новгород-северского князя Владимира Игоревича, а для укрепления положения Игоревичей на Галичине, в Звенигороде был создан ещё один княжеский стол, который занял брат Владимира – Роман Игоревич¹⁶¹.

На обратном пути из похода Всеволод Чермный неожиданно занял Киев, направив своих посадников «по всем городом Киевськым»¹⁶². Рюрик Ростиславич оказался не готов к такому повороту событий и был вынужден, «видя непогоде свое», уехать в Овруч. Однако ещё до конца 1206 г. Рюрик Ростиславич при поддержке сыновей и братьев изгнал Всеволода Чермного из Киева, а его сына Михаила – из Переяславля (Русского)¹⁶³. Рюрик Ростиславич в шестой

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 419.

¹⁵⁴ Милютенко Н. И. Владимирский великокняжеский свод 1205 г. (Радзивилловская летопись) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 49–51, 55–56.

¹⁵⁵ Там же. Т. 25. С. 101; Т. 30. С. 80; Т. 41. С. 125.

¹⁵⁶ Там же. Т. 41. С. 125.

¹⁵⁷ Там же. Т. 25. С. 101; Т. 41. С. 125–126.

¹⁵⁸ Там же. Т. 1. Стб. 426.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же. Т. 25. С. 104.

¹⁶¹ Там же. Т. 2. Стб. 718.

¹⁶² Там же. Т. 1. Стб. 427.

¹⁶³ Там же. Стб. 428.

раз вокняжился в Киеве, а в Переяславле сел его сын Владимир Рюрикович. Попытка Всеволода Чермного зимой 1206/1207 г. вернуть Киев не удалась.

В 1207 г., узнав о новом походе войск черниговского князя Всеволода Святославича Чермного, Рюрик Ростиславич вновь покинул Киев и уехал в Овруч. Однако у Всеволода Чермного не хватило времени укрепиться в Киеве: этому помешали действия владимирского князя Всеволода Большое Гнездо, который первоначально планировал двинуть войска на Чернигов, однако в итоге осенью того же года атаковал Рязанскую землю¹⁶⁴. Всеволод Чермный должен был отвлекаться на обеспечение безопасности северных границ Чернигово-Северской земли и помощь рязанским князьям. Получив известия о подходе владимирских войск к Рязани, Рюрик Ростиславич «гна изъездом к Киеву, и выгна Всеволода Чермнаго ис Киева, а сам седе в немъ»¹⁶⁵ в седьмой раз. Очередная попытка Всеволода Чермного вернуть себе Киев зимой 1207/1208 г. не удалась, после чего вплоть до ухода киевского князя с политической арены военные столкновения на юге прекратились.

Рюрик Ростиславич скончался, по всей видимости, весной 1210 г. на киевском княжении¹⁶⁶. Его личность – яркое отражение эпохи, где победы шли рука об руку с поражениями, а успех, казавшийся незыблемым, оказывался мимолётным. Можно с уверенностью говорить о том, что этот неординарный человек и правитель занял важное место в политической истории русских земель второй половины XII – начала XIII вв.

¹⁶⁴ Там же. Стб. 429–434.

¹⁶⁵ Там же. Стб. 433.

¹⁶⁶ О спорных вопросах, связанных с обстоятельствами смерти Рюрика Ростиславича, см.: *Fennell J.* The last years of Riurik Rostislavich // *Essays in honor of A. A. Zimin.* Columbus, 1985. P. 159–166; *Толочко О. П.* О місце смерті Рюрика Ростиславича // *Український історичний журнал.* 1997. № 5. С. 136–144; *Пятнов А. П.* Борьба за киевский стол в 1210-е гг.: спорные вопросы хронологии // *ДРВМ.* 2002. № 1(7). С. 83–89.

Похвала Ивану Калите в списке XVI в

К. В. ВЕРШИНИН¹⁶⁷

The Panegyric to Ivan Kalita in a Copy of the 16th Century

Annotation. The paper analyzes a copy of the Panegyric to prince Ivan Kalita, discovered by the author in a brief chronicle of the 16th century. The piece was known so far only by the colophon of the Siya Gospel of 1339/1340. The new copy does not go back to the latest and contains important variant readings, what suggests that the archetype was independent from the Siya Gospel. The text of the copy is published in the supplement by typesetting and as a photographic copy.

Key words: Panegyric to Ivan Kalita, Siya Gospel, Old Russian literature, chronicles.

Похвала Ивану Даниловичу Калите из выходной записи Сийского Евангелия 1339/1340 г. не нуждается в представлении. Этот хрестоматийный текст – один из древнейших памятников московской книжности, а Сийское Евангелие (далее – *СЕ*) – старшая дошедшая до нас московская рукопись. Для истолкования Похвалы немало сделал достопочтенный юбиляр¹⁶⁸. Несмотря на это, памятник изучен ещё далеко не полностью. Негласный консенсус исследователей предполагает, что панегирик написан непосредственно для *СЕ*. Однако строго это не доказано, да и невозможно было доказать в связи с отсутствием материала для сопоставления. Не решён вопрос и о личности «Анании чернеца», «повелением» которого изготовлена рукопись. Большинство учёных видит здесь указание на монашеское имя Ивана Даниловича (из других источников не известно), хотя ещё М. Н. Тихомиров отвергал тождество Калиты и Анании и считал, что колофон неоднороден по составу. Эту гипотезу в настоящее время поддерживают С. М. Каштанов и Л. В. Столярова¹⁶⁹.

Некоторый свет на данные вопросы проливает неизвестный ранее список Похвалы Ивану Калите, обнаруженный нами в сборнике РГБ, Рог. 662 (далее – *Р*). Это рукопись в 4°, на 322 л., датируемая 20-ми или 30-ми гг. XVI в.¹⁷⁰ Сборник переписан одним опытным каллиграфом¹⁷¹, дважды копировавшим в 10-е – 20-е гг. XVI в. Сильвестровский сборник XIV в.¹⁷²

¹⁶⁷ Вершинин Константин Владимирович (Konstantin V. Vershinin); кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра источниковедения истории России Института российской истории РАН; verish-kv@yandex.ru.

¹⁶⁸ Борисов Н. С. Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.). М., 1999. С. 326–350. Из других работ укажем: Мецкерский Н. А. К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 93–103; Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002. С. 56–57; Каштанов С. М., Столярова Л. В. Древнейшее московское Евангелие и его двинской адресат // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 252–298.

¹⁶⁹ См.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII–XV вв.). М., 1947. С. 187; Каштанов С. М., Столярова Л. В. Древнейшее московское Евангелие... С. 280.

¹⁷⁰ Встречаются филигранные следующие виды: 1) литера Р под цветком, Лихачев № 1554 (1529 г.); 2) литера Р, перечеркнутая, под цветком, не отожд.; 3) тиара, Лихачев № 1630 (1536 г.); 4) щит с тремя лилиями под короной, Брике № 1826 (1521 г.); 5) единорог, Лихачев № 1539 (1527 г.); 6) рука в манжете под цветком, Лихачев № 1573 (1530 г.). Сборник не имеет начала; утрачен один лист между л. 27 и 28 и два (вероятно) листа между л. 319 и 320.

¹⁷¹ Если не считать восстановленного л. 6 (вероятно, скопированного со старого ветхого листа; л. 1–5 – пустые, новейшей бумаги) и приписок на л. 82, 318об., 321–322об.

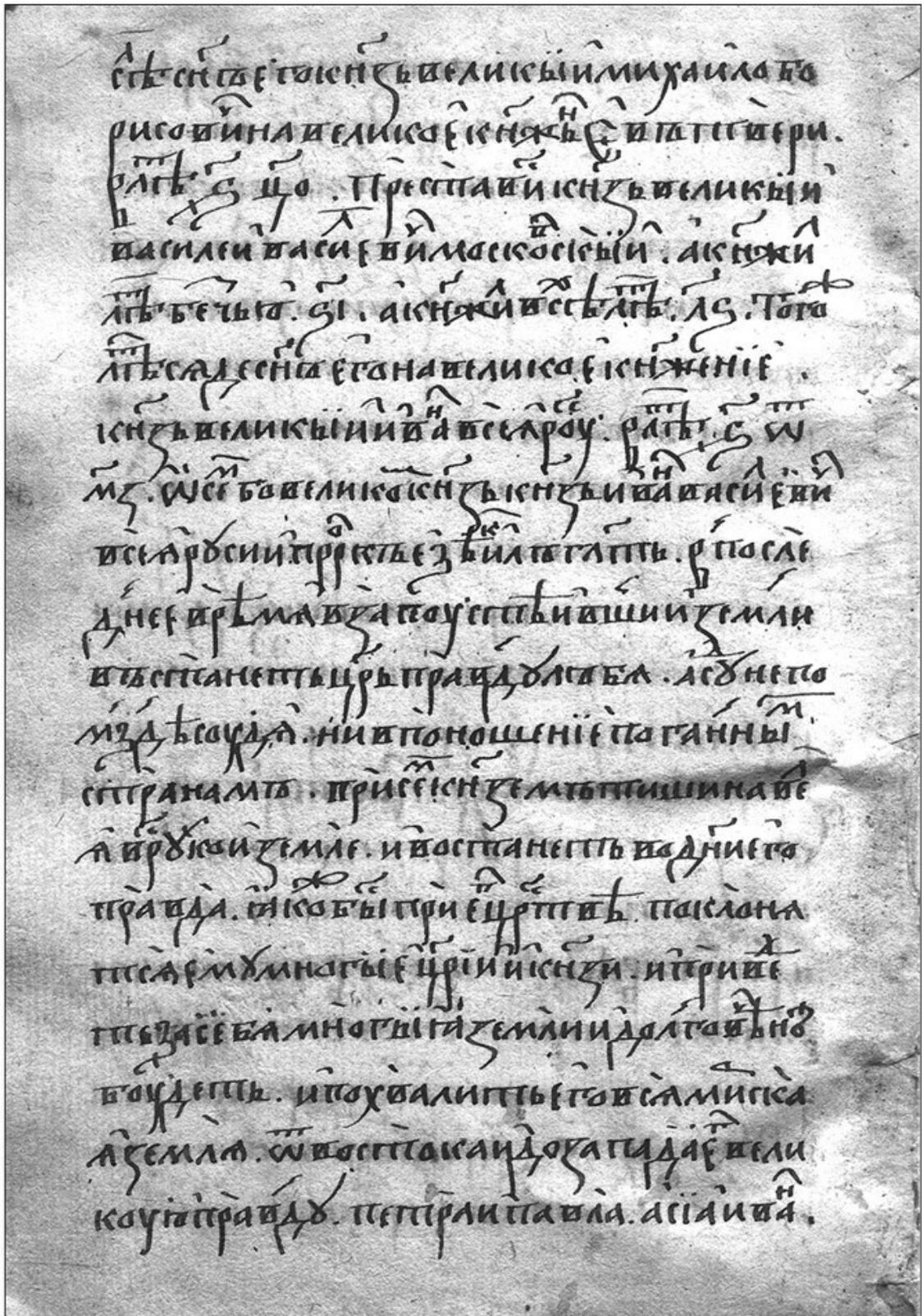
¹⁷² Речь идёт о рукописях ГИМ. Увар. 85–1° и ГИМ. Муз. 1197 (первая рукопись переписана данным писцом полностью, вторая – наполовину). См. об этом: Грибов Ю. А. Значение палеографических особенностей для определения состава и генеалогии четых сборников // История и палеография: Сборник статей. М., 1993. Вып. 1. С. 34–55; Он же. О реконструкции новгородского иллюстрированного сборника XIV в. // Хризограф. Вып. 3: Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи: Труды международного научн. конф. Москва, 5–7 сентября 2005 г. С. 253–267 (фотоснимки – в

Состав рукописи таков: л. 6–81об.: поучения, преимущественно из Пролога и Измарагда; л. 83–224об.: богослужбные тексты; л. 225–283об.: Хождение игумена Даниила; л. 283об.–314: «Летописец Руския земли...» (последнее известие – 7008/1500 г.); л. 314: «Колко днии Адамъ пребысть в раи»; л. 314–317об.: краткий летописец от сотворения мира до Седьмого Вселенского собора; л. 317об.–318: «О семи верстах человеческих»; л. 318: изречения о Псалтыри («Псалтырь составленъ Давыдово...»), числа от 1 до 100 000; выписка из Послания Климента Смолятича в редакции толковых сборников («Никтоже бо можетъ уведати силу алфе без Божья строения...»¹⁷³); л. 318, 319–319об. (л. 318об. – пустой): изречения Григория Богослова, но без её ростовских Исаака «Рурина» (Сирина), Нила, Максима; л. 319об.: «Слово, како спросили ученици Господа...»; л. 320 (между 319 и 320 – лакуна): фрагмент флорилегия, начинается словами: «река течеть во брезех каменных...»¹⁷⁴; л. 320об. –321: «Словеса о родех о всех, написано вкратце. Симонова (!) роду на пол-30 язык: 1 – евреи, 2 – персы...» (из Повести временных лет, с дополнениями).

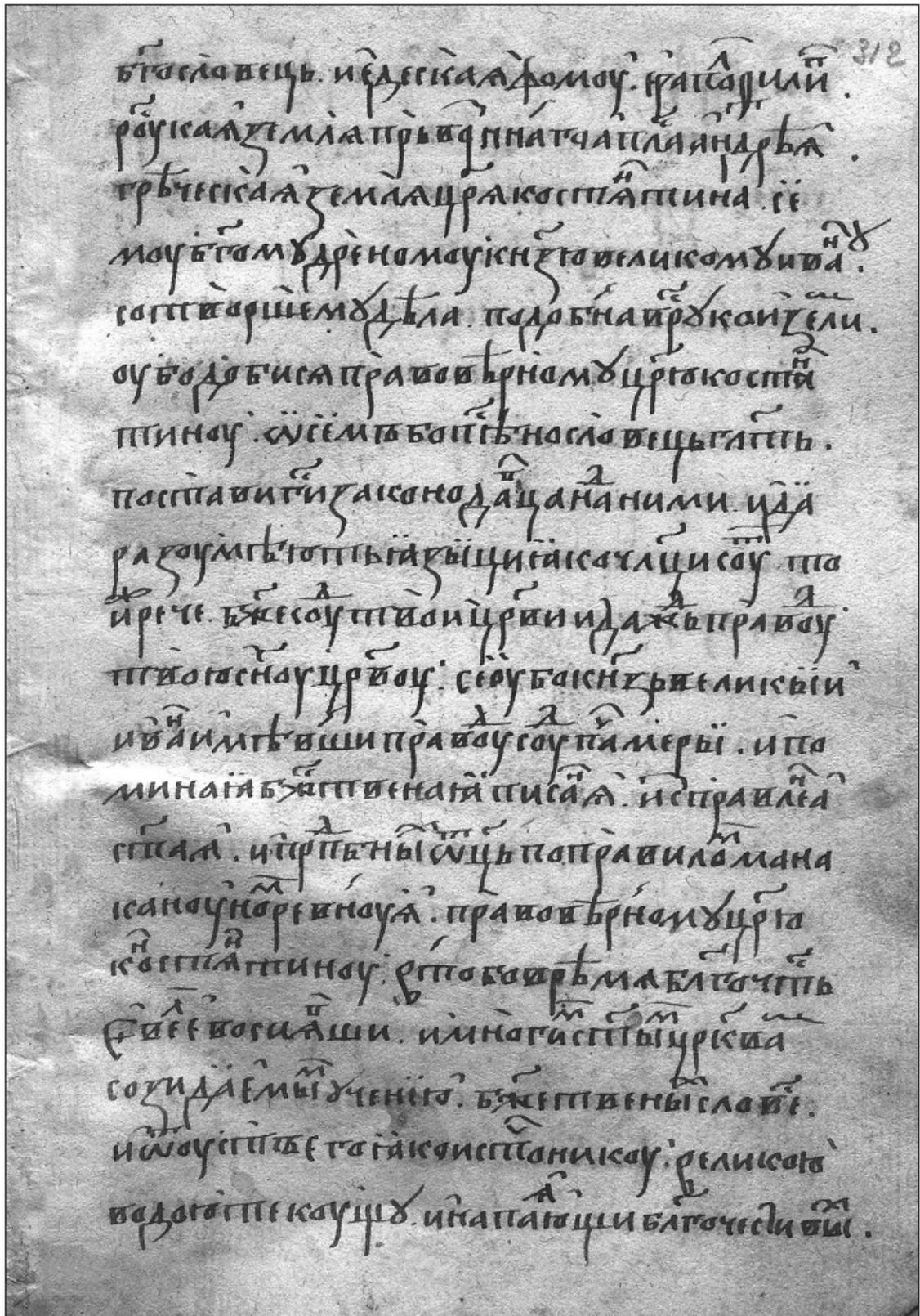
обеих работах). По данным Ю. А. Грибова, тот же писец переписал и часть Толковой Палеи ГИМ, Вахр. 89.

¹⁷³ Ср.: *Вершинин К. В.* Послание Климента Смолятича и толковые сборники // Текстология и историко-литературный процесс. Сборник статей. М., 2017. Вып. V. С. 23.

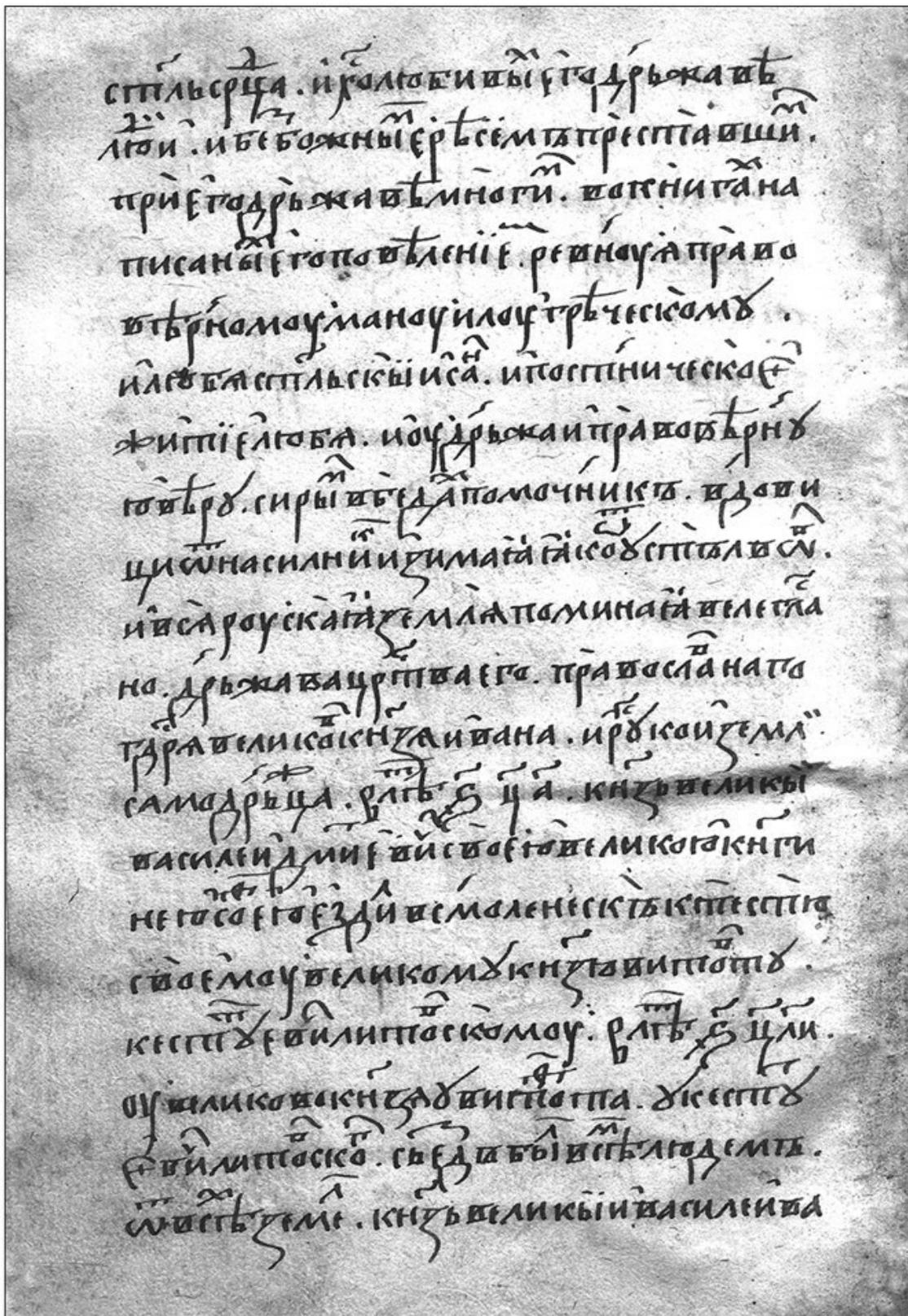
¹⁷⁴ Ср.: *Розанов С. П.* Материалы по истории русских Пчел. СПб., 1904 (Памятники древней письменности и искусства. № 154). С. 60–62.

Похвала Ивану Калите (начало). РГБ, Рог. 662, л. 311об.

Похвала Ивану Калите (продолжение). РГБ, Рог. 662, л. 312

Похвала Ивану Калите (окончание). РГБ, Рог. 662, л. 312об.

Похвала Ивану Даниловичу читается в составе летописца, занимающего л. 283об.–314¹⁷⁵. Исследование этого сложного памятника будет нами предпринято в особой работе. Предвари-

¹⁷⁵ Заметим, что в 1955 г. с рукописью (судя по листу использования) ознакомился А. Н. Насонов, прилагавший особенные

тельно можно отметить, что перед нами свод, среди источников которого – летопись, сходная с Симеоновской (следовательно, и с Троицкой), и другая летопись, близкая к Московско-Академической в её последней части, но без её ростовских известий.

Похвала находится после статьи 6970 г. о смерти князя Василия Васильевича. В начале текста вместо «князе великом Иване» (запись в *СЕ*) читается: «князе Иване Васильевиче всея Руси» (л. 311об.). Таким образом, сводчик начала XVI в. «переадресовал» похвалу современному ему князю, но дата 6847 г. осталась неизменной. Непонятно, откуда Похвала попала в *P*, но её инородность по отношению к окружающему тексту очевидна. Противоречит она и сохранившейся в летописце под 6836 г. уникальной немосковской характеристике Ивана Даниловича, которого «татарове посадиша... на великое княжение» (л. 298 об.).

Сам факт обнаружения второго списка похвалы Калите делает версию о составлении памятника специально для *СЕ* маловероятной. Едва ли перед нами копия рукописи 1339/1340 г. Стали бы в библиотеке небольшого Успенского монастыря на Лявле, куда вложено Евангелие, искать книжные редкости? Основанный в 1520 г. Антониев Сийский Троицкий монастырь во время создания рогожской рукописи также не был сколько-нибудь заметным центром книжности¹⁷⁶. Но важнее другое. *P* содержит большое число разночтений по сравнению с *СЕ*, что было бы трудно объяснить в случае копирования последнего (тем более если учесть его крупный, парадный устав). Вот наиболее показательные примеры (исключаем явные ошибки и пропуски). В *P* читаем: «поклонятся ему многие царии (!) и князи, и привести за себя многыя земли, и долговечень будеть». Этот фрагмент отсутствует в *СЕ*; он отсылает к Пс. 71:11 («И поклонятся ему вси царие земстии, вси языцы поработаютъ ему»), возможно, также к Пс. 71:15 («И живь будеть»); между тем Пс. 71 обильно цитируется в похвале и выше, и ниже¹⁷⁷, так что есть основания относить фрагмент к архетипу текста. Вместо «благородному князю» (*СЕ*) читается «богомудренному князю» (*lectio difficilior*, лексема весьма редкая¹⁷⁸); вместо книжного «помощникъ» – просторечное «помочникъ»; вместо ошибочного «вдовци» – правильное «вдовици» (которых Калита «от насилникъ изимая»); наконец, вместо «въ апустевший земли» – «въ запустевший (!) земли».

Границы текста в *P* совпадают с тем отрезком записи *СЕ*, что помещается между введением и заключением с упоминаниями «Анании чернеца»: «Написано бысть си Еуангелие въ граде Москове на Двину къ Святей Богородици повелениемъ рабомъ Божиимъ Ананиею чернцемъ [*следует текст Похвалы*]. Сии бо великий рабъ Божий Анания чернць (!), поминая его святительский санъ...» Все это позволяет вернуться к мысли М. Н. Тихомирова о вставке в запись *СЕ* готового литературного произведения, разорвавшего рассказ об «Анании чернеце»¹⁷⁹.

усилия к разысканию неизвестных летописных текстов. Однако ни среди опубликованных работ учёного, ни в его личном фонде (Архив РАН. Ф. 1547) нам не удалось обнаружить сведений о рукописи Рог. 662.

¹⁷⁶ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л., 1977. С. 25–26. Обычно считается, что книга была передана в Антониев Сийский монастырь в 1632–1633 гг. (Капитанов С. М., Столярова Л. В. Древнейшее московское Евангелие... С. 253), однако документами это не подтверждается и не опровергается (Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки... С. 76), так что теоретически *СЕ* могло оказаться там и раньше.

¹⁷⁷ Борисов Н. С. Политика Московских князей... С. 338.

¹⁷⁸ Отмечена дважды в переводных текстах X–XI вв. (в основном значении «одаренный от Бога мудростью») и единожды в послании митрополита Фотия (но в особом значении «закрывающий в себе Божественную мудрость» – не о личности, а об умении, «ремесстве»): Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 27. М., 2006. С. 261.

¹⁷⁹ Уже после сдачи статьи в печать обнаружилось, что в книжности XVI в. Похвала Ивану Калите не одинока. Большая часть памятника приводится в анонимном послании (вероятно, новгородского или псковского происхождения), которое нам известно по единственному списку второй половины XVI в. РГБ, Унд. 1084, л. 273об. -293 («Предисловие азбуки толковья вкратце... к некоему христороубу во власти сушу»). Здесь Похвала отнесена к скончавшемуся Василию III. Судя по контексту («самого кормча лишени есми», л. 276об.), послание следует датировать временем не позднее середины 40-х гг. XVI в.

Приложение

Рогожский список Похвалы Ивану Калите

РГБ, Рог. 662, л. 311об. –312об.

В лѣтѣ сѣмъ во великомъ кнѣзѣ кнѣзъ (!) нва васнѣви всеа
рѣснн прркъ ездѣлъ (!) глѣть. В' послѣднее врѣмѣ в запустѣнѣвшнн
(!) землн вѣстанетъ црѣ правдѣ любѣ. а сѣ не по мѣрдѣ соудѣ. нн
в поношеніе поганнн странамъ. при сѣ кнѣземъ (!) тишина вѣа в
рѣкон землѣ. н востанетъ во днн его правда. тако вы при е цртвѣ.
поклонатса емѣ многыѣ црѣн (!) н кнѣзн. н привѣтъ за себа многыа
землн н долговѣнѣ воудетъ. н похвалнтъ его всѣ мнѣскаѣ (!) землѣ.
ѡ востока н до запада е великоуо правдѣ. петра н павла. асѣа нва.
|(л. 312) бгословець. н едескаѣ фомоу. ерапо ѳ. нлн. роукаѣ землѣ
прѣваннаго (!) апла андрѣѣ. грѣческаѣ землѣ црѣ костѣтннѣ. се-
моу бгомѣдреномоу кнѣзю великомѣ нва. сотворшемѣ дѣла. подобна
в рѣкон землн. оубодовнса (!) правовѣрномѣ црю костѣтнноу. ѡ
семѣ во пѣнословець глѣть. поставн гн законодаца на дннн. н да
разоумѣютъ тѣзыци тако члѣци соу. тон рече. вѣже соу д твон црѣвнн (!)
дажѣ правдоу твою снѣоу црѣвоу. се оубо кнѣзѣ великын нва нмѣѣшн
правдоу соу д па меры. н помнната бжтвената писѣа. нсправлѣа (!) сѣта.
н прпѣны ѡцѣ по правнло манаконоуно рѣвноуѣ. правовѣрномѣ црю
костѣтнноу. В' то во врѣмѣ блгочтѣе вѣе воснѣшн. н многн стѣ
црѣква созндаемѣ ѣченію. бжтвенн (!) словѣ. н ѡ оустѣ его тако
нстѣннкоу. великою водою текоущѣ. н напѣющн блгочестнвы. |(л.
312об.) сѣта срѣца. н холюбнвы его дръжавѣ (!) лѣн. н бѣвожны
ерѣсемѣ преставшн. при его дръжавѣ многн. во кннга написаны его
повелѣннѣ. рѣвноуѣ правовѣрномѣ маноуилоу грѣческомѣ. н любѣ
сѣтльскын са. н постннческоѣ жнтѣе любѣ. н оудръжан правовѣрнѣю.
вѣрѣ. снры в вѣда помѣчннкѣ. вдовнцн ѡ наснлнн нзнмаѣа тако ѣстѣ
лѣвѣ. н всѣ роукаѣ землѣ помнната велегланѣ. дръжава (!) цртѣа его.
правосланаго гдрѣ велико кнѣзѣ нвана. н рѣкон землѣ самодрѣца.

Круг чтения семьи великого князя Дмитрия Ивановича по материалам записей на книгах

Е. Е. ИВАНОВА¹⁸⁰

Reading Circle of the Grand Prince Dmitry Ivanovich and His Family Based on the Inscriptions in Manuscripts

Annotation. Among the numerous entries on manuscripts of the 14th–15th centuries, eight are noteworthy, containing the title or title and name of prominent statesmen in the dative case. Most often they are interpreted as literary debuts. The small number of records of this type, the case, the feature of the script and the history of existence of codices containing records suggest that these records could be donations or represent marks about the temporary issue of books. All eight entries are related to Grand Duke Dmitry Ivanovich, his sons and nephew. It suggests that the reading circle of the Grand Duke's family included canonical literature and novelties containing current trends in the intellectual life of the time. All this demonstrates the high cultural level of the Moscow princes.

Key words: the Grand Prince Dmitry Ivanovich, inscriptions in manuscripts, books, library, intellectual life, cultural level of Moscow princes.

Среди записей на рукописях XIV–XV вв.¹⁸¹, начинающихся со слов «господину и великому князю...», обращают на себя внимание записи из семи кодексов, которые, как оказалось, связаны с семьёй великого князя Московского Дмитрия Ивановича (1359–1389). Речь идет о записях в Апостоле апракос (БАН Литвы. F 19–16), в Словах постнических свт. Василия Великого (ГИМ. Чуд. 10; далее – Чуд. 10), в Сборнике поучений и житий святых (ГИМ. Чуд. 19; далее – Чуд. 19), в Лествице прп. Иоанна Лествичника (ГИМ. Чуд. 218; далее – Чуд. 218), в Диоптре инока Филиппа (ГИМ. Чуд. 15; далее – Чуд. 15), в Творениях прп. Иоанна Лествичника (ГИМ. Усп. бум. 18; далее – Усп. бум. 18) и в Требнике (ГИМ. Чуд. 5; далее – Чуд. 5). К сожалению, не все эти записи рассмотрены в историографии, а те, что привлекли внимание исследователей, были охарактеризованы как пробы пера, эпистолярные или маргинальные. Попробуем предложить иной вариант интерпретации вышеуказанных записей.

Первая из перечисленных рукописей хранится в Вильнюсе, в Библиотеке Академии наук Литвы. Она представляет собой два пергаменных листа плохой сохранности¹⁸², содержащие отрывок из месяцесловной части Апостола апракос с тропарями и кондаками на ноябрь¹⁸³. Текст написан уставом одного почерка в два столбца, имеются следы киноварных тератологических инициалов. На л. 2 об., в корешке, ближе к середине, имеется плохо сохранившаяся киноварная запись полууставом XIV в. в шесть строк: «(Господи)Ну кня/зю вели/кому Д/

¹⁸⁰ Иванова Екатерина Евгеньевна (Ekaterina E. Ivanova); научный сотрудник Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея; catherineivanova@mail.ru.

¹⁸¹ Для выявления рукописей с интересующими нас записями были просмотрены издания: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М., 2002. Вып. 1; Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2000; Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000.

¹⁸² Вероятно, когда-то он служил обложкой для фундушевой записи церкви в Троках (См.: Добрянский Ф. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882. С. 30; Турилов А. А. Заметки о кириллических пергаменных рукописях собрания бывшей Виленской публичной библиотеки (фонд 19 БАН Литвы) // Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne. Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim. Т. 2. Kraków, 1997. С. 128).

¹⁸³ Турилов А. А. Заметки о кириллических пергаменных рукописях... С. 128.

митри/ю Ива/ новичю». Запись одновременна рукописи и, возможно, была сделана писцом ещё до переплетения кодекса; интерпретируется она как проба пера¹⁸⁴. Упоминание в записи великого князя Дмитрия Ивановича и палеографические приметы (начерки букв основного текста) позволили А. А. Турилову уточнить датировку рукописи временем, близким к кончине великого князя, т. е. к 1389 г., а также ограничить место её создания «территорией, сувереном которой он являлся»¹⁸⁵. Запись охарактеризована как рядовая¹⁸⁶, типичная для своего времени и места.

Однако, «проба пера» с упоминанием имени Дмитрия Ивановича всё же выделяет вильнюсский Апостол апракос из общего ряда. Необычно то, что она сделана киноварью, причем первая сохранившаяся буква «Н» выведена малым инициалом. Такая запись, пусть и расположенная у корешка, несомненно должна была привлечь к себе внимание. Возможно, писец попробовал перо и чернила, прежде чем выполнить инициал. А возможно, эта запись – напоминание о том, что после завершения работы, кодекс нужно передать великому князю – заказчику и/или читателю. Необходимость в книгах после опустошающего пожара в Москве, устроенного войсками хана Тохтамыша в 1382 г., не вызывает сомнений. Апостол великий князь мог заказать и для себя лично. Данная книга, как и Евангелие, Псалтырь и др., входила в круг чтения образованной части средневекового общества¹⁸⁷. Если верить представленной в Житии Стефана Махрицкого информации, у Дмитрия Ивановича было какое-то количество «своих книг»¹⁸⁸. Часть из них он пожертвовал в основанную прп. Стефаном в 1370 г. Авнежскую пустынь¹⁸⁹.

Следующая рукопись – Слова постнические свт. Василия Великого (Чуд. 10). Судя по записи писца, она была создана в 1388 г. или 1398 г. в скриптории какого-то монастыря¹⁹⁰. Основной текст выполнен полууставом в два столбца. На нижнем поле л. 95 расположена запись: «**господину (к)нязю великому Василию Дмитриеве...**». Она сделана писцом¹⁹¹ мельчайшим полууставом (илл. 1). Данная запись трактуется как эпистолярная¹⁹², маргинальная¹⁹³ или как проба пера¹⁹⁴. Думается, для её создания использовалось другое перо, отличное от того, которым писался основной текст, начерки букв записи – тончайшие. В этом случае теряется весь смысл пробы. По нашему мнению, запись могла быть пометой о «выдаче» книги из монастырской библиотеки великому князю Василию Дмитриевичу или «дарственной» надписью. Данная рукопись представляет собой один из древнейших русских списков южнославянского перевода «Слов постнических» свт. Василия Великого¹⁹⁵ и содержит в качестве заставки изображение автора. Перевод, выполненный во второй половине XIV в.¹⁹⁶, был

¹⁸⁴ Там же. С. 129.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ *Адрианова-Перетц В. П.* К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 4.

¹⁸⁸ РГБ. Ф. 304. I. № 692. Л. 716.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ На л. 216 об. под текстом киноварью: «В лето 6896 (6906?) написаны книги сия замошленьем архимандрита Якима, а писаньем черныца Антонья». О месте создания и датировке рукописи см.: *Тихомиров М. Н.* Записи XIV–XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 13.; *Вздорнов Г. И.* Книгописание и художественное оформление рукописей в московских и подмосковных монастырях до конца первой трети XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 124; *Обитель преподобного Сергия.* Каталог выставки. М., 2014. № 26. Описание сделано Е. И. Серебряковой.

¹⁹¹ *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольищенко В. С.* Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. I // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 176; *Вздорнов Г. И.* Книгописание и художественное оформление рукописей... С. 124.

¹⁹² *Столяровой Л. В.* Свод записей писцов... С. 355.

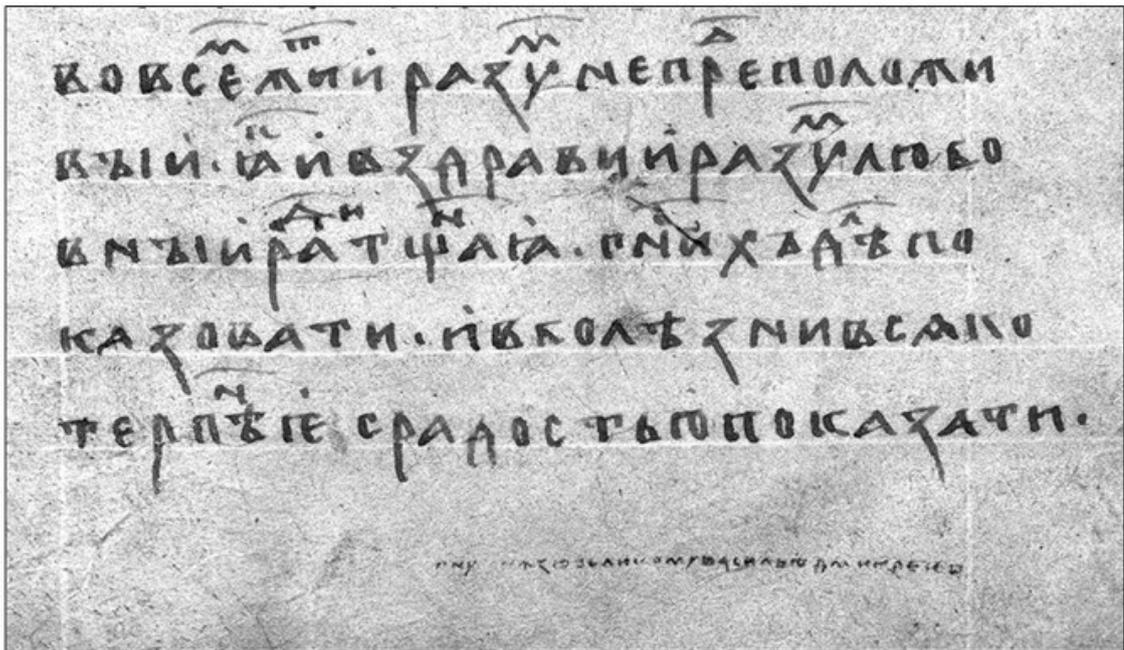
¹⁹³ *Обитель преподобного Сергия...*

¹⁹⁴ *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* Плоды ливанского кедра. М., 2003. С. 71.

¹⁹⁵ *Обитель преподобного Сергия...*

¹⁹⁶ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 15.

новинкой того времени и поэтому мог заинтересовать великого князя (тем более, что наречён он был именно в честь этого святого¹⁹⁷). Книга могла быть преподнесена государю, например, в день его тезоименитства.

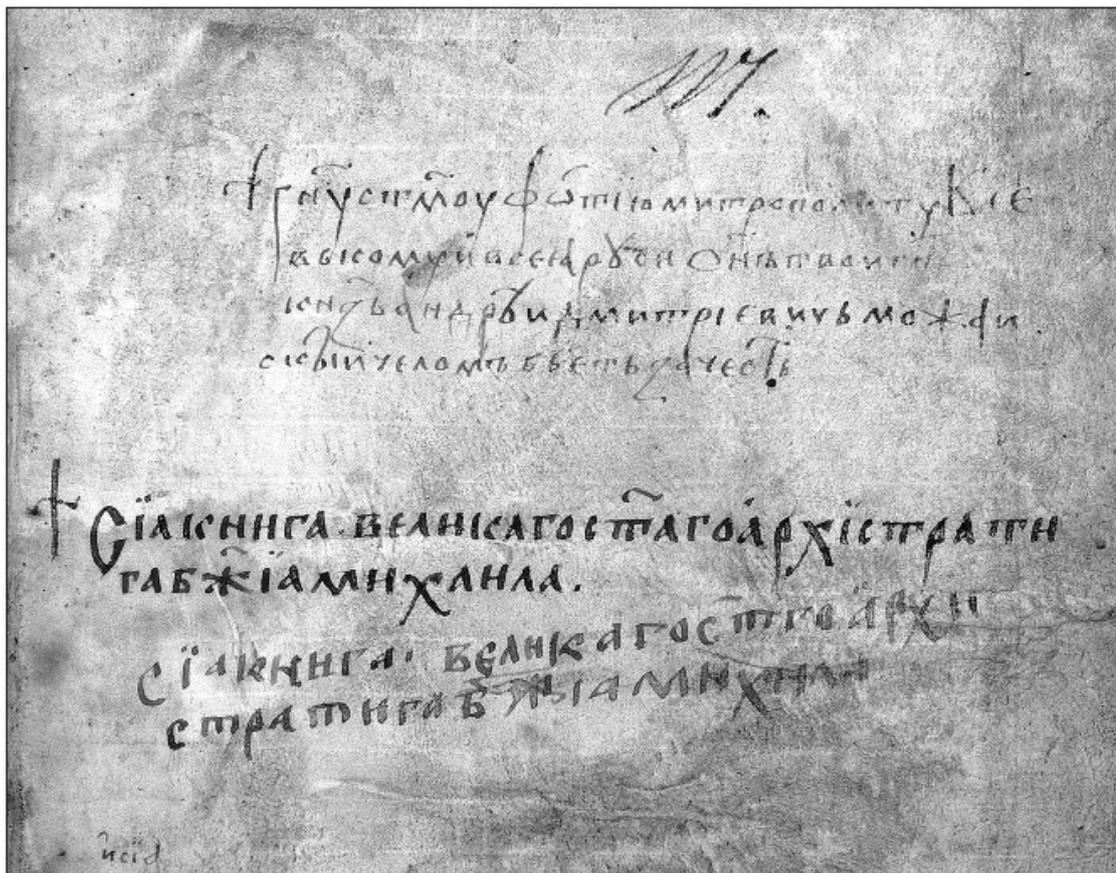

Слова постнические свт. Василия Великого (Чуд. 10). Запись на л. 95

Великий князь Василий Дмитриевич упоминается и в Сборнике поучений и житий святых начала XV в. (Чуд. 19). На л. 117, полууставом того же времени написано: «Господину великому князю Василью Дмитриевичу и Московскому и Володимерскому и Новгородскому. О Пасха велика, велика освященная Христе» (илл. 2). Запись интерпретирована как начало письма к великому князю Василию Дмитриевичу¹⁹⁸. Здесь имеется ещё одна запись с упоминанием другого сына Дмитрия Ивановича – Андрея, написанная полууставом XV в.: «Господину святому Фотию митрополиту Киевскому и всея Руси сын твой господин князь Андрей Дмитриевич Можайский челом бьет за честь».

¹⁹⁷ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 486–487.

¹⁹⁸ Тихомиров М. Н. Записи XIV–XVII вв. на рукописях Чудова монастыря... С. 17.

Сборник поучений и житий святых (Чуд. 19). Запись на л. 117

Записи рассказывают историю бытования рукописи в период с 1410 по 1425 гг., со времени переезда митрополита Фотия в Москву до смерти великого князя Василия Дмитриевича. Сначала Сборник был преподнесён митрополиту братом великого князя Андреем Можайским. Подарок мог быть сделан, например, в связи с основанием Колоцкого монастыря в 1413 г. в вотчине князя¹⁹⁹. Тогда в Москве при участии митрополита происходило торжественное чествование Колоцкого образа Божьей Матери²⁰⁰. Или же – для восполнения возможных утрат в библиотеке митрополита после пожара, уничтожившего его «горницу» в 1414 г.²⁰¹ Позже из библиотеки митрополита Фотия книга могла быть выдана великому князю Василию Дмитриевичу на время или преподнесена в качестве подарка на Пасху или в пасхальную неделю, о чём и была сделана соответствующая запись.

В Лествице прп. Иоанна Синайского (Иоанна Лествичника) конца XIV в. (не позднее 1391–1392 г.) (Чуд. 218), на л. 201 об. среди проб пера полууставом XV в. сделана запись: **«Господину князю великому Василью Дмитриевичу бьет ти челом»**. Компонента «бьет ти челом» позволяет, на наш взгляд, трактовать ее как помету о преподнесении кодекса великому князю по аналогии с представленной выше записью о преподнесении Сборника поучений и житий святых митрополиту Фотию.

В Диоптре инока Филиппа 1388 г. (Чуд. 15), на л. 91 скорописью XV в. читаем: **«г(о)с(по)дину князю великому»**. Запись анонимная и интерпретируется как проба пера²⁰².

¹⁹⁹ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 223.

²⁰⁰ ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 241.

²⁰¹ ПСРЛ. Т. 11. С. 224.

²⁰² *Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 190.

Диоптра инока Филиппа была переведена на славянский язык в середине – второй половине XIV в.²⁰³ Как и Слова постнические свт. Василия Великого (Чуд. 10), она являлась новинкой. Так же, как и Слова, данный русский список Диоптры – один из древнейших. Созданы они были приблизительно в одно время в 1388 г.²⁰⁴ Интересующая нас запись по палеографическим приметам датируется XV в. и не принадлежит писцу²⁰⁵. Сложно представить, что в XV в. кто-то мог взять созданную ранее книгу для того, чтобы «испытать» на ней чернила и перо. Более вероятным, на наш взгляд, выглядит предположение о том, что данная запись – помета о выдаче, либо «дарственная» надпись. Новая книга, содержащая все известные в то время знания о человеке, извлечённые не только из творений святых отцов, но и из произведений античных философов²⁰⁶, несомненно могла заинтересовать великого князя. Вопрос – какого?

В отобранных нами рукописях имеется комплекс созерцательно-аскетической литературы. Это Слова постнические свт. Василия Великого (Чуд. 10), Лествица прп. Иоанна Синайского (Чуд. 218) и Диоптра инока Филиппа (Чуд. 15). Слова и Диоптра – литературные новинки, которые появились на Руси в конце XIV – начале XV вв. вместе с другими южнославянскими переводами. Эти новые книги оказали влияние на развитие русской литературы и культуры²⁰⁷. Нет необходимости рассказывать о месте князей московского дома в культурной жизни, об их связи с образованнейшими людьми своего времени, митрополитами, основателями монастырей, просветителями и т. д. Очевидно, что находясь в такой культурной среде, князья были в курсе движений в интеллектуальной сфере, в том числе посредством знакомства с новыми книгами. Возвращаясь к нашему комплексу из трех книг, отметим, что новыми и особенно актуальными они были именно в великое княжение Василия Дмитриевича. Не даёт ли это оснований для осторожного предположения, что «господин великий князь» в Диоптре – именно Василий Дмитриевич?

В Творениях прп. Иоанна Лествичника 1422–1424 гг. (Усп. бум. 18) на л. IX полууставом XV в. имеется сходная «анонимная» запись: «**г(осподи)ну великому князю**». Книга также являлась новинкой, рассматриваемый список с южнославянского перевода Творений был создан на Афоне²⁰⁸. Вероятно, упоминаемый в записи великий князь – это Василий Васильевич, сын Василия Дмитриевича, сменивший отца на великокняжеском столе в 1425 г.

Племянник великого князя Дмитрия Ивановича князь Семён Владимирович Боровский и Серпуховской упоминается в Требнике первой половины XIV в. (Чуд. 5). На л. 65 мелким полууставом XIV–XV вв. написано: «**Господину князю Семену Володимирович(ю)**».

В своем составе Требник содержит чин исповеди, который по мнению М. В. Корогодина, был создан специально для княжеской исповеди, возможно, духовником одного из князей²⁰⁹. Князь Семён Владимирович умер от чумы в 1426 г., приняв перед смертью постриг в Троице-Сергиевом монастыре. Поскольку в записи указан титул и мирское имя князя, требник, скорее всего, принадлежал ему до пострига²¹⁰. Запись сделана спустя более полувека с момента создания рукописи, мельчайшим полууставом, как и в Чуд. 10, мелко и с первого взгляда незаметно, как аккуратная помета о выдаче.

²⁰³ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси... С. 22; *Прохоров Г. М.* Роль новых переводов византийских религиозных текстов в образовании культуры Московского государства // *Русская агиография: Исследования. материалы. Публикации.* Т. II. СПб., 2011. С. 535.

²⁰⁴ Слова постнические Василия Великого имеют варианты датировки. См. об этом выше.

²⁰⁵ *Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма... С. 190.

²⁰⁶ О Диоптре см.: *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987. С. 60–87.

²⁰⁷ *Тихомиров М. Н.* Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 258.

²⁰⁸ *Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма... С. 194–195.

²⁰⁹ *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв.: исследования и тексты. СПб., 2006. С. 54–55.

²¹⁰ Там же. С. 54.

Итак, среди многочисленных записей в рукописях XIV–XV вв. имеются восемь записей одного типа, содержащие титул или титул и имя лица, в дательном падеже. Форма записей (подразумевается, что кому-то дали что-то), история бытования книг, в которых они представлены, особенности исполнения (киноварь, мелкий полуустав, расположение в книге), позволяют, на наш взгляд, сделать предположение о том, что записи такого типа могли являться пометами о временной выдаче из библиотеки или «дарственными» надписями.

О том, что рукописи свободно перемещались между монастырями в целях копирования, часто – вместе со своими владельцами, хорошо известно по тем же записям на самих книгах. В этом отношении интересна анонимная запись в Словах Федора Студита второй четверти XV в. (Чуд. 238). Возвращая одну книгу, адресант обращается к игумену монастыря (если Чудова, то – Питириму) с просьбой прислать другую: «Да пожалуи, господине игумен, пришли ми книгу Никона»²¹¹.

Думается, что князья московского дома также могли брать книги из монастырских библиотек, которые, кстати сказать, пополнялись в том числе благодаря их вкладам. Знакомству князей с книжными новинками способствовали и личные отношения с основателями обителей, от которых они могли узнавать о новых поступлениях. В «шаговой доступности» от княжеского двора располагался Чудов монастырь, из библиотеки которого происходят пять из семи наших рукописей. О том, что князья находили время для чтения, говорится в Послании прп. Кирилла Белозерского князю Юрию Дмитриевичу: «И ты, господине князь Юрьи, не подиви на нас о сем, понеже, господине, слышу, что божественное Писание сам вконец разумееш и **чтеши**»²¹². В источниках есть информация и о том, что князья сами переписывали книги. Согласно Житию Кирилла Белозерского, князь Андрей Дмитриевич «книгы же, много **написав**, церкви приложи»²¹³.

Князья могли пользоваться и библиотекой митрополитов, которая хранилась в резиденции главы русской церкви в Кремле. Об этом может свидетельствовать рассмотренная выше запись в Сборнике поучений и житий святых (Чуд. 19).

Если представленные в данной работе записи рассматривать как пометы о выдаче из библиотеки или как «дарственные» надписи, можно составить представление о круге чтения великого князя Дмитрия Ивановича и его семьи. Он состоял из хорошо знакомых «классических» книг церковного круга (F 19–16), книг, интерес к которым был вызван определенными жизненными обстоятельствами (Чуд. 5) и книжных новинок, отражающих актуальные тенденции культурной жизни своего времени (Чуд. 10, 15, 19, 218, Усп. бум. 18). Надо полагать, что уровень образованности представителей московского княжеского дома был достаточно высоким не только для знакомства с последними тенденциями в интеллектуальной сфере, но и для их осмысления. Приведённые данные лишний раз указывают на вовлечённость московского великокняжеского семейства конца XIV – первой половины XV в. в духовную, интеллектуальную и культурную жизнь своего времени.

²¹¹ ГИМ. Чуд. 238. Л. 105 об.

²¹² Того же чудотворца Кирилла послание ко князю Юрию Дмитриевичу // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 430.

²¹³ Житие Кирилла Белозерского // БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. С. 190.

Кирилл Белозерский в Симоновом монастыре: штрихи к биографии святого

А. В. НОСОВ²¹⁴

Cyril Belozersky in the Simonov Monastery: Touches to the Biography of the Saint

Annotation. The article attempts to clarify some episodes of the biography of Cyril Belozersky during his stay in the Simonov monastery. The work explores questions about the time of the coming of the ven. Cyril to Simonov monastery, about the period of his abbacy, about his conflict with the new Archimandrite Sergei Kazakov, as well about the reasons for his leaving to Beloozero. Thus the article demonstrates the possibilities of Hagiography as a historical source.

Key words: Cyril of Beloozero, Simonov monastery, hagiography, obedience, archimandrites, 14th century.

Создание Симонова монастыря было связано с волей великого князя Московского Дмитрия Ивановича. Он повелел преподобному Сергию Радонежскому основать близ Москвы новую общежитийную обитель в духе тех, что возникали во второй половине XIV в. вследствие «монастырской реформы» митрополита Алексия и личного стремления благочестивых иноков. В те годы появление новых обителей имело не только духовное, но и политическое значение. По словам Н. С. Борисова, «монастыри должны были стать опорными пунктами московского влияния в масштабах всей страны»²¹⁵.

Сергий Радонежский поручил создание обители своему племяннику Феодору, который уже давно желал основать монастырь²¹⁶. Около 1370 г. вместе с несколькими монахами Троицкого монастыря он обнаружил подходящее место на берегу реки в пяти-шести вёрстах от Москвы. Сергий пришёл туда проверить пригодность местности для иноческой жизни и благословил основание обители. Вскоре там была выстроена и освящена церковь в честь Рождества Богородицы, и по завету своего дяди молодой игумен Феодор ввёл в монастыре общежитийный устав²¹⁷. Спустя некоторое время Феодор перебрался в лес за монастырской оградой в поисках уединения. За ним последовала братия, которая вокруг кельи настоятеля возвела новые монастырские постройки. В 1379 г. туда окончательно перенесли обитель, посвящённую отныне Успению Богоматери. Феодор оставался настоятелем в «Новом Симонове» до своей архиерейской хиротонии в 1387 г.²¹⁸

Именно в Успенском Симоновом монастыре принял постриг Козьма, будущий преподобный Кирилл Белозерский – одна из ярчайших звёзд на небосводе Северной Фиваиды. Исследователям до сих пор не так много известно о симоновском периоде жизни Кирилла. Нет ясности в вопросах о времени его прихода в Симонов монастырь, о периоде его настоятельства, о кон-

²¹⁴ Носов Артём Владимирович (Artem V. Nosov); специалист по учебно-методической работе кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; js32r@yandex.ru.

²¹⁵ Борисов Н. С. Русская Церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 87–88.

²¹⁶ Первая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского // Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского: Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты. М., 1998. С. 366; Кучкин В. А. Начало московского Симонова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 116.

²¹⁷ Первая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского... С. 367; Кудрявцев М. История православного монашества со времен Сергия Радонежского. М., 1999. С. 128–129.

²¹⁸ Голубинский Е. Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., 1909. С. 76–77, 85.

фликте с новым архимандритом Сергием Азаковым, а также о причинах ухода на Белоозеро. Пристальное внимание к памятникам агиографии позволяет выдвинуть ряд предположений, которые подробнее освещают детали биографии Кирилла Белозерского.

Искушённого мирскими заботами Козьму, сорокатрёхлетнего казначея боярина Тимофея Вельяминова, привёл в Симоново Стефан Махрицкий – собеседник Сергия Радонежского²¹⁹. Н. К. Никольский попытался установить время этого события. На основе житийных и летописных известий исследователь изучил имеющиеся датировки, связанные с жизнью Кирилла в Симонове, и заключил, что Козьма мог прийти в монастырь не позднее 8 сентября 1380 г., поскольку в тот день на Куликовом поле погиб окольничий Тимофей Вельяминов, у которого он служил²²⁰. Н. К. Никольский также отметил, что Кирилл принял священство после девяти лет пребывания в Симонове²²¹. Видимо, вскоре он стал архимандритом монастыря: согласно Житию Феодора Ростовского, на похоронах Дмитрия Донского 19 мая 1389 г. присутствовал и «Кирилль, архимандрит Симаковский»²²².

Несмотря на убедительность построения этой датировки, её слабым местом является житийное указание на девятилетнее послушание Кирилла. И дело здесь не в трафаретном употреблении чисел в агиографии. Напротив, маловероятно, что число девять в данном случае представляет собой часть нумерологического замысла агиографа, вложившего в сочетание чисел и событий скрытый подтекст: подобно тому, как искусно Епифаний Премудрый оформил в Житии Сергия Радонежского тринитарную концепцию²²³. Исследователи Жития Кирилла Белозерского не выявили в памятнике схожих идей²²⁴, автору настоящей статьи это так же не удалось. В. М. Кириллин в основательном труде о символике чисел в древнерусской литературе не рассматривал значение числа девять и варианты его употребления средневековыми книжниками. Филолог отмечал тесную связь богослужебных текстов с нумерологией. Число молитв, возгласов, словесных повторов, припевов, поклонов было строго определено – 3, 7, 9, 12, 40. Эта литургическая данность влияла, в том числе, и на древнерусскую литературу. Однако это влияние не было повсеместным: такие числа в памятниках могли быть не только этикетными, но и реальными²²⁵. В свою очередь, Г. М. Прохоров отмечал насыщенность Жития Кирилла конкретными историческими сведениями²²⁶. Поэтому можно допустить достоверность указания Пахомия Логофета на девятилетнее послушание Кирилла.

В Житии Кирилла Белозерского говорится, что святой девять лет трудился в монастырской хлебне и поварне не до своего рукоположения, а включая время, когда он приходил туда даже будучи священником²²⁷. С осторожностью можно предположить, что преподоб-

²¹⁹ Житие Кирилла Белозерского // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Сост. Г. М. Прохоров. СПб., 1994. С. 56–62; *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017. С. 33.

²²⁰ Есть версия, что вместо Т. В. Вельяминова в битве пал Тимофей Васильевич Волуй, а летописные записи о смерти Вельяминова попали в летописи по ошибке; См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служивых землевладельцев. М., 1969. С. 216.

²²¹ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). М., 1897. Т. 1. Вып. 1. С. 12–13.

²²² Там же. С. 14.

²²³ См. *Гришин В. А.* Сюжет и авторские принципы повествования в агиографических произведениях Епифания Премудрого // Филологический сборник. Алма-Ата, 1973. Вып. XII. С. 84–85; *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). М., 2000. С. 174–221.

²²⁴ *Прохоров Г. М.* Пахомий Серб (Логофет) // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 173; *Карбасова Т. Б.* Кирилл Белозерский (агиографические источники) // ПЭ. М., 2014. Т. 34. С. 318–319.

²²⁵ *Кириллин В. М.* Символика чисел... С. 51–52, 82, 123–124, 130; *Лаушкин А. В.* Морские расстояния в Житии прпп. Зосимы и Савватия Соловецких // Вестник Университета Дмитрия Пожарского (в печати).

²²⁶ *Прохоров Г. М.* Пахомий Серб (Логофет)... С. 173.

²²⁷ Житие Кирилла Белозерского... С. 68–70: «Помалъ же убо настоатель паки и в поварню посылаетъ его братиамаъ службу съвршати <...> Пребысть же святыи в той службѣ 9 лѣтъ въ всякомъ въздержании и злостраданияхъ <...> Посемъ же повелѣниемъ настоателя и священству сподобляется. И служаше по недѣлямъ, яко-же и прочии священници. И егда простъ бываше

ный оставил данное послушание, став архимандритом: при описании настоятельства Кирилла агиограф ни разу не сообщает о его работах в поварне или хлебне²²⁸. Упоминание послушания в поварне в житиях преподобных нередко сопровождается элементами агиографической топики, призванной показать все тяжести начала иноческого пути – как физические, так и нравственные²²⁹. В Житии Кирилла присутствуют все эти черты. Но реалистичный характер описания послушания святого в Симоновом монастыре побуждает видеть в этом топосе не только дань литературному этикету. Кирилл носил воду в поварню, колол дрова для растопки печи, следил за поддержанием огня и подавал свежеспечённый хлеб братии за общей трапезой²³⁰. Такое послушание испытывало волю человека, решившегося встать на путь иноческого подвига. Опытный и духовно закалённый настоятель монастыря вряд ли мог трудиться в поварне. Исключение составляет казус из истории Кирилло-Белозерского монастыря, который агиограф специально оговаривает. Кирилл по обычаю посещал поварню, чтобы посмотреть за ходом приготовления угощений, а иногда и сам принимался помогать инокам готовить различные блюда – в память о своём послушании в Симоновом монастыре²³¹.

Соответственно, вернее будет расценивать упомянутые в Житии девять лет как время между началом послушаний Кирилла и его настоятельством в Симонове.

Сопоставление свидетельств Пахомиева и Краткого Жития Кирилла Белозерского также свидетельствует в пользу предположения, что в девятилетний период послушания преподобного следует включать и его иерейскую хиротонию. Согласно Краткому Житию, Кирилл «понуждень же бысть от отца своего прияти священство, и не хотя повинуся на се»²³². Речь идет о старце Михаиле – духовном наставнике преподобного, впоследствии рукоположенном на Смоленскую кафедру²³³. Вероятно, Кирилл стал иеромонахом до того, как Михаил покинул Симоново в 1383 г. Феодор следил за тем, как происходит становление Кирилла в монашестве, поэтому мог с радостью благословить его иерейскую хиротонию.

В 1387 г. архимандрит Феодор поехал в Константинополь, чтобы свидетельствовать против митрополита Пимена. Однако в какой-то момент Феодор и Пимен сговариваются и бегут из Царьграда в Малую Азию, откуда возвращаются в Москву в 1388 г. Во время этого путешествия Пимен возвёл Феодора в сан епископа Ростовского²³⁴. Поэтому в 1388 г. Симоновская обитель должна была избрать себе нового настоятеля, которым стал Кирилл. Учитывая предшествующее девятилетнее послушание преподобного, его приход в Симоново стоит датировать около 1379 г. Такая дата не противоречит и крайней возможной – 8 сентября 1380 г. Козьма не мог прийти в Симоново и раньше 1379 г., поскольку агиограф называет монастырь Успенским – это Новое Симоново, возникшее именно в этом году²³⁵.

Став архимандритом обители около 1388 г., Кирилл вкладывал много сил в управление монастырём и в духовные беседы с «многими князьями и вельможами», приходившими к нему. Но вскоре он оставил настоятельство и удалился в келью для продолжения молитвенного подвига и воздержания: «безмольствовати начять, никоеже ими попечение от внѣшних»²³⁶.

чредина своего, паки в поварню отхождаше и службу съврышаше, якоже и прежде. И тако многа времена бяше тружаяся».

²²⁸ Житие Кирилла Белозерского... С. 70.

²²⁹ *Водолазкин Е. Г.* Монастырский быт в агиографическом изображении («поварня» древнерусских житий) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 230–231; *Руди Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 474.

²³⁰ Житие Кирилла Белозерского... С. 64.

²³¹ Там же. С. 90.

²³² Краткое Житие Кирилла Белозерского // *Карбасова Т. Б., Шевченко Е. Э.* Краткое Житие Кирилла Белозерского // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. М., 2014. С. 48.

²³³ Житие Кирилла Белозерского... С. 62–64; *Романенко Е. В., Шибанов М. А.* Кирилл Белозерский (биография) // ПЭ. М., 2014. Т. 34. С. 322.

²³⁴ *Голубицкий Е. Е.* Преподобный Сергей Радонежский... С. 77, 85; *Кучкин В. А.* Начало московского... С. 118.

²³⁵ *Борисов Н. С.* Сергей Радонежский... С. 124.

²³⁶ Житие Кирилла Белозерского... С. 70.

Мог ли агиограф понимать под этим затвор? Прежде на послушании в поварне Кирилл часто размышлял над негасимым адским пламенем, глядя на огонь в печи: «Терпи, Ки-рииле, огонь съи, да сим огнем тамошняго възможещи избѣжати»²³⁷. В этой проникновенной фразе отражена вся тяжесть его внутренней борьбы. Теперь же она окрасилась в тона близкие к его доиноческой жизни: мирские заботы, от которых он некогда бежал, вновь окутали архимандрита. Вероятно, тогда он осознал, что должен оставить настоятельство ради сохранения и преумножения благодатных плодов духовного подвига.

В связи с уходом Кирилла братия монастыря возвела на архимандритию Сергия Азакова, который затем руководил обителью с 1390 по 1409 гг. Вероятно, он был членом скандального посольства архимандрита Михаила (Митяя) в Константинополь в 1379–1381 гг.²³⁸, а с 1389 г. около 12 месяцев являлся настоятелем Ново-Спасского монастыря в Москве. Впоследствии Сергей Азаков занимал Рязанскую епископскую кафедру²³⁹.

Житие сообщает, что Азаков с завистью наблюдал за тем, как люди продолжали идти за советом к Кириллу, избегая бесед с новым настоятелем: «...вси прихождаху к нему [к прп. Кириллу – А. Н.] от различныхъ странъ и градовъ ползы ради»²⁴⁰. Чтобы не раздражать нового архимандрита и не гневаться самому, Кирилл переселился в старый Симоновский монастырь в честь Рождества Богородицы, где спустя время стал свидетелем знамения, указавшего на место возведения Белозерского монастыря²⁴¹.

Митрополит Макарий (Булгаков) считал, что настоятели, следовавшие за Кириллом, пренебрегали монастырским уставом, нарушали обычаи и предания двух первых настоятелей, поэтому ревностные старцы нередко обличали их в этих поступках²⁴². Н. К. Никольский также полагал, что окончательно оставить Симонов монастырь Кирилла побудили многочисленные нарушения монастырского устава при Сергии Азакове²⁴³.

Эту идею допустимо подтвердить иными аргументами. В житийном описании ухода Кирилла в Рождественский монастырь Пахомий Логофет специально отмечает, что преподобный «не оскорбися, ни же тому пререкова [не перечил – А. Н.], ни гнѣву мѣсто дасть»²⁴⁴. Если следовать мысли агиографа, у Кирилла был повод дать волю обиде и гневу. Поэтому данная фраза позволяет судить о наличии не упомянутого в Житии конфликта между иноками. Маловероятно, что братия спокойно отпустила бы из нового Симонова монастыря своего бывшего архимандрита, следовавшего заветам основателя обители, из-за тщеславия нового настоятеля.

Если взглянуть на целостный образ Кирилла Белозерского в его Житии, становится понятным, почему агиограф не мог писать о его участии в подразумеваемых горячих спорах с новым архимандритом. Кирилл был ориентирован на высокое иноческое житие, живым воплощением которого были Сергей Радонежский, святитель Феодор и святитель Михаил²⁴⁵. Присущий им умеренный аскетизм и соблюдение жесткого иноческого устава в сочетании с нисхождением к слабостям братии Кирилл сохранил в своём сердце и затем утвердил в Кирилло-

²³⁷ Там же. С. 66.

²³⁸ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978. Прил. III. С. 222.

²³⁹ Здравомыслов К. Я. Сергей Азаков // Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. 18. С. 360.

²⁴⁰ Житие Кирилла Белозерского... С. 72.

²⁴¹ Там же; Борисов Н. С. Возвышение Москвы. М., 2011. С. 433.

²⁴² Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3. Т. 4. С. 141.

²⁴³ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь... С. 15.

²⁴⁴ Житие Кирилла Белозерского... С. 72.

²⁴⁵ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 157–159; Прохоров Г. М. Преподобный Кирилл Белозерский – деятель православного возрождения // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994. С. 19–20; Борисов Н. С. Возвышение Москвы... С. 432–433.

Белозерском монастыре, который ещё долго хранил заветы преподобного, несмотря на непростую историю этой великой северной обители²⁴⁶.

Упоминание ухода Кирилла сначала в Старое Симоново и затем на Вологодчину перекликается с известным сюжетом из Жития Сергия Радонежского. В результате конфликта в Троицком монастыре со своим братом Стефаном Сергей ушел на Киржач, где основал новую обитель около 1355–1357 гг.²⁴⁷ Будучи автором нескольких редакций Жития Сергия Радонежского²⁴⁸, Пахомий Логофет мог сознательно описать рассматриваемые события в Симонове в Житии Кирилла Белозерского схожим образом. Однако не следует видеть за этим лишь литературную конструкцию. Знаменитый агиограф таким образом выразил духовную близость Кирилла с Сергием Радонежским и Сергиевской монашеской традицией в её кротости, смирении и незлобии.

Исходя из вышеизложенного, стоит обратиться к житийному повествованию о причинах ухода Кирилла на Белоозеро. В центре внимания два близких по времени варианта памятника – собственно Пахомиево Житие (1462 г.)²⁴⁹ и Краткое Житие Кирилла Белозерского (рубеж XV–XVI вв.)²⁵⁰. Пахомиево Житие сообщает, что после поселения в Старом Симонове Кирилл продолжал мечтать о безмолвии: «Помышляше же се еже нѣгде далече от мира уединитися и тамо безмолствовати»²⁵¹. Краткое Житие не упоминает настоятельства Сергия Азакова и характеризует уход Кирилла в Старое Симоново как стремление к безмолвию. Далее в обоих текстах следует описание чудесного явления, когда Богородица указала Кириллу путь на Белоозеро. В тексте Пахомия даётся ретроспективный взгляд на это событие: отмеченное Богородицей место подвижничества Кирилла совпадает с местом будущей обители. Краткое Житие напротив повествует о явлении как о результате долгих молитвенных размышлений Кирилла о безмолвии²⁵². Комментируя знамение, агиограф не упоминает о будущей обители:

Пахомиево Житие Кирилла Белозерского	Краткое Житие Кирилла Белозерского
«...абие слышит гласъ глаголющъ: «Кирилле, изыде отсюда и иди на Бѣлоозеро, тамо бо уготовах ти мѣсто, в немже можеши спастися». И абие съ гласом онѣм свѣт велий явися тогда. Отворив же оконце кѣлин, видит свѣт, снающъ къ полунощнымъ странамъ Бѣлаго езера. И гласом онѣм, яко перстом, показаше мѣсто то, идѣже и нынѣ монастырь стоит» ⁵ .	«И абие слышитъ гласъ, глаголющъ ему: “Кирилле, иди на Белоозеро — и добръ покои обрящеши”. Отворив же оконце келна, зрять свѣтопролитие велие, съ небесе снающе ко странамъ сѣвернымъ, идеже есть Белоозеро, и якоже перстомъ показующе ему мѣсто вселения его» ⁶ .

⁵ Житие Кирилла Белозерского... С. 72–74.

⁶ Краткое Житие Кирилла Белозерского... С. 49.

²⁴⁶ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь... С. 15; Борисов Н. С. Возвышение Москвы... С. 435.

²⁴⁷ Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский... С. 39; Борисов Н. С. Сергей Радонежский... С. 119, 287.

²⁴⁸ Прохоров Г. М. Пахомий Серб (Логофет)... С. 171.

²⁴⁹ Там же. С. 173.

²⁵⁰ Карбасова Т. Б., Шевченко Е. Э. Краткое Житие... С. 31.

²⁵¹ Житие Кирилла Белозерского... С. 72.

²⁵² Карбасова Т. Б., Шевченко Е. Э. Краткое Житие... С. 10.

Именно это известие Краткого Жития позволило Н. К. Никольскому сформулировать вывод о цели ухода Кирилла на Белоозеро: «Оставляя Симонов монастырь, преподобный Кирилл не думал о созидании новой обители», – он хотел найти место для безмолвия и уединения²⁵³. Действительно ли Кирилл искал только отшельнической тишины?

Во-первых, ввиду краткости изложения Краткое Житие не предполагает подробного описания всех значимых исторических или легендарных фактов биографии святого. Во-вторых, если Пахомий Серб позволил себе осторожно обозначить конфликтные сцены, то автор Краткого Жития старался полностью их избежать²⁵⁴. В-третьих, агиографический канон предполагает создание образа преподобного, ушедшего в пустыню именно ради уединения и безмолвия, а не по причине восстановления преданной забвению монашеской традиции. Жизнь Кирилла Белозерского в собственной обители на берегу Сиверского озера трудно назвать уединенной²⁵⁵: около 30 лет его окружали ученики, постоянно приходившие жители окрестных деревень и знатные особы – все они постоянно нуждались в совете и молитве старца. Житие Кирилла, повествуя о первых годах жизни святого на Белоозере, сообщает о непростой духовной брани преподобного с бесами и противниками монастырского строительства²⁵⁶. Ожесточенное противостояние Кирилла силам зла нельзя связать с обретением покоя. Кроме того, житийные описания борьбы Кирилла созвучны сюжетам о духовной брани других подвижников Русского Севера XIV–XV вв., что позволяет искать в них исторические корни, а не только литературные заимствования²⁵⁷.

По мнению исследователя Жития Кирилла Белозерского Г. М. Прохорова, хотя Житие и сообщает о побуждениях преподобного уйти на Белоозеро как о чисто «персонально-аскетических», святой не мог не понимать, что первоначальное обретение безмолвия влекло за собой и появление новой обители²⁵⁸. Поэтому есть основания полагать, что Кирилл Белозерский, уходя из Симонова монастыря на Белоозеро, в какой-то степени рассчитывал на создание новой обители, в которой он смог бы зажечь огонь Сергиевской монашеской традиции.

²⁵³ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь... С. 18.

²⁵⁴ Карбасова Т. Б., Шевченко Е. Э. Краткое Житие... С. 11.

²⁵⁵ Борисов Н. С. Возвышение Москвы... С. 434.

²⁵⁶ Житие Кирилла Белозерского... С. 76–84; Федотов Г. П. Святые Древней Руси... С. 157–159.

²⁵⁷ См.: Носов А. В. Основатели монастырей и практики сакрализации пространства Русского Севера в конце XIV – первой четверти XV вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6. С. 56.

²⁵⁸ Прохоров Г. М. Преподобный Кирилл... С. 19–20.

Влияние сочинений Нила Сорского на богословские труды митрополита Даниила

Ю. С. СТАРИКОВ²⁵⁹

Influence of the Writings of Nil Sorsky on the Theological Works of Metropolitan Daniel

Annotation. The article is devoted to the problems of literary polemics in the first quarter of the 16th century. The author has studied many literary works of Metropolitan Daniel. An attempt is made to identify the main literary traditions that influenced his work.

Key words: Metropolitan Daniel, Nil Sorsky, non-possessors, Josephites, the controversy in the Russian church of the first third of the 16th century.

Литературные труды митрополита Московского Даниила (1522–1539) занимают важное место в истории русской средневековой книжности. Его перу принадлежит несколько десятков сочинений, которые условно можно разделить на две большие группы. Первую группу составляют полемические сочинения, не имеющие определенного адресата. Шестнадцать таких произведений (слов) были собраны Даниилом в «Соборник», сохранившийся в шести списках XVI–XIX вв. Вторая группа сочинений включает комплекс пастырских посланий и поучений, адресованных разным лицам. Четырнадцать посланий были объединены в «Сборник» (известен по семи спискам XVI–XIX вв.), остальные разрозненно распространялись в рукописной традиции Волоколамского монастыря на протяжении XVI в.

Традиционно сочинения Даниила рассматривались как составная часть иосифлянкой литературы. Крупнейшему биографу Даниила В. И. Жмакину удалось выявить прямую зависимость некоторых посланий митрополита от «Просветителя» и монастырского устава Иосифа Волоцкого²⁶⁰. Наблюдения над текстами этих сочинений показывают, что Даниил действительно заимствовал фрагменты из трудов своего учителя как при написании авторского текста²⁶¹, так и в ряду цитат из святоотеческих творений (под заглавием «От иных книг»)²⁶². Вместе с тем, в сочинениях Даниила отчётливо прослеживается влияние и литературной традиции нестяжателей.

Наблюдения Б. М. Клосса над организацией ритмичности речи в трудах книжников начала XVI в. косвенно подтверждают близость богословских трудов Нила Сорского и митрополита Даниила. Для сочинений каждого автора исследователем был рассчитан коэффициент однородности (К), определяемый как отношение числа однородных членов предложения к общему числу слов в авторском тексте. В результате подсчётов оказалось, что самый высокий показатель однородности наблюдается в сочинениях Даниила (К = 0,20–0,55) и приближаются к нему только Нил Сорский (К = 0,22–0,33) и Максим Грек (К = 0,20–0,34), в то время как

²⁵⁹ Стариков Юрий Сергеевич (Yurii S. Starikov); кандидат исторических наук; georgy.starikov@yandex.ru.

²⁶⁰ Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 687–690.

²⁶¹ Так, текст послания Даниила «О благочинии и крепости монастырского устава» (Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. Приложения. С. 39–44) в большей части составлен на основе первой, второй, четвёртой и пятой глав Устава Иосифа Волоцкого (Великие Минеи Четьи. СПб., 1868. Сентябрь 1–13. С. 506–529).

²⁶² РГБ. Ф. 173/1 (Фундаментальное собр. библиотеки МДА). № 197. Л. 114–115.

показатель других авторов значительно ниже (у Иосифа Волоцкого $K = 0,11-0,25$, у Вассиана Патрикеева $K = 0,16-0,25$)²⁶³.

Стилистическая близость сочинений Даниила к трудам Нила Сорского объяснима. Во-первых, митрополит был хорошо знаком с творениями преподобного: он нередко обращался к его текстам при написании собственных трудов, редактируя их. Во-вторых, об этом свидетельствует общий круг святоотеческих текстов, цитируемых обоими авторами (творения Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова, Василия Великого, Исаака Сирина и Исихия Иерусалимского).

Знакомство митрополита Даниила с заволжскими рукописями началось в стенах Волоколамского монастыря. В 1513–1514 гг. Нил Полев привез в обитель составленный Нилом Сорским сборник житий греческих святых²⁶⁴. Даниил часто обращался к этому труду и, по всей видимости, знал, кто был его автором²⁶⁵. В 1520-е гг. в митрополичьем скриптории с волоколамских рукописей сборника были сняты копии²⁶⁶, которые Даниил использовал в своих сочинениях. В частности, предисловие Нила к сборнику житий было положено им в основу предисловия «Сборника» слов. Даниил заимствует и несколько развивает призыв Нила к читателям:

²⁶³ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 113–116.

²⁶⁴ ГИМ. Волоколамское собр. № 630; ГЛМ. № 126.

²⁶⁵ В списке ГЛМ. № 126 на л. 253 об. рукой Нила Полева сделана приписка об авторстве Нила Сорского.

²⁶⁶ РГБ. Ф. 304/1 (Главное собр. биб-ки ТСЛ). № 684; Ф. 173/1 (Фундаментальное собр. библиотеки МДА). № 207.

«Соборник» житий Нила Сорского (Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. СПб., 2011)	«Соборник» слов митрополита Даниила (РГБ. Ф. 173/1. № 197)
<p>Аз же что написах — и аще кая обрящутся в тех несъгласна разуму истинны, и аз о сих прощения прошу. А хто имат сиа переписовати, или прочитати, да не переписовати, или прочитати, да не переписует тако, ни прочитате, но истинное пишет и глаголет, еже есть угодно Богу и полезно души, понеже яз грешный тако хочу.</p> <p>И не токмо еже zde написах, но и инде что писах и глаголах — и аще что обрящется в тех негодно Богу и негодно души, ради моего неразумия и невежества, и о сих молю, да не творит кто тако, но лучшее да творит, еже благоугодно Богу и полезно души, и аз о сем радуюся (с. 254).</p>	<p>И о сем же молю прочитающих, и переписующих, да не завистным мудрованием, завистным лжебратием языки поострит кто на укорение божественных писании, не от себе бо сиа писах, но от божественных писании събрах к вашей душевней пользе. Да не по фарисейскому лицемерию проныриве презорствовав многообразне похулит кто и себе осужение и срамоту исходатаиствует, но да глаголет, и прочитает, и пишет праведно и истинно, яже есть угодно Богу и полезно душам.</p> <p>Аще ли ж что обрящется в тех негодно Богу и негодно души, ради моего неразумия и невежества, и аз о сих всех вас молю, и прощения прошу, да не послушает, ни да творит кто тако по моему безумию сотворенных, но лучшее да творит, яже есть благоугодно Богу и полезно души, и аз о сем благодарю Бога и вашу истинную нелицестную любовь, и радуюся купно с вашим любомудрием (л. 4 об. –5).</p>

Жития, представленные в сборнике преподобного Нила, пригодились Даниилу при написании ряда архипастырских посланий. Так, в послании епископам «Яко идеже суть иноци, да не пребывают тамо голоусыа» митрополит в строжайшей форме запрещает постригать юношей («голоусых»). Тех, кто уже принял постриг, Даниил предписывает отправлять в монастыри, «хранящие благочиние и крепость», и содержать там в весьма суровых условиях²⁶⁷. Свой запрет митрополит аргументирует рядом святоотеческих свидетельств, в числе которых приводится отрывок из жития Саввы Освященного и Евфимия Великого – того самого жития, которое содержится в сборнике Нила Сорского²⁶⁸ и повествует о древней практике воспитания новоначальных («голоусых») иноков исключительно в общежительных монастырях.

В 1539 г. Даниил был вынужден оставить кафедру и поселиться в Волоколамском монастыре. Там он вновь обратился к агиографическому сборнику Нила Сорского. В рукописи

²⁶⁷ Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в. // Летопись занятий археографической комиссии. СПб., 1909. Вып. 21. С. 92.

²⁶⁸ РГБ. Ф. 304/1 (Главное собр. биб-ки ТСЛ). № 684. Л. 224.

ГЛМ. № 126 Б. М. Клосс выявил автографы Даниила (вставки на лл. 127, 127 об., 128 об.) По наблюдениям учёного, митрополит редактировал сборник вскоре после оставления кафедры: внесенные им дополнения отсутствуют в копиях 1520-х гг. (МДА. № 207), однако входят в текст новой копии 1540-х гг.²⁶⁹

К более значительным в содержательном плане заимствованиям из сочинений Нила Сорского Даниил прибегает, рассуждая об «умном делании». Эту проблему митрополит затрагивает в ряде пастырских посланий монашествующим, где говорит о необходимости иметь «умное хранение»²⁷⁰, «безмолвие» и «печаль смысла»²⁷¹, «собрание мыслей от парения и пленения», «затворять» ум в словах молитвы²⁷². Более подробно методика «умного хранения» раскрыта Даниилом в послании «Какое освободиться от пленения ума» епископу Суздальскому и Тарусскому Геннадию. Это сочинение было обнаружено в 1909 г. в числе открытых В. Г. Дружининым посланий и потому не было известно историкам XIX в., которые полагали, что авторам «иосифлянского» направления были чужды идеалы исихазма.

В изложении митрополита монашеское делание включает в себя следующие аспекты: 1) Непрестанное чтение «божественных писаний»; 2) Рукоделие; 3) Молитва и безмолвие. Пояснение третьего пункта приведено в послании в виде авторского рассуждения (в отличие от первых двух пунктов, где использован набор святоотеческих цитат). Основу молитвенного подвига Даниил видит в чтении Иисусовой молитвы. Она должна читаться «со вниманием и желанием теплым», ум должен быть свободен от всех других мыслей и образов. Затворять ум в молитве можно при любом положении тела, однако следует соблюдать технику дыхания («И дыхание елико мощно, да не часто дышеш»). Когда же «ум, и тело, и сердце възболит», следует обратиться к чтению псалмов, тропарей и рукоделию, не забывая при этом ум и сердце «затворять в глаголемых» и бороться с посторонними помыслами. В заключении Даниил называет эту технику «деланием» («да будет делание твое в терпении мнозе»)²⁷³.

Рассуждения митрополита о чтении Иисусовой молитвы имеют прямую связь с Уставом Нила Сорского. Можно допустить, что причина этого кроется в использовании авторами одних и тех же источников – «Лествицы», творений Симеона Нового Богослова и Григория Синаита. Однако сопоставление послания «Какое освободиться от пленения ума» с текстом второй главы Устава свидетельствует о текстуальной зависимости сочинения Даниила от труда Нила Сорского даже при цитировании святых отцов. Это говорит о том, что Даниил не только обращался к Уставу (список которого находился в Волоколамском монастыре и был ему доступен²⁷⁴), но и заимствовал из него ключевые фрагменты:

²⁶⁹ ГИМ. Волоколамское собр. № 633; Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 92.

²⁷⁰ РНБ. Софийское собр. № 1281. Л. 273 об. –274.

²⁷¹ Дружинин В. Г. Несколько неизвестных... С. 62, 65.

²⁷² Там же. С. 58.

²⁷³ Там же. С. 70–71.

²⁷⁴ Сборник со «Словом о мысленном делании», согласно описи 1545 г., числился среди «списаний» Нила Сорского в библиотеке Волоколамского монастыря (см.: Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 32).

<p>Устав Нила Сорского (Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. СПб., 2011)</p>	<p>Послание Даниила «Как о освобождатися от плененна умна» (Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в. // Летопись занятий археографи- ческой комиссии. СПб., 1909. Вып. 21)</p>
<p>И тако глаголи прилежно, аще стоа, или седа, или и лежа, и ум в сердци затворяй и дыхание держа елико мощно, да не часто дышеша, якоже глаголет Симеон Новый Богослов. И Григорий Синаит: «Призывай Господа Исуса желателне и тръпеливне, и пождателне, отвращааясь всех помысл (с. 110).</p>	<p>... моляся Богови ... или стоя, или шествуя, или седа, или лежа ум трозвено в молитве затворяй, или в некое поучение, яже о Христе, и дыхание держи елико мощно, да не часто дышеша, и молись прилежне, и желанне, и терпеливне, и пождателне, якоже реша святни отци Симион Новый Богослов и Григорей Синаит (с. 70).</p>
<p>А еже рекоша сии святни держати дыхание, еже не часто дыхати, и искус въскоре научит, яко зело ползует къ събранию умному (с. 110).</p>	<p>... а еже держати дыхание реша, еже есть не часто дыхати, искус въскоре научит хотящаго, яко зело ползует к собранию умному (с. 71).</p>
<p>И аще блага разумениа явятся вещей неких, не внемли тем, но держи въздыхание якоже мощно и, ум в сердци затворяявъ место оружиа призывай Господа Исуса часто и прилежно (с. 110).</p>	<p>Аще ли помыслы възтают и смущают, и пленуют ума, не изнемогай, ни уньвай, но держи дыхание, якоже мощно и ум в сердци събираа в глаголемых затворяй и борися (с. 71).</p>
<p>...и святого Ефрема, глаголюща «Боли, болезнь болезнено, да мимо течеша суетных болезней болезни... (с. 112–114).</p>	<p>...и святаго Ефрема глаголюща: «боли болезни болезнене, да мимо течеша суетных болезни... (с. 70).</p>
<p>Егда же, тужа, рече, изнеможет ум, зовы и тело, и сердце възболит зелным и тяжкым призыванием Господа Исуса, тогда в пение попущати его, якоже ослабу малу и упокоение подаа ему (с. 114).</p>	<p>Егда же ум изнеможет выпна, и тело, и сердце възболит, тогда в псалмы, и тропари, и в чтения попущати его или и в рукоделие (с. 70).</p>
<p>Мечтаний же зрака и образа видений не приемли никоегоже, да не прелщен будеша (с. 114).</p>	<p>...никакоже приемля помысл некоторый, или образ, или зрак, или ангельски, или человечески (с. 70).</p>

Учение о монашеском делании представлено Даниилом в отличном от Нила контексте. Митрополит приводит его в качестве совета, отвечая на частный вопрос владыки Геннадия о том, как избежать «умного пленения». В Уставе Нила Сорского «умное делание» рассматривается как база монашеской жизни основанной им скитской обители, в связи с чем это учение

изложено в более системном и полном виде. В посланиях Даниила, регламентирующих монастырскую жизнь, учение исихастов практически отсутствует, уступая место дисциплинарным предписаниям Устава Иосифа Волоцкого.

В своих сочинениях Даниил не оспаривает ни одного из ключевых положений Устава Нила Сорского. В определённом смысле такой полемики и не могло быть. Е. В. Романенко показала, что Нил Сорский никогда не выдвигал программы секуляризационной реформы²⁷⁵. Достоверность известий о его выступлении на соборе 1503 г. также подвергнута сомнению²⁷⁶. В свою очередь в сочинениях Даниила нигде не поднимается вопрос о праве монастырей на владение вотчинами. Это обстоятельство, разумеется, не означает, что Даниил сторонился участия в полемике. Право монастырей на владение сёлами отстаивается в редакторских трудах, выполненных под его руководством, – Митрополичьей Копийной книге земельных актов, Никоновской летописи и Сводной Кормчей. По мнению Б. М. Клосса, эти рукописи были подготовлены специально к собору 1531 г.²⁷⁷ Фактически они являлись ответом на вызов, брошенный Даниилу Вассианом Патрикеевым в сочинении «Слово ответно противу клеветящих истину евангельскую»²⁷⁸. Таким образом, участие Даниила в полемике о монастырских вотчинах ограничилось ответом Вассиану и никак не соприкасалось с трудами преподобного Нила.

В вопросе о преимуществе форм монастырской жизни позиция Даниила и Нила выражена в пересказе единого святоотеческого учения о трёх устройствах монашеского жития (пустынничество, скит и киновия). В митрополичьем послании «О различии иноческого жительства» в схожем с Сорским уставом виде это учение воспроизводится по 26 пункту первого слова «Лествицы».

Нил Сорский не противопоставлял скит и общежитие как две формы монашеской жизни и не мог выдвигать идею реформы всех русских монастырей на скитской основе²⁷⁹. Сочинения Нила и практика принятия новых иноков в Нило-Сорскую обитель только из общежительных монастырей свидетельствует о том, что сам преподобный и его ученики рассматривали киновию как подготовительный этап перед вступлением инока в скит. В свою очередь и митрополит Даниил, настаивая на преимуществе общежития, не только не отрицает иных форм монашества, но и подчёркивает достоинства как пустынничества («нужно есть зело и равноангельским прикладно»), так и скитского жития («се же есть многим ключимо»)²⁸⁰.

Сделанные наблюдения позволяют утверждать, что литературная традиция Нила Сорского оказала значительное влияние на творчество Даниила. Митрополит редактировал сочинения Нила и заимствовал из них важные фрагменты при написании собственных трудов. Это привело к тому, что в сочинениях обоих авторов имеются как стилистические, так и содержательные сходства. Наконец, то обстоятельство, что Даниил нигде не полемизирует с Нилом, говорит о том, что он не противопоставлял Сорского старца преподобному Иосифу и не считал его своим литературным оппонентом. Это позволяет внести определённую корректировку в устоявшееся представление о литературной полемике нестяжателей и иосифлян.

²⁷⁵ Романенко Е. В. Взгляды Нила Сорского на проблемы личной собственности монахов и корпоративной собственности монастырей // Преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский. М., 2011. С. 115.

²⁷⁶ Плигузов А. И. Poleмика в Русской Церкви первой трети XVI в. М., 2002. С. 386.

²⁷⁷ Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 67.

²⁷⁸ Плигузов А. И. Poleмика в Русской Церкви... С. 91–92.

²⁷⁹ Романенко Е. В. Взгляды Нила Сорского... С. 81–82.

²⁸⁰ РНБ. Софийское собр. № 1281. Л. 237.

Русская церковь во второй половине XV–XVI вв.: на пути к установлению патриаршества

С. В. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ²⁸¹

Russian Church in the Second Half of the XV–XVI Century: On the Way to Establishing the Patriarchate

Annotation. Russian ecclesiastical and political problems that Russian Church faced from the second half of the XV to the end of the XVI century are considered in the article: the struggle for obtaining the status of an independent Church recognized by the Ecumenical patriarchs (ideally, an independent Patriarchate) and the contradictory relationship with the Russian secular authorities. The difficulty of solving both problems was their intertwining: it was impossible to achieve Church independence without the active participation of the secular authorities in this process, but this participation in itself put the Church in a dependent position now of its own Russian rulers.

Key words: The Russian Church, the Patriarchate, the Ecumenical Patriarch, Church-state relations

Гибель Византийской империи привела к тому, что с конца XV в. все вселенские (восточные) православные патриаршества (Константинопольское, Иерусалимское, Антиохийское и Александрийское) оказались под властью турецкого султана. Их положение резко изменилось: на территории Османской империи православие утратило статус государственной религии, Церковь потеряла поддержку государства, права Церкви и православных подданных султана стали ущемляться, наконец, значительно ухудшилось материальное состояние всех восточных Православных Церквей. Данная ситуация сказалась и на взаимоотношениях вселенских патриаршеств с Русским государством и Русской Церковью. Во-первых, во второй половине XV в. постепенно устанавливается автокефалия Русской Церкви²⁸², однако её правовой статус среди иных Православных Церквей ещё долго, практически до конца XVI в., оставался не совсем ясным. Во-вторых, на протяжении всего XVI столетия в русских церковно-политических кругах сохранялось подозрительное отношение к восточным Церквям (из-за Флорентийской унии, из-за того, что патриархи подчинялись правителю-мусульманину, из-за постоянных контактов греческих иерархов с Римом и др.). Именно поэтому с конца XV в. в России предпринима-

²⁸¹ **Перевезенцев Сергей Вячеславович (Sergey V. Perevezentsev)**; доктор исторических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова; serp1380@yandex.ru.

²⁸² По мнению ряда исследователей, окончательное установление автокефалии Русской Церкви произошло в 1461 г. после кончины митрополита Ионы: новый митрополит Феодосий (Бывальцев, † 1475) стал первым в ряду московских святителей, кого в этом сане утвердил не константинопольский патриарх, а московский правитель, в данном случае, великий князь Василий II Васильевич. Дискуссию о времени установлении автокефалии см.: *Шпаков А. Я.* Государство и Церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Ч. 1. Княжение Василия Васильевича Темного. Киев, 1904; *Кантерев Н. Ф.* Власть патриаршая и архиерейская в Древней Руси в их отношении к власти царской и приходскому духовенству // Богословский вестник. 1905. Т. 2. № 4. С. 657–690; Т. 2. № 5. С. 27–64; *Плигузов А. И., Семенченко Г. В.* Примечание составителей // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI вв. М., 1987. Ч. 3. С. 646–648; *Лурье Я. С.* Феодосий Бывальцев // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 456–457; *Лурье Я. С.* Как установилась автокефалия Русской Церкви XV века? // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Т. 23. С. 181–198; *Ломизе Е. М.* Письменные источники сведений о Флорентийской унии на московской Руси в середине XV века // Россия и христианский Восток. М., 1997. Вып. 1. С. 69–85; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 223–225; *Кузьмин А. Г.* Флорентийская уния и Русская Церковь // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 237–238; *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М., 2009.

ется несколько попыток создания собственных Кормчих книг²⁸³, а разработка собственного церковно-правового законодательства завершилась принятием в 1551 г. «Стоглава». По сути дела, в «Стоглаве» обосновывается представление о Русской Церкви как единственной из всех Православных Церквей, сохранившей истину христианской веры, засвидетельствованные апостолами, вселенскими соборами, святыми, в том числе русскими – от Ольги и Владимира и до «новых чудотворцев», канонизация которых была осуществлена в XVI в.²⁸⁴ Наконец, в-третьих, бедственное материальное состояние восточных патриаршеств привело к тому, что они стали в значительной степени зависеть от русских государей, которые обеспечивали им финансовую поддержку. И если поначалу вселенские патриархи просто присылали в Россию посольства или передавали с оказией письма с просьбами о помощи, то с конца XVI в. начали сами приезжать в Москву «за милостынею».

Заметно изменились церковно-государственные отношения и в самой России. На рубеже XV–XVI вв. значительно обострились две проблемы. Первая проблема – соотношение светской и церковной властей, «царства» и «священства». Конечно, споры о том, кто главнее – Церковь или светская власть, в русской церковно-политической жизни велись постоянно на протяжении всей истории. Но теперь, лишившись покровительства византийского императора и константинопольского патриарха (пусть и номинального покровительства, однако требующего от русских правителей соблюдения определенных правил), Русская Церковь оказалась один на один со всё более крепнущей самодержавной властью. Более того, русские церковные деятели всячески способствовали становлению русского самодержавия, видя в этом воплощение Божией воли, укрепляющей единственную в мире независимую православную державу в «последние времена», то есть в ожидании приближающегося «скончания миру».

Однако взаимоотношения между главами Церкви и светскими русскими правителями оказались крайне противоречивыми. Уже митрополит Феодосий (Бывальцев, † 1475), взошедший на митрополичий стол в 1461 г. по благословию умирающего митрополита Ионы и волею великого князя Василия Васильевича, оказался в сложном положении, потому что в 1462 г. после кончины отца великокняжеский стол занял властолюбивый князь Иван III Васильевич. Одолевали нового митрополита и иные проблемы: нужно было утверждать самостоятельный статус Московской митрополии во взаимоотношениях не только с Константинополем, но и с наиболее влиятельными русскими владыками, прежде всего, с новгородским и тверским, которые критически относились к праву его предшественника Ионы именоваться митрополитом. Не признавали этого права за московскими святителями и в Литве, где был свой митрополит. Кое-что новому митрополиту сделать удалось, в частности, преодолеть некоторую оппозиционность тверского епископа и новгородского архиепископа, а также наладить отношения с Константинополем. Впрочем, на первый план для митрополита Феодосия вышла совсем другая проблема, связанная с внутренними, духовными сюжетами. Будучи сам образованным человеком, Феодосий начал труды по искоренению безграмотности русских священников, смещая недостаточно образованных иереев с мест их служения. Но результат оказался обратным – значительное число храмов осталось без священников, а митрополита начали повсеместно «проклипать». Узнав об этом, Феодосий «разболелся» и в 1464 г. оставил митрополичий стол (он ушел в монастырь, сначала в кремлёвский Чудов, затем – в Троицкий, где и скончался спустя десять лет)²⁸⁵.

Перед своим уходом Феодосий благословил на митрополичье служение суздальского епископа Филиппа. Митрополит Филипп († 1473) продолжил борьбу московских владык с западнорусскими митрополитами. Эта борьба была осложнена тем, что Григорий Болгарин отрекся

²⁸³ См.: *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII веков. В 2 тт. СПб., 2017.

²⁸⁴ *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 150.

²⁸⁵ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 186.

от унии и был признан константинопольским патриархом Дионисием единственным «истинным» православным митрополитом «на всей Руской земле»²⁸⁶. Следовательно, возникла опасность, что таковым Григория признают все русские епархии, в том числе находящиеся под церковной властью московского митрополита. И эта опасность была вполне реальной, в частности, новгородцы, конфликтовавшие в этот период с московским великим князем, отказывались признавать верховенство и московского митрополита (так, исследователи обратили внимание на важный факт: новгородское летописание того периода не упоминает митрополита Филиппа²⁸⁷). Огромные усилия, которые приложили Филипп и великий московский князь Иван III позволили сохранить единство московской митрополии.

Рука об руку действовали великий князь и митрополит и в других случаях. Одним из величайших их деяний нужно считать начало строительства нового Успенского собора в Кремле. Правда, частично возведенное русскими мастерами ещё при жизни Филиппа здание собора рухнуло в 1474 г., через год после кончины святителя.

Впрочем, отношения митрополита Филиппа с великим князем отличались непостоянством. В частности, к огромному неудовольствию духовного владыки, князь женился на греческой принцессе Софии (Зое) Палеолог, которую в Москве подозревали в склонности к униатству и католичеству. Ещё большее возмущение у русских духовных и некоторых мирских лиц вызывал тот факт, что в свите гречанки в Москву явились католические иерархи и священники. Дело дошло до того, что под благовидным предлогом (великий князь после кончины первой супруги женился во второй раз, а второй брак не поощряется Церковью) митрополит Филипп отказался венчать венценосную пару, более того, запретил это делать кремлёвским священникам. В итоге, таинство свершал приглашенный из Коломны протопоп Осия²⁸⁸.

Строительство нового Успенского собора по новому проекту итальянского архитектора Аристотеля Фиораванти завершилось в 1479 г., уже в годы правления митрополита Геронтия († 1489). В дальнейшем Геронтий постоянно поддерживал все инициативы великого князя Ивана Васильевича, направленные на укрепление создаваемого им Русского государства: в 1477 г. благословил поход на Новгород, в 1480 г. отправил ободряющее послание князю на Угрю. Но именно этот период отмечен уже постоянными конфликтами митрополита с великим князем. Иван III все более ощущал себя полноправным «господарем всея Руси» и потому считал возможным вмешиваться в церковные дела по любому поводу, даже если спорный вопрос касался исключительно духовной сферы: какой формы крест ставить в алтаре заново отстроенного Успенского собора; нужно ли канонизировать недавно скончавшегося митрополита Филиппа (князь был против этой канонизации). Дело дошло до того, что в 1481 г. Геронтий демонстративно покинул митрополичий престол, и Иван III вынужден был «бить ему челом». В свою очередь, в 1484 г. великий князь сделал попытку сменить митрополита, правда, не увенчавшуюся успехом²⁸⁹.

Именно в годы правления митрополита Геронтия в жизни Русской Церкви начались серьёзнейшие духовные споры, в том числе и борьба с ересью «жидовствующих», повлекшие за собой значительные изменения всей жизни русского общества и государства. В эти споры и в эту борьбу оказались вовлечены и последующие митрополиты: Зосима (митрополит в 1490–1494 гг.) и Симон († 1511). Судьба их оказалась различна. Зосиме, подозреваемому в склонности к ереси и обвинённому в пьянстве и нерадении о церковных делах, пришлось оставить митрополичий стол «не своей волею». Симон, наоборот, принял активное участие в борьбе

²⁸⁶ Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собрании ПНР /Сост. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 145–147.

²⁸⁷ Лурье Я. С. Филипп I, митрополит Московский // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 464–466.

²⁸⁸ Более подробно см. об этом: Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 305–340.

²⁸⁹ Лурье Я. С. Геронтий // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 163–165. Более подробно см. об этом: Борисов Н. С. Иван III... С. 544.

с ересью, хотя нередко открыто выступал против деяний Ивана III: «печаловался» об «опальных», протестовал против планов секуляризации церковных земель и др.²⁹⁰

С именем митрополита Симона связано ещё одно важное событие в церковно-государственных отношениях: он был первым из русских духовных владык, которому в 1495 г. митрополичий жезл вручил сам великий князь. С той поры утверждение глав Русской Церкви стало прерогативой московского великого князя. Как отмечают исследователи, «чин поставления Симона в митрополиты, при котором великий князь вручал поставляемому пастырский жезл, как бы закреплял за великим князем канонические права византийского императора и прежде всего, права инвеституры»²⁹¹. Позднее эти права перешли к русскому царю.

В дальнейшем можно найти немало примеров, когда русские правители, ощущая себя самодержавными, то есть независимыми государями, достаточно вольно обращались с церковными владыками. В 1521 г. по требованию великого князя Василия III с митрополичьего стола был сведён митрополит Варлаам (занимавший кафедру с 1511 г.), отказавшийся развести московского правителя с первой женой. В 1568 г. по приказу царя Ивана IV Васильевича был насильно низложен митрополит Филипп (глава Церкви с 1566 г.), отказавший благословить опричные деяния. В 1586 г. царь Фёдор Иванович отставил от кафедры митрополита Дионисия (бывшего в это роли с 1581 г.), посмеявшегося обличать царского шурина Бориса Годунова. Более того, даже бояре, дорвавшиеся до самостоятельной власти, начинали вести себя «самодержавно» по отношению к главам русской Церкви: в 1539 г. бояре Шуйские низложили митрополита Даниила (митрополит с 1521 г.), а в 1542 г. отправили на покой неугодного им митрополита Иоасафа (митрополит с 1539 г.). Время правления других духовных владык в XVI столетии было недолгим, они либо сами уходили на покой, как это сделал в 1566 г. не пожелавший оправдывать опричнину митрополит Афанасий (митрополит с 1564 г.), либо, как Кирилл (правил в 1566–1572 г.) и Антоний (правил в 1572–1581 гг.), не вступали ни в какие конфликты со светской властью, а тихо и мирно оканчивали свои дни в митрополичьем сане (правда, незадолго до кончины Антоний, предчувствуя свою смерть, ушел на покой в монастырь). Лишь митрополит Макарий, своими личностными качествами и практическими делами завоевавший абсолютный духовный авторитет у современников, в том числе и у царя Ивана IV Васильевича, пребывал предстоятелем Русской Церкви почти двадцать лет, с 1542 по 1563 г.

Ещё одна проблема – стремление светской власти реквизировать церковное землевладение и иное церковное имущество. В XV–XVI вв., на фоне мощного духовного подъёма русского общества, а также всплеска апокалиптических настроений, произошло резкое увеличение числа православных храмов и монастырей и, одновременно, начался бурный рост церковного землевладения и другого церковного имущества. Объяснение тому простое: пребывая в напряжённой духовной обстановке, люди, надеясь на «добрый ответ» на скором Страшном суде, массово делали земельные, денежные и имущественные вклады «на помин души» в монастыри и храмы. Вкладчиками, в большинстве своем, были землевладельцы различного состояния и звания, в том числе и члены великокняжеской, позднее, царской семьи, да и сами государи. Как пишет А. И. Алексеев, «состоятельные миряне стремились заручиться молитвами братии о спасении себя и близких, обеспечить постриг в стенах монастырей старым и больным сородичам». Здесь же отмечается, что первым в этом ряду стал Иосифо-Волоцкий монастырь, «уникальной особенностью» которого оказалась «разработка образцовой системы поминания умерших, в которой размер вклада соответствовал характеру поминания»²⁹². Но в

²⁹⁰ Лурье Я. С. Зосима // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 364–367; Булакин Д. М. Симон (Чиж), митрополит всероссийский // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 336–339.

²⁹¹ Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 90.

²⁹² Алексеев А. И. Иосиф Волоцкий. М., 2014. С. 88.

результате роста церковных земель началось сокращение земельного фонда, предназначенного для решения различных государственных задач, в первую очередь, для материального обеспечения «служилых людей». Именно поэтому уже с конца XV в. светские власти и, прежде всего, великий князь московский Иван III Васильевич попытались провести секуляризацию церковного имущества.

Интересно, что в этом случае великий князь и его окружение использовали в своих интересах внутрицерковную дискуссию, развернувшуюся между преподобными Иосифом Волоцким и Нилом Сорским и их последователями. Приверженец строгого личного аскетизма, преподобный Иосиф решительно выступал за право владения монастырями земельной собственностью²⁹³. Ведь только обладая собственностью и не заботясь о хлебе насущном, монашество будет увеличиваться и, следовательно, заниматься своим главным делом – нести в народ Слово Божие. Более того, лишь богатая Церковь, по убеждению преподобного Иосифа, способна приобрести в обществе максимум влияния. В то же время, он настаивал на том, чтобы все монастырские богатства направлялись на благотворительность и исполнение иных социальных целей. В своем монастыре Иосиф Волоцкий вел широчайшую благотворительную деятельность.

В свою очередь, преподобный Нил Сорский задачу Церкви по отношению к миру усматривал исключительно в молитвенной заботе о государстве. Считая, что Церковь выше государства (в мистическом, а не в историческом смысле), он выступал за отграничение Церкви от мира, против проникновения Церкви в политику и обогащения монастырей. Бедность, по Нилу Сорскому, – это идеал, связанный с «радикальным нестяжанием»: Церковь должна иметь только самое необходимое. Накопление богатств влечёт за собой «обмирщение» Церкви и, как следствие, упадок престижа монастырей, и, что самое страшное, снижение авторитета православной веры в глазах обычных мирян. Поэтому всякую собственность, не только богатство, он считал противоречащей монашеским обетам и довольно резко выступал против вотчинных прав Церкви, призывая вместо крупных монастырей-землевладельцев создавать небольшие скиты, более пригодные для иноческих подвигов²⁹⁴.

Светские власти воспользовались позицией Нила Сорского и его последователей в собственных интересах. Как показывают исследования последних лет, в этом случае преподобный Нил и его последователи оказались если не прямыми агентами великокняжеской власти, то использовались представителями власти для атаки на церковную собственность²⁹⁵.

В полной мере тогда это не удалось сделать. Но возвышение светской власти над духовной заметно повлияло на имущественное положение Русской Церкви во второй половине XVI столетия. Если авторитет святителя Макария позволил ему в 1551 г. отстоять церковные земельные владения от покушений на них светских властей, то во второй половине XVI в. более слабые и менее авторитетные церковные владыки уже не могли остановить этот процесс, поэтому права на церковные и монастырские вотчины, а также различные льготы для церковных земель постоянно сокращались.

В результате, к концу XVI в. светские власти пользовались значительной свободой в отношениях с церковными иерархами. Поэтому вовсе не вызывает удивления тот факт, что инициативу введения патриаршества в России, то есть официального оформления независимого, признанного всеми Православными Церквями, статуса Русской Церкви, проявили именно светские власти: царь Фёдор Иванович и его шурин, боярин Борис Фёдорович Годунов. Впервые эта идея была высказана в 1586 г. приехавшему в Москву «за милостынею» антиохийскому патриарху Иоакиму, и тот обещал передать пожелание московских правителей другим

²⁹³ Послания Иосифа Волоцкого / Подг. А. А. Зимин, Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 55–60, 86–87, 299–321.

²⁹⁴ *Нил Сорский, прп.* Предание ученикам своим о жительстве скитском. СПб., 1852. С. 60–64, 127, 195.

²⁹⁵ См. об этом: *Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010. С. 37–40.

вселенским патриархам. Два года спустя, в июле 1588 г., в Москве «ради милостыни на церковное строение» оказался константинопольский патриарх Иеремия. В этот раз московские власти были гораздо более настойчивы: после радушного царского приёма, осыпанный дарами патриарх Иеремия оказался... фактически под домашним арестом на Рязанском подворье, где провёл полгода. Все это время с ним велись сложные переговоры, но Иеремия отказывался самостоятельно возвести московского митрополита Иова (митрополит с 1586 г.) в патриарший сан, предлагая различные половинчатые решения. И всё же в январе 1589 г., при условии, что он будет отпущен обратно в Константинополь, патриарх Иеремия согласился исполнить волю русского царя.

После этого русские власти решили соблюсти все формальности. 17 января решение царя Фёдора Ивановича поддержала Боярская дума вместе с Освященным собором. 23 января была проведена процедура выбора царём патриарха из трёх предложенных кандидатов на этот пост, затем в тот же день в царских палатах состоялось наречение Иова в патриархи, а Иеремия и нареченный патриарх Иов отслужили краткий молебен в Успенском соборе. Кстати говоря, в этот день Иов, которого на протяжении полугода не допускали к патриарху, впервые встретился с Иеремией. Наконец, 26 января в Успенском соборе Иеремия с сонмом архиереев совершил над Иовом полную архиерейскую хиротонию.

Патриарх Иеремия провёл в Москве ещё несколько месяцев, на протяжении которых под бдительным контролем царя Фёдора Ивановича и Бориса Годунова создавалась «Уложенная грамота об учреждении в России Патриаршего престола»²⁹⁶. Эта грамота интересна ещё и тем, что впервые в официальном государственном документе содержится почти дословное воспроизведение идеи «Третьего Рима», которая должна была подтвердить законность и логичность утверждения в России высшего церковного титула: «Понеже убо ветхий Римъ падеся Аполинариевою ересью; второй же Римъ, иже есть Костянтинополь Агарянскими внуцами... обладаем; твое же, о благочестивый Царь, великое Российское царствие, третей Римъ, благочестиемъ всехъ превзыде... и ты единъ подь небесемъ Христианский Царь...»²⁹⁷. Следовательно, впервые русские церковно-политические власти добились от вселенского патриарха признания особой миссии России в мире. А ведь до того времени греки, и прежде всего, представители восточных Церквей очень долго отказывались соглашаться с тем мнением, что Россия стала носителем особой христианской миссии. Показателен в этом отношении пример преподобного Максима Грека, одного из самых авторитетных греческих мыслителей, который не признавал ни русских «новых чудотворцев», ни новых представлений русских православных людей о своем месте в мировом пространстве²⁹⁸.

Только в мае 1589 г. Иеремия, подписав грамоту и получив от царя щедрые подарки, уехал из Москвы. В мае 1590 г. он созвал в Константинополе собор, который утвердил патриарший сан за предстоятелями Русской Церкви и пятое место русского патриарха в числе иных православных патриархов. Соборную грамоту, подписанную тремя патриархами (отсутствовала подпись Александрийского патриарха, потому что Александрийская кафедра была

²⁹⁶ Грамота уложенная об учреждении в России Патриаршего престола... // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 95–103.

²⁹⁷ Там же. С. 97. Можно сравнить эту формулировку с формулировкой из послания старца Филофея: «Стараго убо Рима церкви падеся неверием аполинариеви ереси, втораго Рима, Константинова града церкви, Агаряне внуцы секирами и оскордъми разсекоша двери, сия же ныне третиаго, новаго Рима, дръжавнаго твоего царствия святая соборная апостольскаа церкви, иж в концых вселенны в православной христианстей вере во всей поднебесней паче солнца светится» (См.: Послания старца Филофея // БЛДР. СПб., 2007. Т. 9. С. 300–302). Стоит также напомнить, что в годы царствования Ивана IV идея «Третьего Рима» не пользовалась популярностью у московских книжников и политических публицистов.

²⁹⁸ См. об этом: *Максим Грек*. Сочинения. Казань, 1862. Ч. 3. С. 157; *Ржигза В. Ф.* Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 5–120; *Макарий (Булгаков)*, митр. История Русской Церкви. М., 1997. Кн. 4. Ч. 1. С. 101–102.

тогда вакантной) и другими епископами²⁹⁹, в июне 1591 г. доставили в Москву. Русские власти потребовали, чтобы московский патриарх был поставлен на третье место. В 1593 г. в Константинополе в присутствии московского посла Г. Афанасьева состоялся новый собор восточных иерархов, в котором участвовали патриархи Константинопольский, Александрийский (временно управлявший также Антиохийской кафедрой) и Иерусалимский. Собор согласился с возведением предстоятеля Русской Церкви в патриарший сан, но отказал поставить его на третье место в диптихе Православных Церквей и установил для московского патриарха лишь пятое место. Отказались греки и от признания особого роли России в христианском мире: ни в грамоте 1590 г., ни в Деяниях Константинопольского собора 1593 г. нет никакого упоминания о России как о «Третьем Риме»³⁰⁰. Впрочем, чтобы подчеркнуть своё уважение к русскому государю, Собор приговорил, что «благочестивейший царь московский и самодержец всея России и северных стран» будет вспоминаться в священных службах восточной Церкви «по имени, как православнейший царь»³⁰¹. Как можно видеть, усилиями светских властей, Русская Церковь достигла цели, путь к которой начался ещё в середине XV в. – обрела патриаршество и сравнялась с иными Православными Церквями в своем статусе. Однако попытка русских светских властей ещё более возвысить авторитет Русской Церкви, а также добиться признания от восточных патриархов особой роли России в мировой истории не увенчалась успехом.

²⁹⁹ Всего под текстом приговора стоит 106 подписей, графологический анализ которых показал, что по крайней мере 66 из них поддельные. Как считают специалисты, «нет необходимости сомневаться в факте проведения патриархом Иеремией Собора по поводу возведения Московской кафедры на степень патриаршей, однако следует признать, что участников Собора было значительно меньше, чем количество подписей под соборным приговором». См. об этом: *Фонкич Б. Л.* Из истории учреждения патриаршества в России: Соборные грамоты 1590 и 1593 гг. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 251–260; *Макарий (Веретенников), архим.* Иов // ПЭ. М., 2011. Т. 25. С. 253–264.

³⁰⁰ См.: Грамота об утверждении Московского патриархата // *Шпаков А. Я.* Государство и Церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Ч. 2. Царствование Федора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912. С. 351–353; Деяние Константинопольского Собора 1593 года, которым утверждено патриаршество в России / Пер. с греч. архим. Порфирия Успенского // Труды Киевской духовной академии. 1865. Киев, 1865. Т. III. С. 237–248.

³⁰¹ Деяние Константинопольского Собора 1593 г. С. 246.

Два эпитафических памятника смутного времени ³⁰²

А. Г. АВДЕЕВ³⁰³

Two Epigraphic Monuments of the Time of Troubles

Annotation. The inscriptions of Moscow Russia are rarely used as a source containing important historical information. In the paper discusses two epigraphic monuments of the 17th century related to the events of the Time of Troubles – gravestones with the epitaphs to Alexey Vasil'ev son Nazimov (Pskovo-Pechersky monastery) and Melentey Filipievich Kapustin (Spaso-Vorotynsky monastery), who died in the battles of 1606–1607. The first epitaph allows you us to set the establish the date of the second battle at Kromy and attribute it to August 31, 1606. The second epitaph is so far the only evidence of the participation of service people of Vorotynsk in the battle of the Voronya River on June 12, 1607.

Key words: Time of Troubles, inscriptions, epitaphs, new sources.

В сферу научных интересов Н. С. Борисова входят духовная культура и политическая история Древней Руси «накануне конца света». С конца XV в. среди массовых предметов личного благочестия на Руси распространяются монументальные эпитафические памятники нового типа – белокаменные надгробные плиты с эпитафиями. Несмотря на постоянно растущее число публикаций, эти источники нередко рассматриваются как свидетельства «второго», а то и «третьего» плана и всё ещё находятся на периферии научных исследований, что неудивительно при обилии традиционных источников. Как исключение можно назвать попытку А. А. Зимина вывести отсутствующую в традиционных источниках дату битвы на Вырке из эпитафии князю Юрию Юрьевичу Мещерскому, который

«|³ УБЬЕН [БЫСТ]^Ь НА |⁴ ГДРВЕ

23 февраля 1607 г. ³⁰⁴ Р. Г. Скрынников полагал, что «точная дата сражения на Пчельне (3 мая 1607 г. – А. А.) обозначена на надгробии Б. П. Татеева»³⁰⁵, хотя эта дата по григорианскому календарю (13 мая 1607 г.) дана в «Московской хронике» Конрада Буссова³⁰⁶. В данной статье будет продолжена эта традиция сопоставления уникальных эпитафических данных со сведе-

³⁰² Статья написана при поддержке Университета Дмитрия Пожарского, Лаборатории RSSDA и Фонда Развития ПСТГУ в рамках исследовательского проекта «Корпус русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum»: [электронный ресурс]. Режим доступа: www.cir.gssda.su. Научный руководитель проекта – А. Г. Авдеев, технический руководитель – Ю. М. Свойский.

³⁰³ Авдеев Александр Григорьевич (Alexander G. Avdeev); кандидат исторических наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; avdey57@mail.ru.

³⁰⁴ Зимин А. А. К изучению восстания Болотникова // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова / Под ред. В. И. Шункова. М., 1963. С. 210. Публикация плиты: Гириберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. Ч. II. Надписи первой половины XVII в. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1962. Т. III. С. 222. № 149.

³⁰⁵ Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 174. Прим. 54. Содержание эпитафии на утраченном надгробии Б. П. Татеева, погибшего «под Калугой», известно из «путеводителя» по некрополю Троице-Сергиева монастыря, составленному около 1634 г. См.: Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, составленное по рукописным и печатным источникам. М., 1879. Т. 2. С. 86.

³⁰⁶ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 143.

ниями из письменных источников. Это поможет выявить некоторые важные детали событий Смутного времени.

1. О дате второй битвы под Кромами (СІR4071)

Комплекс надгробных плит в пещерном некрополе Псково-Печерского монастыря является ценнейшим, но не до конца оценённым источником по военной истории России второй половины XVI – первой четверти XVIII в. Обозначенные на них даты гибели служилых людей отражают их участие в битвах и осадах Ливонской, Малой и Великой Северных войн, а также Смутного времени.

Одним из примеров значимости данных источников, выявляемой при их комплексном анализе и в сопоставлении с традиционными источниками, является белокаменная надгробная плита-вставка с эпитафией Василию Васильеву сыну Оболиянинова (СІR0128). Из челобитной его вдовы известно, что погиб в битве на Вырке, тогда как эпитафия, сообщающая о его

гибели
12 февраля 7115/1607 г.³⁰⁷

«|² ПО КОЛЪГОЮ», даёт точную дату сражения –

³⁰⁷ Подробнее см.: Авдеев А. Г., Донской Г. Г. Дата битвы на реке Вырке: традиционные источники и эпиграфика // Вопросы эпиграфики / Отв. ред. А. Г. Авдеев. М., 2019. Вып. X. С. 394–406.

Спасо-Воротынский монастырь. Белокаменная надгробная плита с эпитафией Мелентию Филиппевичу Капустину, убитому «на войне». 12 июня 1607 г. Общий вид. Документировано 05.09.2016 г., код документирования OG0179, код надписи CIR0635. Операторы документирования: Сергей Пешков, Александр Пешков, Антон Клейменов, Евгений Юшин, Рафхат Габдулин, Дарья Анисимова, Ольга Харитонова

Здесь речь пойдёт об уточнении даты ещё одного сражения Смутного времени – второй битвы под Кромами, состоявшейся на исходе августа 1606 г.

О гибели в этой битве Алексея Васильева сына Назимова сообщает эпитафия на намогильной плите-вставке в пещерном некрополе Псково-Печерского монастыря. Её текст был опубликован архим. Аполлосом (Беляевым) по собственной копии гражданским шрифтом в 1893 г.³⁰⁸ и затем повторён в «Русском провинциальном некрополе» В. В. Шереметевского³⁰⁹. В XX в. плита была утрачена.

Текст эпитафии в передаче архим. Аполлоса гласил:

**7115 Августа 31 үбієнъ (5) высть Алексѣй Васильевъ сынъ
Назимовъ (10) подъ Кромами**

Архим. Аполлос издал текст эпитафии в сокращении. Как правило, при публикации эпитафий Псково-Печерского монастыря он сокращал имеющиеся в них формулы «лѣто» или «лѣта», «месяца», «в день» или «дня». Что же касается отсутствующей формулы «рабъ Божій», обычно передаваемой архим. Аполлосом в сокращении «р. Б.», то в эпитафиях убитым она встречалась далеко не всегда³¹⁰.

³⁰⁸ [Аполлос (Беляев), архим.] Первокласный Псково-Печерский монастырь. Изд. 2-е, дополненное при Настоятеле Архимандрите Иннокентие. Остров, 1893. С. 158. № 64.

³⁰⁹ [Шереметевский В. В.]. Русский провинциальный некрополь. Т. 1: Губернии Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Валаамский и Коневский. М., 1914. С. 591.

³¹⁰ См.: Авдеев А. Г. Суеверия, поминальная культура и старорусская эпиграфика // Вестник ПСТГУ. 2019. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. II (86). С. 66–70.

Спасо-Воротынский монастырь. Белокаменная надгробная плита с эпитафией Мелентию Филиппевичу Капустину, убитому «на войне». 12 июня 1607 г. Верхняя грань плиты с эпитафией. Документировано 05.09.2016 г., код документирования OG0179, код надписи CIR0635. Операторы документирования: Сергей Пешков, Александр Пешков, Антон Клейменов, Евгений Юшин, Рафхат Габдулин, Дарья Анисимова, Ольга Харитонова

Сведения, содержащиеся в данной надписи, дополняет эпитафия вдове Алексея Васильева сына Назимова Варваре Харлампиевой дочери, в схиме Вере, умершей 28 июня 1654 г. и также похороненной в пещерном некрополе Псково-Печерского монастыря (CIR0288). В

пещерном некрополе Псково-Печерского монастыря похоронен также родной брат Алексея – Максим-Богдан Васильевич Назимов, умерший в 1634 г. (С1R0291).

В конце лета 1606 г. царское войско под командованием князей Юрия Никитича Трубецкого (большой полк), Бориса Михайловича Лыкова (передовой полк) и Григория Петровича Ромодановского (передовой полк) осаждало крепость Кромы, занятую повстанцами. В войско были набраны «ратные люди далних городов» – новгородцы и псковичи³¹¹. Эпитафия вдовы Алексея Васильева сына Назимова (С1R0288), в которой последний назван пусторжевцем, свидетельствует об участии в войске служилых людей из Ржевы Пустой. Родной брат Алексея Максим-Богдан также служил по Ржеве Пустой³¹².

Существует две версии событий, развернувшихся под стенами Кром. Первая сообщает об отступлении правительственных войск после сражения. Один её вариант изложен в разрядных записях, которые сообщают, что накануне прихода отрядов Болотникова «под Кромами у воевод с воровскими людьми был бой», после которого в правительственном войске началось массовое дезертирство³¹³. Близкий вариант содержится в Бельском летописце: «Ивашко Болотников и государевых воевод и ратных людей от Кром отбил, а сам в Кромах стал, и ту многая кровь крестьянская на том бою пролилась. И государевы воеводы и ратные люди испод Кром отошли прочь»³¹⁴. Наконец, автор «Дневника Марины Мнишек», с чужих слов писал, что «войско Шуйского, 8000, побито под Кромами, гнали их 6 миль и били»³¹⁵. Вторая версия сообщает об отходе правительственного войска от крепости без боя. Она содержится в разрядных записях, где говорится, что Болотников «оттолкнул» царское войско от Кром³¹⁶.

³¹¹ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7123 гг.). М., 1907. С. 9–10, 142.

³¹² Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. II. С. 96–97.

³¹³ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 10.

³¹⁴ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 244.

³¹⁵ Diariyush Waclawa Dyamentowskiego // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Zbiór materyałów do historii stunków polsko-rossyjskich za Zygmunta перевод: Дневник Марины Мнишек / Пер. В. Н. Козлякова. СПб., 1995. С. 74. III. We Lwowie, 1901. S. 81 (Wydawnictwa zakładu N. Im Ossolińskich, III); русский

³¹⁶ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 42.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.